

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

НЕБО ЦВЕТА СТАЛИ

СКАЗАНИЯ МЕЕКХАНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

РОБЕРТ М. ВЕГНЕР

Легендарные фантастические сериалы

Роберт М. Вегнер

**Сказания Меекханского
пограничья. Небо цвета стали**

«Издательство АСТ»

2012

УДК 821.111
ББК 84(4Пол)

Вегнер Р.

Сказания Меекханского пограничья. Небо цвета стали /
Р. Вегнер — «Издательство АСТ», 2012 — (Легендарные
фантастические сериалы)

ISBN 978-5-17-101464-3

Много лет назад народ Фургонщиков покинул родные земли под натиском жестоких кочевников. Погибли тысячи людей, десятки тысяч лишились родины. Но молодое поколение, рожденное уже в Меекханской империи, воспитано на героических сказаниях предков и жаждет вернуть свою землю, которую никогда не видело. Генерал Ласкольник и его отряд участвуют в небывалом по масштабности плане: помочь Фургонщикам отвоевать у кочевников свой дом. Вот только для этого огромному каравану необходимо преодолеть высокие заснеженные горы, где на перевалах и тропах поселилась смерть. Тут раз за разом исчезают люди, и никто не в силах выйти на след таинственных преступников. Но именно здесь встретятся герои Севера и Востока: Кайлеан, всадница из отряда Ласкольника, и Кеннет, лейтенант Красных Шестерок, знаменитого подразделения Горной Стражи. Встретятся, чтобы понять: в мире, где давно отгремели войны богов, возникла новая странная сила – безжалостная и нечеловеческая, и битва с ней неизбежна.

УДК 821.111
ББК 84(4Пол)

ISBN 978-5-17-101464-3

© Вегнер Р., 2012

© Издательство АСТ, 2012

Содержание

Пролог	7
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	38
Глава 4	52
Глава 5	69
Глава 6	84
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Роберт М. Вегнер

Небо цвета стали

Сказания Меекханского пограничья

Robert M. Wegner

NIEBO ZE STALI

Публикуется с разрешения автора, издательства Powergraph и при содействии Владимира Аренева и Сергея Легезы

Во внутреннем оформлении книги использована иллюстрация Иоланты Дыбовской

Серия «Легендарные фантастические сериалы»

Copyright © 2012 by Robert M. Wegner

Copyright © 2012 by Powergraph

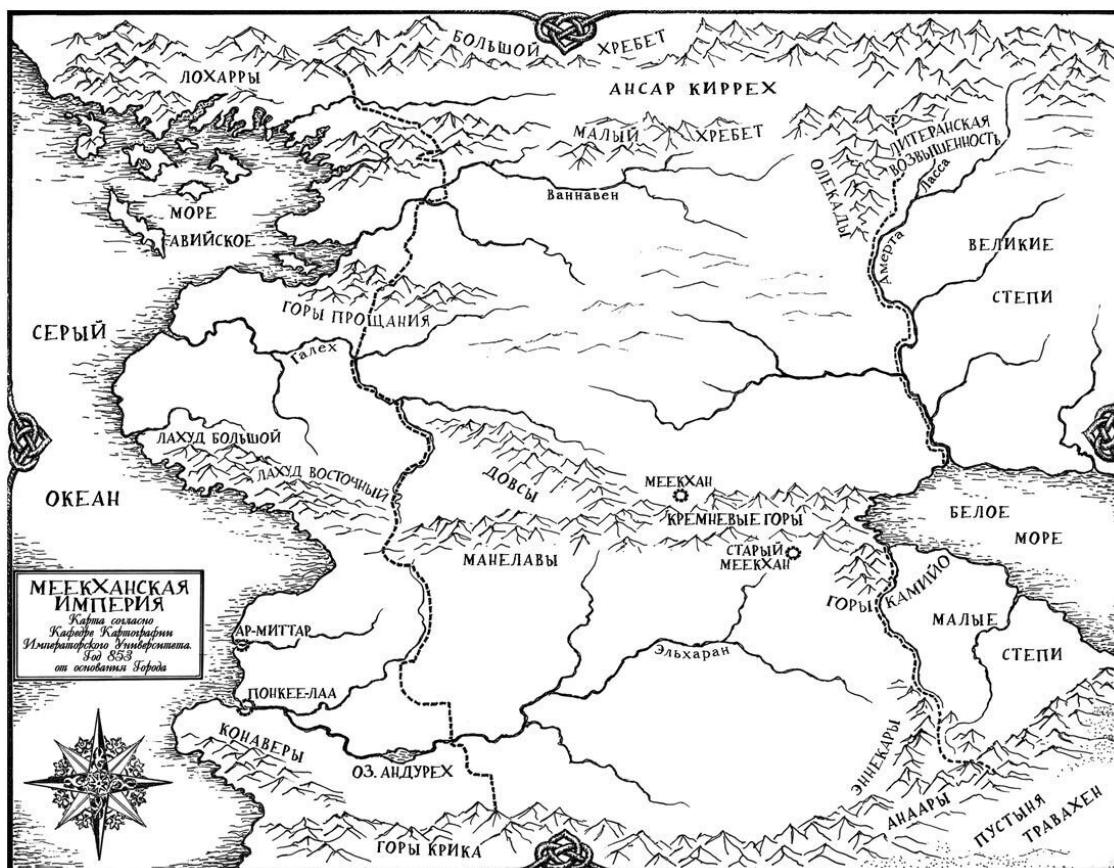
© Сергей Легеза, 2016, перевод

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2017

Copyright © 2015 for the map of Meekhan by Jolanta Dybowska

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Пролог

Мальчишка стоит в полутьме и проводит взглядом по лицам. Тех – около трех десятков. Большинство – детские, многие – не старше его самого. Дни печали едва миновали, почти на всех лицах следы белой краски; а у нескольких девочек волосы еще подвязаны в знак траура. Не знали, как по-другому выразить чувства. А теперь это...

Он смотрит на остальных спокойно. Происходят из разных кланов и родов, но во всех они – самые старшие и в последние годы сделались предводителями остальных.

– Мы потеряли большую часть молодых воинов, – начинает он, и ни одно лицо не кривится, ни в одних глазах не видно неприязни. – Племена на долгие годы сохраняют слабость, однако мы сделали то, что сделали.

Он стискивает кулаки так, что ногти впиваются в кожу.

– Если бы я мог, убил бы их. Сжег бы повозки, вырезал бы всех их коней, чтобы они смотрели на это и плакали. Предатели... проклятые...

Ему не хватает слов, оттого он сплевывает и растирает слюну пяткой.

– Отныне я буду воином клана Сломанного Клыка. – Такие слова на устах десятилетнего мальчишки могли бы вызвать улыбку, когда бы не его глаза. – Буду в битве носить знаки моего дяди и ездить верхом. Имя мое теперь – Амурех.

Они кивают. Когда прыгаешь вниз головой с отвесного берега, задумываться нельзя.

– Дядя сказал, что мы получим часть их земель. А если они попытаются туда вернуться... Я буду ждать.

Он вынимает нож и глубоко ранит свою ладонь. Стискивает кулак, и кажется, словно он выжимает кровь из воздуха.

– Останется шрам. – Одна из девочек внимательно смотрит на него.

– Знаю. И каждый раз, когда я стану сжимать руку на оружии, буду вспоминать. Понимаешь?

– Да.

Часть I

Вкус железа

Глава 1

У глубоких долин главная проблема – обделенность светом. Тень в них лежит еще долго после того, как равнины и плоскогорья уже прогреются в лучах солнца, а влага утренней росы, что в других местах исчезает в несколько минут, тут может сохраняться долгие часы. Особенно на юго-восточном крае такой долины, вблизи одного из многочисленных в этих краях ручьев. Одежда, хоть ты и суши ее день напролет и прячь в провощенный мешок, утром будет влажной и станет раздражать неприятным липким холодом. Надо постоянно следить, чтобы ремни, доспехи, сапоги, ножны мечей и сабель, пояса и другие кожаные части экипировки оставались хорошо пропитаны маслом, ведь нет ничего хуже, чем патрулировать несколько дней в натирающих сапогах.

Кеннет никогда бы не выбрал для постоя своих людей такого места. Четыре куреня, поставленные, вероятно, еще до последней войны с кочевниками, смотрелись убежищем временным, к тому же соорудили их там, куда солнце заглядывало лишь на несколько часов в день, что тоже отразилось на постройках. Плесень и мхи радостно оккупировали дерево, часть досок исчезла, а пол – если можно так назвать утрамбованную глину – тут и там пробивали хвощи. Когда месяц назад солдаты шестой роты получили приказ перебраться сюда, они не столько подновили, сколько перестроили курени, латая крыши, наново утрамбовывая пол и день и ночь поддерживая огонь в очагах, чтобы осушить стены, насколько удастся.

И несмотря ни на что все это время влага продолжала им сопутствовать.

А еще холод. И раздражение.

Небо начало слегка розоветь, через часок вершины на восточном конце долины напыются солнцем, а небосклон делается цвета холодной голубизны, столь светлой, будто он – купол из отполированной до блеска стали. Только когда солнце полностью взойдет над горизонтом, мир обретет нормальные цвета: белизна снежных шапок, выброшенных на вершины, чернота и серость скал под ними, темная зелень хвойных лесов, которыми поросли подножия гор, и несмелая зелень трав в долинах. Цвета, главенствующие на Олекадах, можно перечесть на пальцах двух рук.

По крайней мере не нужно напрягаться при маскировке.

Кеннет неторопливо, не делая резких движений, глянул влево, потом вправо, дал сигнал. Видел двоих из трех часовых, оба подняли ладони вверх.

Все в порядке.

Командир последним идет спать и первым – встает, это правило Горной Стражи было одним из тех неписаных, вековых и нерушимых, которых он придерживался неукоснительно и безо всяких отговорок вроде усталости или неудобства. Но было у него еще и другое,

куда более личностное: командир несет стражу со своими солдатами. От этой его привычки в последнее время Вархен и остальные десятники пытались Кеннета отучить. Потому что дурная привычка, постоянно говорил самый старый его сержант. Потому как, если кто и вправду попытается подкрасться к нам ночью, часовые могут погибнуть первыми, а рота останется без командира. А значит, Кеннет должен проводить ночи в курене, точно? Но лейтенант, обычно склонный прислушиваться к советам Велергорфа, на этот раз дал повод всем вспомнить, что у него – три четверти вессирской крови.

Уперся.

Потому что в Белендене, в тысяче миль к западу отсюда, ни один из его солдат и думать бы не посмел предложить нечто подобное. Кеннет вместе с ними стоял в дозоре, тайлся в засадах, бился в первой линии. С другой стороны – и эта мысль заставляла кривиться, – когда у тебя тридцать девять человек, то хватит их лишь на первую линию.

Вокруг куреней рос колючий кустарник да невысокие деревца. Лейтенант не приказал их выкорчевать, поскольку до стены леса было всего пятьдесят ярдов, а потенциальным стрелкам задание лучше не облегчать. Кроме того, в кустарнике могли таиться часовые, застывая в неподвижности, растворяясь на его фоне. Как он сейчас, присев, в плаще, увешанном веточками и обсыпанным прошлогодними листьями, почти невидимый в полумраке рассвета.

«Мы охотимся, – подумалось ему. – Сами не знаем на что, но расставляем силки в тихой надежде, что то, что в них попадется, окажется зайцем, а не медведем. Потому что такое – наша суть: когда близится опасность, мы не прячемся в замках и за частоколом, как здешнее дворянство, но ставим ловушку. Потому что на серну охотятся облавой, а на горного льва – приманкой. Потому что...»

Он поднял правую руку.

Все в порядке.

В ногу его упиралась теплая тяжесть. Кенва – второй в иерархии пес роты, – казалось, спал, но поставленные торчком уши и легкое подрагивание мышц свидетельствовали: он бдит. Берф Мавс, отвечающий за собак, умел с ними обращаться как никто другой. Звери были членами отряда почти наравне с людьми, тянули сани, отслеживали, сражались, стояли на посту, даже получали жалованье. Ежемесячно из кассы полка роте выделяли несколько оргов на дополнительные корма. Несколько оргов – это стоимость половины коровы, но дюжина больших, под сто пятьдесят фунтов, собак легко управлялась с таким количеством мяса. И только глупец – причем глупец, лишенный воображения, – попытался бы их обманывать и на них наживаться. Плохо накормленный и оставленный без ухода пес – пес больной. А больной пес – это животное сонливое, медлительное и слабое. Псы шестой роты оставались наиболее ухоженными в полку и платили нерушимой верностью и послушанием, что обычно имело значение.

Потому что вот уже три месяца в горах исчезали люди.

Началось это с середины зимы. Кто-то вышел из дома и не вернулся, несколько купцов, выбравшись санями в короткие поездки по селам в северной части Олекад, пропали без вести, трое охотников, ставивших силки на лис с зимним мехом, не появились в условленном месте. Сперва никто эти происшествия не объединял, в горах – в любых горах – могло случиться все что угодно из отсылающего человека в Дом Сна. Лавины, бандиты и горные львы, лед на реке, что проламывается под ногами, несчастный случай, заканчивающийся свернутой шеей. Ничего необычного.

Но потом начали пропадать люди Саэноха.

Саэнох Черная Морда был одним из немногих бандитов, которые осмеливались показываться ближе чем за тридцать миль от замка Кехлорен. Большинство разбойников после увеличения числа Горной Стражи в этих краях перебрались к северу или к югу, но не Саэнох. Уперся – и все тут. Одни говорили, что у него в ближайшей деревеньке женка с какими-то там

детьми, которых он не желал оставлять, опасаясь завистливых соседей, другие же – что был он просто глуп. Так или иначе, но, когда те завистливые соседи дали знать власти, где скрывается банда, к указанным пещерам послали две роты Стражи.

Кеннет участия в той миссии не принимал, отряд его, как один из новых, получил приказ присматривать за ближайшими окрестностями, они знакомились с местностью, находили и запоминали тайные пути и тропки. Но те, кто вернулся... принесли сплетни о том, что они нашли... о людях Саэноха, которых кто-то распял, прибыв к стенам пещеры железными костылями, вколоченными с такой силой, что их не удалось выдернуть из скалы.

Четырнадцать бандитов. Якобы следов схватки не было. И якобы двое оставались живы. Якобы следопыты потеряли след убийц через несколько десятков шагов, а армейский чародей не мог прочесть ничего.

Слухи и заставляющие стынуть кровь в жилах рассказы – только это и осталось, поскольку две роты, принимавшие участие в том деле, сразу же отослали на южные отроги, к самому дальнему из замков. И удвоили патрули в окрестностях.

Но это не помогло. В следующие пару месяцев исчезло пять отрядов Стражи. Небольшие, максимум до десятка человек, посылаемых проверить состояние горных путей и связаться с отдаленными постами, но ни разу не удалось прояснить обстоятельств их исчезновения, и не было найдено ни единого тела, хотя все надеялись, что весеннее таяние снегов раскроет тайну.

Первый, Девятый и Двадцать Шестой полки Горной Стражи представляли собой так называемое Восточное Соединение, но долгие годы они звались также Ублюдками Черного и в отличие от остальных полков Стражи действовали по-своему. Олекады были длинными, но сравнительно узкими горами, на картах они выглядели потеком на стене или сталактитом, свисающим с потолка. Их невозможно было контролировать наподобие окрестностей Белендена – а там ведь действовал всего-то один полк: главный гарнизон и рассылаемые во все стороны патрули.

Крепость Кехлорен находилась почти посредине гор, а чтобы держать под контролем их северный и южный края, приходилось ставить в тех местах сильные военные лагеря. Зимой между ними и главным лагерем Соединения кружили патрули Стражи, которые часто пользовались собачьими упряжками. Переправляли новости, приказы, лекарства, транспортировали раненых и больных, кого не удалось вылечить на месте. Кавер Монель, глава Соединения, полагал, что такая активность даже во времена суровейшей зимы поддерживает в людях и зверях хорошую форму и дает понять всем вокруг, что Горная Стража бдит.

Последние три месяца – потеря почти сотни людей и около двухсот псов – доказали, что в Олекадах появилась новая сила, с которой надлежит считаться.

Потом пришли вести, быстро подтвержденные, что кто-то уничтожил гарнизоны нескольких сторожевых башен, которыми местное дворянство охотно украшало границы своих владений. Людей из гарнизонов чаще всего находили мертвыми, а те, кто выжил, оказывались страшно покалеченными и всегда потом пытались совершить самоубийство. Пошли также слухи, что в некоторых селениях и хуторах погибли целые семьи.

Исчезновения и убийства, убийства и исчезновения. Никто не сомневался, что то и другое как-то связано, что стоит за ними одна и та же сила, и не маленькая, поскольку, чтобы обмануть следопытов Горной Стражи, их собак и военных чародеев, нужны были серьезные умения. Даже местные Крысы разводили руками, хотя – как сразу после прибытия на место объяснил Кеннету один из офицеров высшего ранга – у внутренней разведки здесь всегда было не много людей. Местное дворянство считалось настолько верным Империи, что Крысиная Нора не видела причин удерживать в Олекадах большой гарнизон. Потому ширились лишь сплетни, подозрения и инсинуации. А они превращали все окрестности в сарай, полный сухого сена, только и ждущий пацаненка с огнивом.

Вершины на восточном крае заалели, а небо обрело цвет стали с синеватым отливом – знак, что впереди ждет еще один чудесный день. Кеннет чуть шевельнулся, ответил на сигнал своих людей, расслабился. Похоже было, что снова ничего не произойдет. Он не знал, радует это его или беспокоит. Хоть им приходилось уже видеть следы нападавших, даже Волк не сумел по ним ничего прочесть. А ожидание сражения с чем-то, что тебе неизвестно, для солдата худшая из вещей. Именно потому, получив месяц назад приказ оставить крепость и разместить роту в этих покинутых куренях, Кеннет принял его почти с облегчением. Место было скверным, но все лучше, поскольку шестая теперь будет действовать, будет пытаться перехватить инициативу, пусть даже поставив ловушку с собой в роли приманки, – и это все лучше, чем торчать в крепости и считать дни до исчезновения очередного патруля.

Лежащий у ног лейтенанта пес застриг ушами и обнажил зубы, не издав, однако, ни звука. Из-за ближайшего куста выскочил заяц, остановился, встал столбиком, огляделся. Кеннет улыбнулся себе под нос. «Если даже зайцы нас не замечают, – подумал он, – значит, нас тут и вправду нету. Значит, мы и вправду сделались частью поляны, как земля, кусты или ручей. И мы и вправду проклятушая Горная Стража, и никакие точки на карте ничего не изменят».

Точки на карте. Это была главная причина, из-за которой сотни солдат уже месяц занимали позиции вокруг крепости. Подле каждой точки – означающей вырезанный гарнизон башни, убитую семью или исчезнувший патруль – стояла дата. Три месяца назад, два, полтора, месяц. Чем ближе к Кехлорену находилась точка, тем свежее была дата, а точка – больше. Последняя – несколько дней назад – отстояла едва-едва на пять миль от замка. В сторожевой башне нашли пятерых людей, утопленных в бочках, и шестого с выдавленными глазами и отрезанным языком. Пять миль! Час быстрого марша, полчаса бега трусцой. Под самым носом Черного Капитана.

Кавер Монель чуть не рехнулся от ярости, когда об этом узнал, и – милостивая Госпожа – Кеннет этому совершенно не удивлялся. Все выглядело почти как провокация, щелчок по носу, тем более учитывая, что того, кто выжил, потом доставили к башне и отпустили. И, конечно же, нападавшие не оставили никаких следов. Лейтенант до сих пор помнил лицо Волка. Кейв Кальн понимал свои ограничения и принимал во внимание, что запросто может потерять след, но для того всегда были объективные причины. А тут уже в третий раз след просто растворялся в воздухе, и потому лучший следопыт роты ходил насупленный.

Конечно, существовало простое и логичное объяснение. Если без следа исчезает почти рота стражи, если найденные жертвы не сопротивляются, а нападавших невозможно выследить, все указывает на применение магии. А жестокость смертей – на кого-то, одержимого Силой.

Шестой роте уже приходилось иметь дело с безумными чародеями, но то, что происходило сейчас, казалось слишком... расчетливым. Даже те точки на карте: если их соединить в соответствии с датами, получилась бы своего рода спираль, в центре которой находился замок Кехлорен.

Более очевидный вызов Горной Страже непросто было представить.

Длинноухий стоял, блестя глазками, похожими на гладкие черные камешки, а потом опустился на все четыре лапы и уткнулся в траву. Да, шестая и вправду умела устраивать засады.

И именно об этом Кеннета спросил Кавер Монель, когда месяц назад подыскивал отряды, чтобы окружить крепость дополнительным охранным кордоном: справитесь ли, оказавшись снаружи? Спираль тогда еще не проявилась из точек на карте, но командир Восточного Соединения уже наверняка чувствовал, что близится. Кроме того, существовало старое военное правило: если неизвестно, что делать дальше, нужно найти людям хоть какую-то работу, а потому несколько рот были отправлены по примитивным лагерям, разбросанным по краям долины, с довольно неопределенным заданием «держат глаза открытыми».

Эта старая солдатская шутка: мол, не знаешь, чем заняться, играй в «держи глаза открытыми», смешила, пожалуй, лишь тех, кому не приходилось вот уже месяц ночевать в пастушьих куренях, стоять ночью двойную стражу и изображать из себя приманку. Кеннет и сам не знал, рассчитывает ли он на то, что таинственные убийцы осмелятся напасть на его роту и стражники все же смогут взглянуть им в глаза, или на то, что еще одна ночь пройдет спокойно. Убийцы никогда не нападали на отряд, где было больше дюжины бойцов, никогда не атаковали башни с полным гарнизоном или купеческие караваны с сильной охраной. Но, как любил повторять Велергорф, «никогда» продолжается лишь до «первого раза».

Разве что этот «первый раз», который они ожидали каждую ночь, не случится сегодня.

Светало. Над долиной раздался глубокий, звучный рев рога. Потом ему ответили другие. Гостящие в Олекадах верданно приветствовали солнце по-своему.

Лейтенант не оглядывался в сторону, откуда разносился звук. Ему уже приходилось видывать это движение, подобное просыпающемуся муравейнику. Десятки тысяч людей и животных, стройные ряды фургонов со стенами в несколько повозок глубиной, гигантские табуны лошадей, заполняющие центр долины. А это ведь не все, вроде бы должны прибыть к ним еще несколько тысяч фургонов.

Вот уже некоторое время лейтенанта преследовала мысль, что Черный приказал окружить долину кордоном дополнительных отрядов еще и затем, чтобы охранять своих гостей. Дойди до убийства Фургонщиков... Кеннет уже видел их вблизи. И они не казались спокойными и миролюбивыми пастухами, как описывали их императорские приказы. Не с теми их ножами, носимыми на спине, с фургонами, выстроенными в подобие замковых стен, и со всем тем оружием, которое они всегда держали под рукой и на виду. Посредине долины они уже успели вытоптать несколько округлых площадок для тренировок, где днем и ночью носились колесницы, бегала заслоняющаяся тяжелыми щитами пехота, а притворяющиеся людьми кипы соломы щетинились сотнями стрел. И все эти темноволосые, смуглые пришлецы с едва скрытым нетерпением поглядывали на восток. Слухи гласили, что один из отрядов Ублюдков нашел путь, по которому до Лиферанского плоскогорья можно добраться фургонами.

Видимо, безумие в этих горах сходило за норму.

Кеннет поднял правую руку и подал сигнал. Один из солдат встал, отряхнул плащ от маскировки и демонстративно потянулся. Второй, с другой стороны, сделал то же самое. Лейтенант и последний из стражников и ухом не вели. Отработали они эту тактику два года назад, когда взяли банду Бенца Венха, бывшего солдата и охранника караванов, опытного, отважного и задиристого. Знал он северные районы Нового Ревендата, словно собственный карман, и долгие месяцы водил Горную Стражу за нос, а у Шестого полка не хватало людей, чтобы устроить на него настоящую облаву, а потому тридцать головорезов, чьим главарем и был Бенц, не раз и не два выскальзывали из засад. Банда его чаще всего использовала линию явных и скрытых стражников, двое-трое оставались на виду и перекрикивались сквозь ночь, а еще двое-трое маскировались и стояли на страже молча. Если кому-то и удавалось подойти незаметно и атаковать первых, у вторых было достаточно времени, чтобы поднять тревогу.

Во время первого столкновения с ними рота получила по носу: едва они сняли часовых, раздалась пронзительные свисты, и, вместо того чтобы ударить по спящим разбойникам, Шестерки натолкнулись на стену копий и топоров. Тогда они откатились, позиция людей Бенца не подходила для фронтального нападения, а у Кеннета было лишь две десятки. Месяцем позже, уже в полном составе, они выследили банду в одной из пещер Высоких Залов. И ждали до зори, когда к трем стражникам, стоявшим подле логова, присоединятся еще двое, ловко укрытых среди ближайших скал.

Они сняли всех залпом арбалетов и ударили по остальным, пока те не пришли в себя.

С того самого времени рота выполняла железное правило: никогда все стражники не выдают своих позиций, пока весь отряд не будет на ногах.

Всегда стоит учиться на чужих ошибках.

Двое солдат принялись ходить между шалашами, постукивая в стены. Начинался очередной день.

* * *

Штаб командира полков, ясное дело, находился в замке, хотя то, что Кавер Монель выбрал себе комнату почти на верхушке высокой башни, казалось дурацкой шуткой. Сто двадцать ступеней – и человек добирался до генерала уставшим и потным, а стоя перед ним, был в силах лишь выслушивать приказы и выдавливать из себя «так точно».

А может, генералу только это и требовалось.

Кеннет научился не спешить по дороге наверх. Наверняка то, что он заставляет Черного Капитана ждать чуть дольше, чем остальные младшие офицеры, было замечено, но генерал никогда и виду не подавал, что такое поведение ему не по нраву. Вообще, как успел убедиться лейтенант, несмотря на взрывной характер, командующий Горной Стражей в Олекадах в делах подчиненных ему отрядов всегда был корректен и основателен.

И все же Кеннет добрался до вершины башни, чуток запыхавшись. Вдохнул поглубже и постучал.

– Войдите!

Комната была квадратной, с окном посередине каждой из стен. Узкие окна напоминали скорее бойницы, чем отверстия, впускающие свет, стены наваливались громадьем обработанного камня, что идеально подходил к почерневшим от старости доскам. Обстановка была скудной: простая кровать, несколько шкафов, стол и стул. И железная корзина с рдеющими угольями, стоящая на железной же плите, хотя, чтобы нормально нагреть помещение, потребовался бы камин шириной в десять футов. Стены едва ли не сочились холодом и влагой. Здесь даже курени над ручьем казались уютными. Что бы там ни говорили, но Кавер Монель не требовал от своих людей большего, чем от себя самого.

– Вот и вы, лейтенант.

Генерал поднял лицо над разложенными по столу бумагами и окинул Кеннета внимательным взглядом. Лейтенант привык уже к подобным взглядам – тем, после которых ждешь, что тебе сразу укажут на длину волос, неопрятную бороду, недостаточно отполированный доспех и неначищенные сапоги, то есть на все то, чем офицер-служака мог попрекнуть младшего по званию. Черный Капитан обладал многими неприятными привычками, однако служаккой он не был.

– Как прошла ночь?

– Спокойно, господин генерал.

– Вижу. – Кавер Монель отодвинул бумаги на край стола, подпер подбородок и чуть улыбнулся, что выглядело так, словно у него разболелся зуб. – Вы ведь знаете, лейтенант, что на самом деле вы не лучший из командиров.

Кеннет взглянул на стену за его спиной и нагнал на лицо равнодушия.

– Боюсь, что не понимаю вас, господин генерал.

– Я отдал приказ, чтобы пять рот встали на постой вокруг долины и держали глаза открытыми. – Усмешка сделалась шире. – Когда я был лейтенантом, мы именно так это и называли. Но к делу. Четыре из этих рот окопались там, где я и приказал им встать. Окружили себя кордоном стражников и собак, жгут костры, орут десять раз в час пароли и отзывы, да так, что слышу их даже я. Зато пятая, похоже, проводит целую ночь в заслуженном отдыхе, тихо и спокойно. Можете это объяснить?

– Наш лагерь настолько же хорошо охраняется, как и остальные.

– Я об этом знаю, господин лейтенант. Будь иначе, ваши люди в полной выкладке как раз бежали бы сотню кругов вокруг замка, а сами вы сидели бы в подвале. – Генерал выпрямился и стряхнул соринку со стола. – Я послал нескольких доверенных разведчиков, чтобы те вас проверили. И не стройте такого лица, лейтенант, вы не могли их заметить, это ведь наша территория. Полагаю, что в Новом Ревендате вы сумели бы подойти к моим парням, но здесь все тропки и кочки известны именно нам. В любом случае, они весьма удивились. Другие роты отпугивают опасность, вы – подманиваете ее. И что бы вы сделали, когда б убийцы ухватили приманку?

– Мы бы их убили.

Кеннет все еще таращился в стену, но чувствовал, как взгляд командующего изучает его лицо.

– Да. Быстрый и решительный ответ, достойный офицера Стражи.

Кавер Монель встал и подошел к окну за столом. Развернулся и присел на узкий подоконник.

– Собственно, я должен бы вас похвалить, когда б не ваши запавшие глаза и вид смертельно уставшего человека. А уставший офицер не в состоянии командовать во время боя. Не сумеет быстро думать и принимать решения. Это плохо. Я уже видел отряды, которые необдуманный или поздно отданный приказ обрекал на резню.

Лейтенант отвел глаза от стены и поглядел на Черного Капитана, у которого было такое выражение лица, словно он над кем-то удачно подшутил. Не смотрел Кеннету в глаза, что заставляло нервничать еще сильнее. Если кто-то вроде Кавера Монеля не смотрит тебе в глаза, значит, дело плохо.

– Стоять на страже вместе со своими людьми или ходить с ними в патрули – хорошее дело в спокойных, цивилизованных провинциях, как на западе. Но не здесь и не сейчас. У меня недостаток хороших офицеров.

Лейтенант, видимо, и вправду был уставшим, поскольку беспокойство его после этих слов только возросло. Велергорф вспоминал Монеля как хладнокровного, твердого, что твой кремень, сукина сына, который орет и ругается на своих людей – когда все в порядке. Зато когда он начинает их хвалить, то все принимаются ходить на цыпочках, словно кто сунул им в портки осиное гнездо. А он, Кеннет-лив-Даравит, только что услышал нечто вроде комплимента. Похоже, Черный Капитан готовится протянуть ему руку, скрыв в ладони отравленную иглу.

– Я как раз снова перечитывал рапорт полковника Геванра о вашей службе – вас самого и вашей роты. И когда б я не слышал о полковнике по-настоящему хорошего, решил бы, что он меня дурит. Вы знаете, почему так?

– Нет, господин генерал.

– Потому что, согласно рапорту, он отослал мне лучший из своих отрядов.

Проклятие, второй комплимент.

– Я все еще не понимаю, господин генерал. В Шестом полку есть еще несколько не менее заслуженных рот, а мы в нем – самый молодой отряд.

– И самый известный. По крайней мере в окрестностях Белендена. Рейды на территорию ахеров, ликвидация группы проклятых чародеев, несколько уничтоженных крупных банд, поимка шпиона, удачный поиск затерявшегося зимой графа Хендера-сед-Фалера – и это во время метели, – полное уничтожение трехсот людей из банды Навера Та'Клав – даже мы здесь об этом слышали. К тому же – похвальные слова о многих из солдат, право ношения собственного знака и всякое такое. В рапорте ваш командир описывает роту так, словно она – девица на выданье. Такая, не слишком красивая и с маленьким приданым.

Кеннету потребовалось некоторое время, чтобы понять аллюзию.

– Господин генерал думает, что он соврал?

– Офицер Стражи другому офицеру Стражи? – Усмешка, бродившая по бледным губам командира, стала резче. – Ни за что. Скажем так: я полагаю, что он несколько приукрашивает.

Вид генерала вполне соответствовал представлениям о хладнокровных сукиных сынах высшей пробы. Бледная кожа, короткостриженные волосы, гладковыбритое лицо, светло-голубые прищуренные глаза. Потому, когда он улыбался, любому казалось, что он вот-вот получит ножом в живот.

– Осенью я послал пару человек на запад, чтобы те о вас порасспросили и задали несколько вопросов полковнику Геванру. Ничего особенного: идя вдоль гор, они старались добыть информацию обо всех ротах, которые я получил. В случае шестой они вроде бы подтвердили все, что было в рапорте. Местные все еще вспоминают о вас очень лестно.

Если эта улыбка была добродушной, то Кеннету и знать не хотелось, какова тогда злобная.

– Полковник несколько расширил данные, что содержались в официальном рапорте. Выходит, вы вступили в схватку с отрядом из Крысиной Норы.

– По ошибке, господин генерал. Они нам не открылись. А потом был ночной бой...

– ...в котором всякий, на ком нет плаща, – враг. Знаю. Но это с их стороны оказалось несколько убитых и раненых. И кто-то в Норе решил на вас отыграться?

– Так я слышал.

– Значит, полковник отослал вас сюда, чтобы сохранить роту? Вы знаете эту пословицу: из ручья в реку? Местную. Впрочем, неважно. – Монель отмахнулся. – Жаль, что дорогу Крысам не перешло побольше рот.

– Не понимаю, – вырвалось у лейтенанта.

– В минувшее лето по горам прошел приказ: для усиления Восточного Соединения каждый полк должен отослать сюда одну роту. Впрочем, примерно так возникла в свое время и шестая, верно? Ключок бумаги, несколько десятков из разных мест, молодой офицер без своего отряда, печать – и вот у нас уже новая рота. Каких людей вы получили?

– Лучших.

О, теперь стало ясно, как выглядит злобная улыбка Черного Капитана. Казалось, даже стены комнаты покрылись инеем.

– Андан-кейр-Треффер – трижды представлен к званию десятника, два раза разжалован, в том числе за оскорбление офицера. Берф Мавс – подозрение в злоупотреблениях или в краже с полковой кухни. Кейв Кальн – выговор за легкомысленное отношение к подчиненным. Тенх-кеа-Динсах – подозрения в контактах с местными бандами. Малаве Гринцель – выговор за уничтожение имущества в крупных размерах... – Генерал сделал паузу. – Мне продолжать? Кроме того, всего на пальцах двух рук можно перечислить тех, у кого за спиной больше десятка лет службы. Вы получили скверный материал и отковали из него прекрасный отряд.

Еще один комплимент. Похоже, Черный Капитан намеревался отослать шестую на самое дно ада.

У Андана и вправду был скверный характер, а его прошлый командир оказался просто занудным мудаком. Берф слишком любил своих собак, чтобы позволить им голодать, особенно когда квартирмейстер в его полку экономил на их рационах. Факт, что квартирмейстер позже попал в тюрьму, не повлиял на выговор десятнику. У Тенха было несколько кузенов, чьи другие кузены где-то там разбойничали. Ничего особенного, почти в каждой семье стражника, если покопаться в узах родства, нашелся бы кто-то подобный, однако у парня оказался еще и длинный язык – слишком уж он этим хвастался. Малаве по пьяни упал в колодец, а то, что он там оставил, потребовало его тщательной очистки. И так далее. Если рассматривать каждый случай отдельно, то люди Кеннета выглядели не хуже прочих стражников. Но если собрать все вместе, то Красные Шестерки имели наибольшее число проступков и выговоров в западной части Ансар Киррех. Генерал смотрел на него уже без улыбки.

– Вы, лейтенант, получили отбросы от остальных рот. Худшие, наиболее вздорные десятки. А теперь скажите, какой материал, по-вашему, получил я?

Кеннет снова перевел взгляд на стену.

– Не знаю, господин генерал.

– Хороший. – Кеннету не нужно было смотреть, чтобы знать: Кавер Монель снова мерзко ухмыляется. – Сказать по правде, куда лучший, чем я мог предполагать. Из двадцати трех полков Горной Стражи мне прислали двадцать три роты. В большинстве своем – неполного состава, а потому вместо двух с лишним тысяч человек я получил тысячу пятьсот. Но для Стражи это все равно изрядная сила. Только вот – как в случае с шестой ротой – командиры отрядов, которым приказывали поделиться людьми, выбирали тех, кто почти ничего не стоил. Вздорных, меньше умеющих, свеженабранных и всякое такое. Восьмой полк прислал мне роту, целиком состоящую из одних рекрутов, восьмидесяти трех молокососов, которым, если по уму, еще бы год-другой тренироваться в схватках и стрельбе, прежде чем позволить им выходить в патрули. А командир Восьмого просто собрал всех молокососов из полка, создал из них роту и отправил на восток. Надо бы поговорить с ним при ближайшей возможности.

Лейтенант услышал шелест бумаг.

– И все же, несмотря ни на что, и в такой толпе нашлось несколько... и что делать с ними, не понимаю даже я. – В голосе Черного Капитана невозможно было услышать ничего, кроме настоящей обеспокоенности. – То есть, лейтенант лив-Даравит, имей я больше времени, мои Ублюдки превратили бы их в солдат высшей пробы, но теперь, когда в горах гибнут люди, к тому же еще и с гостями у меня на шее... Прошу сказать, отчего вы несете стражу вместе с собственным отрядом? – спросил он внезапно.

«Прошу». В их разговоре впервые раздалось «прошу». Впервые со времени, как Кеннет попал под командование Черного. Сперва серия комплиментов, а теперь – «прошу». «Похоже, мы покойники», – мелькнуло у лейтенанта в голове.

– Нас всего-то сорок, – ответил он, осторожно подбирая слова, лишь частично соответствующие правде. – Когда каждый человек на счету, командир не может занимать привилегированной позиции.

– Кроме того, командир не засыпает, пока его солдаты не найдут ночлега, первым встает, последним идет спать, не ест, пока его люди голодны, – и все такое прочее. Я знаю эти правила, лейтенант. Они не приняты в регулярной армии, но ни один офицер Стражи не станет их забывать, если хочет выйти со своими людьми в патруль и вернуться. – Бумаги зашелестели снова. – Однако вы расширили эти обычаи, вы стоите на страже, ходите в разведку, идете вперед, когда должно оставаться сзади. С той поры, как вы приняли командование, Шестерки потеряли лишь несколько человек, и мне кажется, что вы стараетесь удержать это положение любой ценой. Даже рискуя собственной жизнью, когда следует рисковать жизнью солдат. Я прав?

Говоря честно, Кеннет никогда не думал об этом таким вот образом. Он выходил на разведку, лез в опасные места, становился в первых рядах, поскольку ему и в голову не приходило, что все может быть иначе. Считал себя стражником – и только-то.

– Я не слышу ответа.

Лейтенант наконец-то взглянул на командира, лишь в последний момент удержавшись, чтобы не дернуть плечами.

– Потому что я не знаю, что отвечать.

– Понимаю. И еще: у вас все же слишком мало людей, лейтенант. Честно говоря, я тоже полагаю, что четыре десятка – это не рота. Именно потому я решил дать вам новых людей. Приказ – здесь. – Кавер Монель помахал листком, который держал в руках. – Вы, лейтенант, принимаете командование над Конюхами. Тридцать четыре стражника. Удачи вам.

* * *

Утренние потягушки – очень личностный ритуал, словно, выполняя все эти движения, человек на миг становится жрецом, отдающим уважение Опекунше Снов. Проблема с Дагеной заключалась в том, что в такие моменты она была исключительно верующая и погруженная в ритуал жрица.

Кайлеан сперва чуть не вылетела из кровати, потом получила локтем в ребра, наконец что-то ударило ее в лицо. И все это под речитатив протяжного «у-у-у-у-ух».

– погоди, – пробормотала она, пытаясь завернуться в одеяло. – Сейчас я найду саблю – тогда и поговорим.

– Ох, да ладно тебе, – донеслось из полумрака. – Мы начинаем еще один чудесный день. Сейчас зайвится сюда тот проклятуший Крыс и станет нас учить. И поправлять, и заставлять запоминать множество ненужных вещей. Позволь своей княгине минутку слабости. У-у-у-ух, ну и сон у меня был!

В последней фразе таилась озорная, чуть мечтательная усмешка. Кайлеан, несмотря ни на что, ощутила любопытство.

– О нашем Крысе?

– Ну что ты? О... Впрочем, нет, не скажу.

– погоди-ка, ты... проклятие, о, вон она. И вчера я ее хорошенько наточила, точно. Так о ком?

– Не скажу. А чтобы меня зарубить, тебе пришлось бы выползти из постели. Я себе это представляю.

И она была права, проклятушее проклятие. Каждое утро вылезать из-под одеяла становилось вызовом. Кайлеан привыкла к ночлегам в самых разных местах: в сараях, конюшнях, на голой земле – и полагала, что знает, как оно – высасывающий любую каплю тепла холод. Однако замок Кехлорен обучил ее новым вещам. Эти стены были стары, стояли без малого четыреста лет, и, пожалуй, ни разу за всю историю их не грели надлежащим образом.

Для девушек выбрали комнату в одной из внешних приземистых башен, где две стены столетиями ласкали ветер и дождь, и, вероятно, поэтому те переняли часть свойств обоих. Были стены почти все время ледяными и мокрыми, а в одном из углов влага, выступающая ночью, создавала маленькую лужу. Пол на ощупь напоминал замерзший пруд, а с потолка все норовила упасть за шиворот коварная капля. К тому же узкое окно выходило на север, и солнце никогда сюда не заглядывало, а единственным источником света служили несколько свечей и малая лампадка. Никакого камина, никакой печи, даже нет корзины с углями. «Плохая вентиляция», – пояснил Эккенхард, когда они попросили его о чем-то таком.

Через пару дней они всерьез прикидывали, не лучше ли им поселиться в подвале.

Дагена потянулась снова, опять заехав Кайлеан локтем под ребра. В комнате стояли две узкие кровати, но после первой же ночи девушки сдвинули их и спали вместе, делясь крохами тепла. Стало лучше, только вот утра из-за толчков и борьбы за оба одеяла неизменно раздражали.

– Так кто встает и зажигает лампу? – Кайлеан даже голову из-под покрывала не высовывала.

– Инра-лон-Верис, конечно же, – раздался из-под стены чужой голос. – Неприемлемо, чтобы княжна Гее'нера из рода Френвельсов вставала первой, в то время как ее дама-наперсница валяется в постели.

Одеяла взлетели вверх, прежде чем раздалось слово «княжна», а при слове «наперсница» обе были уже на ногах, одна с саблей, вторая с ножом и браслетом из нескольких связанных

камешков в руках. Женщина, сидевшая под стеною, закончила фразу, глядя на два клинка и странно посверкивающий талисман. И даже ухом не повела.

– Эккенхард предупредил меня, что нечто подобное может произойти, но должна сказать, что вы меня все равно удивили. Ночлеги под голым небом и враги, что могут таиться где-то во тьме, верно, мои дорогие? Несение стражи во вражеских землях, где от вас зависит жизнь товарищей. Оружие всегда под рукою и постоянная готовность, я права?

Чужачка сидела в кресле с таким достоинством, словно это был трон. Прямая, с сидящими волосами, зачесанными в крохотную гульку, в черном платье, из монотонности которого выбивались лишь белизна воротника и манжет. Ладони она сплела под подбородком. На бледном лице сияли пронзительные черные глаза.

Кайлеан опустила саблю.

– И все же ты вошла сюда так, что мы тебя не слышали. Кто ты? Профессиональная наемная убийца?

Женщина встряхнула головою:

– Нет, моя дорогая. Я кое-кто более опасный, кое-кто, кто может приблизиться к тебе в любую пору дня и ночи. Кое-кто, кто может тебя одевать и раздевать, дотрагиваться до тебя обнаженной, копаться в белье, проверять письма, дать яд в пище или напитке, выкрасть любой документ, выявить любой секрет. Кое-кто, кого ты не замечаешь, кто движется, словно тень, на самом краю зрения, но всегда под рукою. – Она улыбнулась неожиданно тепло и открыто. – Я профессиональная служанка вот уже тридцать лет.

Она взмахнула рукою в сторону Дагены.

– Твой нож, сокровище. Не будешь ли столь мила? И то, что держишь в другой руке, – тоже.

Дагена поколебалась, но опустила оружие.

– Хорошо. Придется мне сказать Эккенхарду, что условия, в которые он вас поместил, совершенно неприемлемы: холодно, темно и влажно. Полагаю, именно потому ваша одежда – такова, верно?

Они переглянулись. Толстые рубахи, шерстяные порты и носки. Что она имеет в виду?

Одетая в черное женщина сделала движение, словно намереваясь встать, – и замерла с острием сабли у груди.

– Ты не представилась... моя дорогая. – Кайлеан позволила себе иронию, однако для того, чтобы подчеркнуть всю серьезность, чуть шевельнула ладонью. – Бросаться именем Крысы – маловато. Слишком многие его знают. Ты вошла без приглашения, а у нас, на Востоке, за такое можно получить саблей по лбу. Скажи нам чуть больше, иначе мы свяжем тебя иждем нашего опекуна.

Женщина опустилась в кресло, снова сплела пальцы под подбородком и улыбнулась одними глазами.

– Полагаю, Эккенхард вас недооценивает. – Она склонила голову набок, внимательно меряя Кайлеан взглядом. – Он что-то говорил о двух клушах из провинции, которые отправляются на смерть, но полагаю, что вы не настолько наивны. Я права?

Сабля легонько уперлась ей в подвздошье.

– Хорошо. – Улыбка исчезла из ее глаз. – Ты – Кайлеан-анн-Алеван, приемная дочь Фургонщиков-верданно, а она – Дагена Оанитер из рода Вегейн, из племени Хеарисов. У обеих вас задание перевоплотиться в княжну Фургонщиков и ее подругу и проникнуть в замок графа Цивраса-дер-Малега. Вашим заданием будет проверить, отчего бóльшая часть исчезновений и убийств в Олекадах случается подле его земель. Ты, дорогое дитя, – она взглянула на Дагену, – должна стать варварской княжной, поскольку твоя красота, вполне интересная кстати, подходит к тому, как местные представляют себе такую персону. Кайлеан должна отыгрывать Инрулон-Верис, меекханку чистой крови, которую княжна наняла как приятельницу и учителя

языка. Поскольку последний большой караван должен прибыть лишь через несколько дней, а Фургонщики не согласись бы, чтоб их княжна покинула обоз прежде, чем все будет должным образом приготовлено, у нас есть еще немного времени, чтобы вы выучили свою роль. Я вас убедила?

– Да. – Кайлеан убрала саблю. – Что теперь?

– Теперь вы вернетесь в постель, пока не озябли окончательно.

Они уселись на кровати, спрятав замерзшие ноги под одеялами, но все еще держа оружие на виду. Женщина, казалось, не обращала на это внимания.

– Меня зовут Бесара, и, полагаю, этого вам должно хватить. Можешь называть меня госпожой Бесарой, и с этого момента я буду вашей учительницей этикета. Вы должны узнать его в той степени, чтобы ваша... миссия не завершилась сразу за воротами замка.

– Но...

– Тихо! Я говорю – вы слушаете. Это урок первый, и он, собственно, касается тебя, девица Инра. Ты дама, нанятая для сопровождения за деньги. Такие персоны не грубят, не говорят, пока их не спросят, и не бросают мрачных взглядов исподлобья. Так, как сейчас. Сядь прямо!

Кайлеан подняла голову.

– Хорошо. Ты должна понять, что это подозрительно, если подруга княжны не будет обладать хотя бы толикой благоразумия. Никто не поверит, что представительнице королевского рода наняли в учителя девицу, взятую прямиком с пастбища. Я не совершу чуда и не превращу тебя в профессиональную даму для сопровождения, говорящую на нескольких языках, играющую на десятке инструментов, цитирующую поэтов и философов. Но я могу приготовить тебя к отыгрышу твоей роли: Инры-лон-Верис, третьей дочери купца, который утратил большую часть богатства, потому что плохо вложил деньги. Оставшихся хватило лишь на приданое старших сестер, у которых уже есть дети. Неожиданно в прошлом году ваш отец умер, и ты осталась одна. Сестры не слишком-то стремились принять тебя под свою крышу, да и ты не торопилась. Вместо этого ты работала как гувернантка, учила детей бывшего соратника отца. Эккенхард вспоминал, что ты умеешь читать и писать. Был прав?

– Да.

– Превосходно. Это мелкая подробность, но важная: как дама сопровождения ты должна это уметь. Когда твой работодатель стал уделять тебе больше внимания, чем следовало, ты сбежала и приняла предложение княжны. Фургонщиков ты знаешь достаточно хорошо, поскольку росла поблизости от Манделлена, а отец твой торговал с ними долгие годы. Оттого, когда княжна Гее'нера начала искать новую даму для эскорта, поскольку предыдущая не решилась на путешествие на север, ты согласилась на эту работу. Как сироте без денег тебе нечего терять, а княжна платит достаточно много, чтобы за несколько месяцев ты накопила на приданое. Ты успеваешь или я говорю слишком быстро?

– Успеваю. – Кайлеан поерзала на кровати. – Но зачем это мне?

– Потому что в замке графа у тебя будет не слишком-то ясный статус. Что-то между служанкой и дамой эскорта. Не исключено, что достаточно много времени ты проведешь вдали от княжны. Я бы предпочла этого избежать, но есть встречи, на которые просто не приглашается никто, кроме аристократии. Тогда у тебя будет okazия покрутиться по замку, а слуги всегда любят сплетни и разговоры. Потому на самом деле, – взгляд черных глаз сделался предельно серьезен, – твоя роль сложнее, чем у нее. Фургонщики для здешнего люда абсолютная загадка, банда варваров из восточных степей. Даже во времена, когда караваны верданно еще ездили по Лиферанской возвышенности, с ними не поддерживали близких контактов. Олекады – это истинная пограничная стена. Если Гее'нера внезапно начнет есть, держа ложку пальцами ног, они даже не скривятся, поскольку известно же: все варвары так едят. Но девушка из меекханской семьи – другое дело. Это тебя станут расспрашивать о княжне, причем как слуги, так и благородные. Ты наверняка будешь представлена графу, и не исключено, что он захочет пого-

ворить с тобой лично. Твоя история должна быть простой, короткой, почти банальной. Но ты должна ее запомнить в самых мельчайших подробностях, поскольку тебе придется повторить ее несколько раз. Каждая ошибка может стать для тебя последней. Вопросы?

– Почему окрестности Манделлена?

– Потому что оттуда ты, как я слышала, и приходишь. Это облегчает дело, тебе не придется учить названия всех тех городков и поселков, не придется запоминать новых подробностей. Кроме того, здешние, несмотря ни на что, порой спускаются с гор. Граф посылает людей, чтобы те покупали для него конскую упряжь, кожи или скот, потому что так дешевле, чем пользоваться посредничеством купцов. Племянник графа охотно ездит на юг, чтобы поохотиться в Степи на дрофу, волка и прочих животных. Существует тень шанса, что он – или кто-то из свиты – видел тебя когда-нибудь в других обстоятельствах. Человеческая память действует избирательно, кто-то может запомнить лицо, но не сообразит, откуда оно ему знакомо. Если ты вспомнишь, что жила в окрестностях Манделлена, сознание этого кого-то, – Бесара постучала пальцем в висок, – само подскажет ему остальное. Вспомнит внезапно, что видел тебя на какой-то там улице, где ты ходила с отцом. Так это и работает.

– А как мы объясним это?

Кайлеан подняла правую руку, показывая мозоли от тетивы на ладонях.

– Лук – нисколько не проблема. Даже среди местных девиц это популярное развлечение, а некоторые здесь полагают, что на Востоке любой должен убить как минимум трех секохландийцев еще до того, как сядет обедать. Ты училась стрелять смолоду, как и твои сестры, поскольку именно такова жизнь в пограничье. Хуже со шрамами.

– Шрамами?

Тонкий палец указал на Дагену.

– У тебя шрам от сабли на левом плече, нечто, выглядящее как след от стрелы, что прошила тебе лодыжку, и рваный шрам сразу над правым бедром. Она, – указала на Кайлеан, – носит шрам на левой руке, на лодыжке нечто, что кажется раной от вил, на спине – два следа в районе правой почки и от длинного, но неглубокого пореза, что идет по левому бедру. Хорошо сросшегося – и даже без швов.

Минутку они молчали, задумавшись.

– Вчерашнее купание. – Дагена оказалась быстрее. – Тот крысиный помет...

– Он обещал, что за вами не станет подглядывать ни один мужчина, и он сдержал слово. А благодаря этому вам нынче нет нужды раздеваться, чтобы я могла вас осмотреть.

Минуту-другую они мерились взглядами, и Кейлеан внезапно поверила, что если бы эта невысокая женщина в скромном платье приказала, то они и вправду стояли бы сейчас с Дагеной голыми, позволяя осматривать себя, словно лошади на торге.

Потому что так приказал Ласкольник.

– У вас шрамы как у профессиональных солдат. Для одного-двух еще можно было бы придумать какую-то сказочку: нападение, случившееся давным-давно, или падение с коня прямо на торчащий из ограды гвоздь, однако подобную коллекцию не скроет ни одна правдоподобная история. А потому мы введем верданнский обычай, согласно которому никто, кроме ближайшего окружения, не имеет право увидеть княжну крови без одежды. Не знаю, кто с вами поедет, Эккенхард все еще над этим раздумывает, но наверняка это не будет слишком большой эскорт, а потому графиня предложит вам нескольких служанок в помощь. Держите их на расстоянии, следите, о чем рядом с ними говорят, и не позволяйте им увидеть вас голыми. Купание только вместе с Инрой, под какими-нибудь занавесями. То же самое касается и тебя, хотя здесь такой жесткой приватности не удастся обеспечить настолько просто, а потому тебе придется пользоваться водой исключительно после купания ее княжеского высочества. Понятно?

Они кивнули.

– С нынешнего момента мы вводим несколько новых правил. Во-первых, Кайлеан и Дагены не существует. В этой комнате находятся лишь Инра и Гее'нера. Именно так вы должны друг к другу обращаться, и только на эти имена вам следует реагировать. Причем ты, Инра, должна сохранять по отношению к княжне уважительную дистанцию. Это может быть уважение, полное симпатии, но никакого толкания в бок, обзывания и глупых шуточек. Она платит тебе немалые деньги, а если ты потеряешь эту работу, тебе некуда будет идти, ведь ты убогая сирота. Думай таким вот образом, поскольку одна ошибка может все погубить. Помните, зачем вы туда отправляетесь. Если подозрения Крысиной Норы верны, жизнь ваша будет зависеть от единственной гримасы и улыбки. Понимаете?

«Проклятие, – Кайлеан поерзала в кровати, – мы наверняка сильнее ее, и у нас есть оружие, но именно она здесь решает. Это не игра железа и стали, но игра подлости и тайн. Она стиснула кулаки.

Это не наш мир».

И кивнула.

– Во-вторых, отныне вы одеваетесь, – Бесара очаровательно улыбнулась, – в соответствующие платья. Вы ведь когда-то ходили в платьях, верно? Нет-нет... это просто шутка, но со штанами и рубашками, пошитыми по мужской моде, покончено. Для тебя, Инра, у меня есть несколько платьев: скромных, но со вкусом, для княжны – несколько традиционных верданнских одеяний, вполне приличных. К тому же чулки, белье, немного косметики. Никаких сабель, ножей и кинжалов.

– Мне идти с голыми руками на волков?

– Ты удивишься, детка, сколько оружия может оказаться у скромной дамы эскорта и что можно сделать с человеком при помощи обычного зеркала из полированной стали. Я покажу вам. В-третьих, – она энергично хлопнула в ладоши, – хватит холода и сырости.

Дверь отворилась, и вошел Эккенхард еще с одним мужчиной. Они тащили подвешенную к палке железную корзину, до краев наполненную крупной галькой. Даже сидя в постели, девушки почувствовали исходящее от нее тепло.

– Принесут еще одну и станут менять их несколько раз на день. В таких условиях, как здесь, человеку неудобно думать и запоминать важные вещи. А это весьма скверно, я права?

Обе они поглядели на корзину, на красного от усилия Крысу и широко улыбнулись. Похоже, день закончится лучше, чем все остальные до того.

– Вы несомненно правы, госпожа Бесара.

* * *

Кей'ла шмыгнула в кусты и припала к земле. Острая горная трава неприятно царапала голые плечи, однако она не обращала на это внимания. Нее'ва была уже близко и в любой момент могла ее заметить. Но она никогда ее не найдет. Никогда, никогда, никогда!

Кей'ла вжала лицо в мох и задержала дыхание.

Никогда!

Сестра вышла из-за дерева, огляделась с несколько испуганным лицом, открыла рот, но отказалась от мысли звать ее. Нет смысла кричать тому, кто убегает, вопя, что не вернется уже *никогда*. По крайней мере пока кое-кто не остынет и не захочет сам оказаться найденным.

Ну и конечно, оставалась еще проблема леса. Деревьев, кустов, зарослей травы, что казались шерстью притаившегося чудовища, теней, странных шелестов, таинственных отголосков и того, что земля – вместо того чтобы лежать, по заветам богов, плоско – громоздилась все круче, а деревья – благодаря некой магии, не иначе, – росли вертикально. И проблема того, что она задыхалась, пробежав едва половину мили, поскольку ноги не привыкли взбираться.

Пугающее место.

Кей'ла глядела, как Нее'ва минует ее укрытие и идет дальше. Не отозвалась, даже не пошевелилась, хотя и лицо сестры, и вся ее фигура выражали немую просьбу. Найдись, найдись, прошу! Прости меня!

Нет! Никогда Кей'ла не простит Нее'ве того, что она сказала! Никогда! И никогда не вернется домой!

Все началось утром. Лагерь все разрастался, новые фургоны непрерывным потоком въезжали в долину и занимали выделенные им места. Уже возникло восемь больших четырехугольников, и должны были появиться еще два. Сорок тысяч фургонов, наибольшее собрание верданно в истории. «И как бы не последнее», – повторял отец, а его хмурое лицо тогда гневно морщилось.

Кей'ла не слишком-то во всем этом ориентировалась.

Они должны были ехать на восток, все так говорили, а отправились на север; должны были отобрать у се-кохландийцев земли предков, прекрасную огромную возвышенность, по которой фургоны верданно катались тысячи лет, а въехали между высокими, отвесными, будто стены замка, отрогами, которые, чудилось, готовы были их раздавить. Большие боевые фургоны, непобедимые, казалось бы, в Степи, здесь, перед лицом этих гор, становились вдруг такими... такими хрупкими. Люди в лагерях старались не смотреть на окружающие их вершины, отводили взгляды, сосредоточивая внимание на ближайшем окружении, на домашней работе, уборке, приготовлении пищи, уходе за животными, тренировках. А вечерами, когда солнце пряталось за вершинами гор, быстро запирались в фургонах и отправлялись спать.

Только не Нее'ва. Средняя сестра вечерами выбиралась на некие тайные встречи, незамеченная, поскольку Ана'ве проводила время в кругу взрослых уже женщин и девиц на выданье, простегивая толстые кожаные маты, которые станут хранить спины и бока лошадей во время битвы, оперяя древки стрел, варя лечебные мази и декокты. Во время этих встреч достойные матроны примечали красоту девиц, их умения в трудах, внешний вид, вежливость и скромность. Хотя отец и крутил носом, повторяя, что старые кобылы смотрят, скорее, на одежду и на то, сколько золота и серебра девушки на себе носят; словно те и так не знали, каково богатство у соседей.

Но понятно было, что старшая из сестер выставляется на продажу. Число юношей, которые в последнее время приходили к кузнице с какой-то мелочью на перековку, было удивительно велико. Их соседи по лагерю смеялись, что дочка привлекает для Анд'эверса клиентов. И как девица на выданье, спала она теперь в фургоне отца, в специально для нее отведенной части с отдельным выходом.

А Нее'ва, пользуясь тем, что в спальне фургона они остались вдвоем, вечерами выскальзывала прочь и возвращалась лишь к утру, горячая, покрасневшая и запыхавшаяся. Кей'ла наконец не выдержала и сказала ей, что знает о ее ночных прогулках и что если та не возьмет ее с собою – все расскажет отцу.

«Ты маленькая шпионка! – Старшая сестра прошипела это ей в глаза с таким лицом, что та даже подумала, будто Вторая ее ударит. – Хотела бы я, чтоб умерла ты, а не мама!»

Тогда Кей'ла выскочила из спальни, выбежала в проход в стене боевых фургонов и помчалась в сторону леса. Шмыгнула между стволами, слыша, как сестра торопится за ней, но это значения не имело.

Как она могла?! Как могла?!

Прежде чем Кей'ла пришла в себя, она уже мчалась вверх, лавируя между деревьями, цепляясь за корни и травяные кочки, все выше и выше. Острым стеблем порезала палец, разодрала платье о какую-то ветку, проламываясь сквозь кусты, оставила на них прядку волос. Неважно.

Как она могла?! Как?!

Только теперь, лежа на земле – вдыхая запах почвы, мха, мокрой земли, прошлогодней хвои, – Кей'ла почувствовала, как сотрясают ее рыдания. Нее'ва!

Как она могла?

Кей'ла плакала бесшумно, как научилась за долгие месяцы после смерти мамы, словно рядом продолжала чутко спать одна из сестер.

«Я бы тоже хотела умереть, лишь бы жила мама. Она никогда не вернется! Никогда-пре-никогда!»

Из той части леса, где исчезла Нее'ва, внезапно раздался треск веток и словно сдавленный вскрик. Девочка перестала рыдать, вслушиваясь во внезапную тишину. «Сестра наверняка просто оступилась, – подумала она мстительно, – ну и пусть. Сейчас пойдет назад, грязная и в подранной одежде. И прекрасно! А когда ее увидит отец, то наверняка накажет!»

Она вслушивалась, ожидая шагов возвращающейся сестры, неподвижная, словно притаившийся зверек. Ничего. Тишина. Тишина абсолютная, замолчали все птицы и мелкие создания, и даже ветер перестал шелестеть в кронах деревьев. Лес замер.

Кей'ла поняла, что и сама старается не двигаться и почти не дышит, словно невидимый саван тишины, опустившийся на окрестности, накрепко ее связал. Что-то случилось, что-то плохое, отобравшее голос у всех живых существ. Воображение подсовывало ей картинку сестры, лежащей с разбитой головой в какой-то яме или под корнями, и при виде картинки этой вся злость и гнев куда-то улетучились. Нужно бежать за помощью... Кей'ла вскочила, сделала пару шагов в сторону лагеря и замерла, пораженная мыслью, что уже не сумеет найти это место. Даже если придет с помощью, не отыщет нужного фрагмента леса, деревьев и кустов. Лес везде совершенно одинаков. А Нее'ва будет лежать здесь в какой-то дыре, пока не умрет.

Как мама.

Кей'ла глубоко вздохнула, отряхнула одежду и отправилась за сестрой. Крик раздался всего через пару минут, после того как она потеряла сестру из виду, та не могла отойти слишком далеко. Как бы и самой не свалиться в ту же яму. Она прошла сквозь заросли и оказалась на небольшой полянке, посреди которой росла мощная сосна.

«Это не яма», – поняла Кей'ла.

Было их трое, одетых странно, в капюшонах, что отбрасывали глубокие тени на лица. Один держал Нее'ву за руки, второй сидел на ногах у девушки и водил ладонями по ее телу: груди, животу, шее. Шептал что-то, слишком тихо, чтобы услышать хоть слово. Последний поглядывал на происходящее со стороны: руки сложены на груди, ноги широко расставлены. Именно этот и заметил Кей'лу, не удивился, не крикнул предупредительно, только глаза блеснули из-под капюшона, а сам он сделал короткий жест, и ноги Кей'лы внезапно оторвались от земли, она пролетела по воздуху добрых десять футов и грянулась оземь рядом с сестрой. Что-то свалилось ей на спину, обездвижило.

Кей'ла смотрела, поскольку только это и могла делать, как тот, что трогал Нее'ву, лезет себе под одежду и вытаскивает нож. Длинный, старый и несомненно острый. Потом он обернулся к предводителю и замер. Кей'ла никогда не видывала настолько никакого, бесцветного лица. Словно что-то смыло с него все цвета. И глаза мертвые, словно у спнутой рыбы.

Внезапно что-то дотронулось до ее шеи. «Нож», – поняла она в один пугающе короткий момент. Точно такой же, какой оглаживал кожу ее сестры. «Они нас убьют». Осознание того, что сейчас произойдет, парализовало Кей'лу, словно кружащий по венам яд. Убьют, а потом пойдут себе, словно ничего и не произошло. В серых глазах стоящего под деревом мужчины было ледяное равнодушие. Казалось, ему скучно от того, что он делает и где находится. Кей'ла знала, какое-то шестое чувство подсказывало ей: стоит ему повернуться к ним спиной, и девушки исчезнут из его памяти, словно их никогда и не было. Столь мало они для него значили.

– Вы мешаете.

То, что он заговорил, было настолько невероятным, что сперва она даже не поняла, что он сказал, хоть он и пользовался меекханским.

– Мы близки, а вы мешаете. Он сбежит от нас. Но мы можем сделать выбор. Одна умрет, вторая – нет. Какая?

Нее'ва задержалась и запищала. Кей'лу охватило парализующее оцепенение. Как это: умрет? Одно дело – предполагать, а другое – услышать приговор, произнесенный равнодушным, бесцветным голосом.

А потом несколько вещей произошло одновременно.

Змеиная петля вылетела из кустов, окружавших поляну, упала на шею того, который начал говорить, и потянула его назад. Мужчина даже не охнул, только вздохнул, захрипел, вцепился в передававшую глотку петлю, и тогда что-то выскочило из кустов, высоко, словно выброшенное катапультой, свалилось ему на спину, рвануло когтями – и глотка мужчины превратилась в плюющийся кровью кратер.

Мужчины, придерживавшие сестер, вскочили и потянулись за оружием. Но создание, их атаковавшее, было уже рядом.

Тот, что сидел на спине у Кей'лы, внезапно захлебнулся, присвистнул странно, отшатнулся назад. Второй издал сдавленный, полный недоверия стон, что-то выпало из его руки прямо перед лицом Кей'лы – нет, не «что-то»: это была его рука, отрубленная в запястье, пальцы медленно разжимались, выпуская рукоять длинного ножа. Девочка видела все очень отчетливо, ладонь была бледной, с длинными пальцами и аккуратно подрезанными ногтями, детали отпечатывались у нее в сознании, словно ужас фильтровал все происходившее вокруг, она не сумела бы сказать, какого цвета у мужчины штаны и сколько он сделал шагов, но ладонь с аккуратно подрезанными ногтями запомнит до конца жизни. В следующий миг чужак булькнул, схватился второй рукой за шею и исчез в кустах.

Последний из нападавших отскочил под стоявшее посредине полянки дерево, уперся спиной в его ствол, словно бы уменьшился, сжавшись. В каждой руке он держал по ножу.

А тот... то, что их атаковало, исчезло. Кей'ла осмелилась поднять голову, осмотреться – ничего. Два трупа, третий из нападавших, вросший в дерево, тишина. Нет, не тишина – шелест слева, потом справа, треск ветки, отзвук разгребаемых листьев. Мужчина под деревом потянулся к капюшону, отбросил его на спину. Были у него светлые, почти бледные глаза, серые, словно пакля, волосы, обычное лицо. Ничего выдающегося. И все же... Кей'ла, может, и прошла бы мимо него на улице, ни разу не оглянувшись, но теперь поняла, что не в состоянии оторвать от него взгляда. В мужчине было что-то нечеловеческое, держащие оружие руки даже не дрогнули, грудь, казалось, не поднималась, глаза не зыркали по сторонам. Он стоял неподвижно, словно опутанный заклинанием, будто трупы, испятнанные кровью землю, не имели к нему никакого отношения.

А потом он заговорил, а она не поняла ни слова. Это была короткая фраза, едва пара слов, брошенных равнодушным, как бы скучным тоном, и наверняка не на меекхе. И ни на одном из языков, с которыми Кей'ла сталкивалась, живя в том многоплеменном котле, каким была восточная граница.

И ответ пришел. Что-то мелькнуло вокруг ствола на высоте шеи мужчины, обернулось вокруг нее, а самого его прижало к дереву. Оба ножа подскочили к петле, острия скользнули под веревку, стараясь ее перерезать, видно было, как человек напрягает мышцы в попытке избежать неизбежного. А веревка внезапно передвинулась вправо-влево, сделалась красной, напившись кровью из перерезанных артерий, и, невзирая на клинок ножа, продолжила пилить дальше.

Мужчина захрипел, так сильно подался вперед, что оторвал шею от ствола, но через миг уже лишь булькал и тряся, дергаясь и скребя сапогами влажную от крови землю. Оба ножа выпали у него из рук, а сам он повис в полуприседе. А веревка пилила дальше, поскрипывая

о шейные позвонки. А потом с влажным чмоканьем один конец ее исчез за деревом, а неудавшийся убийца свалился между корней.

Наступила тишина.

Такая, как и меньше четверти часа назад. Ни птица, ни животное не подавали признаков жизни. Лес задержал дыхание.

Сестры лежали на земле рядом с тремя трупами, от таинственного нападавшего не осталось и следа. И вдруг где-то несмело запела птица, дятел выстукал короткий ритм на коре дерева. Тишина ушла.

– Нее’ва...

Сестра взглянула на нее невидяще, глаза были словно блюдца.

– Кей... Кей, я тебя нашла.

– Да... нашла... Почему ты шепчешь?

– А ты?

– Не знаю... Пойдем в лагерь...

Они медленно встали, не глядя на трупы, взяли за руки. Ладонь Нее’вы была холодна словно лед.

– Ты знаешь, в какой стороне лагерь?

– Достаточно просто идти вниз.

– Кто...

– Не знаю, Нее. Но я рада, что он пришел. Пойдем. Пойдем со мной.

Они зашагали вниз, не оглядываясь. Едва лишь отошли от полянки, а кусты закрыли от них место, где все случилось, ускорили шаг. Однако Кей’ла приостановилась внезапно, обернулась, быстрым жестом прикоснулась к губам и сердцу.

«Спасибо».

Глава 2

Конюхи. Кеннет еще раз взглянул на лица своих десятников и решил, что если и у него было такое же выражение, когда Кавер Монель вручал ему приказ, то он лишь чудом избежал выговора за неуважение к старшему по званию или за несоблюдение субординации. Конюхи – отбросы из отбросов.

Черный был прав по двум пунктам.

Во-первых, отряды, которые присылали, чтобы усилить Восточное Соединение, и правда были наименее стоящими из всех, какие у командиров полков были под рукою. Некоторые ради такого даже создавали роты особого назначения, выбирая по несколько десятков – а то и по пятку-другому солдат – из подразделений полка и отсылая их на восток. Никто добровольно – и уж тем более ни один нормальный офицер – не лишится лучших людей, не отдаст их под чужое командование. Если бы не та несчастная стычка с Крысами, Шестая наверняка и по сей день оставалась бы в Белендене.

Но, во-вторых, они, несмотря ни на что, были хорошими солдатами. Может, несколько менее дисциплинированными, более несдержанными на язык или менее опытными, чем в среднем в Горной Страже, но все же – стражниками. Не зря первый контракт со Стражей чаще всего заключали лишь на год. На пробу. Отходя в патрулях год, ты либо оставался на службе, либо становился мертвым. А из тех, кого послали в Олекады, ни один не служил меньше года.

Конечно, с ними могла быть та же проблема, с которой Кеннет столкнулся в самом начале у своих парней. Обида за то, что их перевели из родного полка на чужую территорию. И все же они знали, что им придется служить под командованием Кавера Монеля – Черного Капитана, в рядах его Ублюдков. Кеннет не раз разговаривал за едой с другими офицерами или сержантами, и ни один из них не кривился, вспоминая о своем переводе. Служба в Олекадах – это была честь.

И все же в такой массе солдат нашлась горстка, с которой не знал что делать даже Черный. То есть, как он сам признавался, превратил бы их в солдат, имей на то время, но времени у него не было. Вместо этого он решил добавить их к Шестеркам.

В числе тех тридцати четырех стражников находилась третья десятка из восьмой роты Одиннадцатого полка, потерявшая своего сержанта по дороге на восток. Потерявшая при настолько неясных обстоятельствах, что после трехмесячного расследования дело было отложено незакрытым – случай совершенно беспрецедентный, поскольку такие происшествия Горная Стража расследовала до конца. Но эта десятка ушла в отказ, и никто – даже Крысы – не сумел узнать, как там обстояло дело. У остальных Конюхов было такое количество провинностей и выговоров, что от петли их отделял лишь один косой взгляд на офицера. И большинство совершили эти проступки уже здесь, на месте, в Олекадах. По крайней мере так следовало из документов, которые Кеннет получил в штабе.

Тридцать четыре человека и ни одного сержанта.

Андан первым покачал головой.

– А вы уверены, господин лейтенант, что не плевали ему в суп? А может, там, не знаю... стоптали случайно грядку его любимых настурций?

Андан пошутил скверно. Но Велергорф все равно хлопнул его по плечу, кривя татуированное лицо.

– Хорошо. Только вот Черный не любит этих насруций, или как их там. А вот насчет супа я уже не так уверен.

Сидели в курене прямо на земле. Между ними лежал приказ с печатью Черного и стопка бумаг. Здешняя военная бюрократия не слишком отличалась от подобной в других полках, и всякий вновь прибывший солдат уже был втянут в ее жернова. Чаще всего это означало листок

бумаги, где стояли лишь имя, фамилия, звание и короткое изложение прохождения службы. У некоторых из Конюхов карточки были исписаны с двух сторон.

Кеннет решил, что, прежде чем они отправятся за новыми солдатами, он ознакомит десятников с бумагами. Остальные из роты рассеялись по лагерю, чистя оружие, смазывая экипировку, тренируясь и делая вид, что внезапное собрание командиров их нисколько не интересует.

– Заткнитесь, это совсем не смешно. Мы хотели усиления – мы его получили. Только вот, проклятие, попало нам нечто, чего я не пожелал бы злейшему из врагов. А потому – начинайте соображать. Давайте.

– Вы сказали: «давайте»? – Берф приподнял брови.

– Ага. – Кеннет улыбнулся без тени веселости. – Как и Черный – мне. Это чтобы вы знали, насколько все плохо. Мы получили тридцать четыре человека, в том числе солдат, подозреваемых в убийстве сержанта, и десяток-полтора таких, кому самое время сесть в темницу. И ни одного десятника. Кто из вас отдаст своих людей заместителю и возьмет над ними контроль?

Установилась тишина. Вся троица вдруг выказала невероятную заинтересованность чем-то на потолке и на земле.

– Так я и думал. Придется выбирать сержантов из той компашки, но не раньше чем через несколько дней, когда мы поймем, у кого там есть к тому расположенность. Сперва – коричневый с черным, чтобы было понятно, кто выше положением.

Кивки выразили согласие.

– В соответствии с этим, – Кеннет ткнул в приказ таким жестом, словно перед ним была коровья лепешка, – нам нужно принять их до вечера. Еще чуть-чуть времени у нас есть. У кого имеются знакомые в Восьмой?

– У меня, – кивнул Андан. – Двое моих приятелей там служат.

– Прекрасно. Расспросишь их о той десятке, чей сержант внезапно и таинственно помер.

– Не помер, – покачал головой бородатый десятник. – Всего лишь исчез. Посредине дороги на восток. Ушел в патруль со своими людьми и пропал, а они не смогли объяснить, что с ним случилось. Только это я и знаю.

– Значит, расспросишь об остальном. Люди не исчезают так просто, а Стража не оставляет своих в горах, не выяснив, что с ними случилось. Здесь – что-то большее. Вархенн, ты поговоришь с кузенами, хочу знать все, сколько удастся, об остальных, эти бумаги выглядят скверно, но ведь не может быть все плохо аж настолько. У некоторых – по десятку лет службы за плечами, их бы давно выбросили или повесили, зарабатывая они выговоры с такой скоростью, как здесь.

С того времени, как они прибыли в Кехлорен, Велергорф считал своим долгом познакомиться со всеми десятниками, каких он тут встретил, а особенно с теми, что происходили из Бергена. Кузены, как он их называл, принимали его с искренней радостью, а традиционные бергенские развлечения вроде метания топора в цель или бросания пятидесятифунтового камня всегда собирали изрядные толпы болельщиков. Кеннет, лишь разглядывая роты, пришедшие из самых разных полков, разбросанных вдоль всего Большого хребта, заметил, что почти в каждой нашлись солдаты с характерными клановыми татуировками на лицах и тыльной стороне ладоней. «Мы любим познавать мир, – пробормотал спрошенный об этом Велергорф. И сразу же добавил: – Если какой юнец что учудит, чаще всего его изгоняют на несколько лет из родных краев. И что ему делать без земли и денег, умея лишь размахивать топором? У него выбор – либо в армию, либо в разбойники. Это уже такая традиция, что идут тогда в Стражу. А потом некоторые остаются навсегда. Как я».

Кеннет не спросил тогда, что же учудил сам Велергорф. И не имел такового намерения до сих пор. Отвернулся к Берфу.

– Как собаки?

– В порядке, господин лейтенант. – Десятник явно удивился. – Вся дюжина.
– Хорошо. Как придут новые, проследи, чтобы псы привыкли к их запаху.
– Так точно! – Берф выглядел довольным, с собаками он справлялся без проблем.
– Пока мы не соорудим новые курени, придется ставить палатки.
– Они будут нести стражу вместе с нами, господин лейтенант? – Андан приподнял брови. – Теперь, когда мы охотимся?

– Это стражники, как ты и я. И мы либо станем относиться к ним как к стражникам, либо отведем в горы, и с ними произойдет несчастный случай, после которого придется рапортовать о гибели тридцати четырех солдат. Кроме того, наш приказ не отозван: мы сидим здесь и держим глаза открытыми.

Десятники покивали.

– Берф, остаешься в лагере, расставь людей, потом вышли несколько патрулей с собаками по окрестностям, к каждой добавь следопыта. Черный хвастался, что его Ублюдки навещали нас ночью. Хочу знать – где и как. Вархен и Андан, поищите информацию о нашем пополнении, я прогляжу оставшиеся бумаги. За три часа перед закатом солнца встретимся снова, расскажете мне, что узнали. А потом пойдем за ними.

Трое мужчин одновременно отдали честь.

– За дело.

* * *

– Спину ровно, длинные, свободные движения, пока не заставляй их ложиться противу их природы. Волосы любят делать это по-своему. Не наклоняйся так сильно, держи дистанцию. Если ты научишься расчесывать княжну, то граф не всунет вам для этого дополнительную служанку. Сколько у него сыновей?

– Трое: Эвенс, Аэрих и Иврон. Старшие двое – от первой жены, последний – от второй.

Кайлеан стояла за спиной Дагены и расчесывала ее. У Даг волосы были средней длины, в самый раз для аккуратной косы, и в последние годы она навряд ли укладывала их как-то иначе. Такая прическа хороша при бешеной скачке, при битве или при ночлеге на земле, с седлом под головою. Кайлеан и сама чаще всего довольствовалась такою, поскольку нормально заплетенную косу можно носить хоть и несколько дней. Но, несмотря на такое обращение, волосы Дагены оставались красивыми, смолянисто-черными, крепкими и одновременно шелковистыми на ощупь. В сравнении с ними ее собственные – тонкие, словно бабье лето, и никакие – пробуждали лишь сочувствие.

– Кто наследует титул?

– Аэрих, второй из братьев. Первенец потерял ногу. Несчастный случай шесть лет назад, а согласно здешней традиции, кто не может сам пройти милю за тысячу ударов сердца, не может и наследовать.

– Тысяча ударов сердца или...

– Четверть часа.

– Откуда взялся этот обычай?

Костяной гребень замер на миг, после чего продолжил работу.

– Не знаю, госпожа Бесара.

Это была первая вещь, о которой они договорились. Если ты чего-то не знаешь, говоришь об этом сразу, не крутишь и не врешь, чем облегчаешь работу, сказала ей учительница и применяла правило безоговорочно. Тем более что с самого начала пообещала, что за признание в незнании наказания не последует, а за вранье – обязательно. Например, холодная вода для умывания. И отсутствие корзины с горячими камнями.

Бесара кивнула и пояснила:

– Когда первый император Фреган-кен-Леов создавал армию, то призвал к оружию всех мужчин в Среднем Меекхане. Но в тяжелую пехоту, элиту, способную противостоять ярости святых легионов Сестер Войны, взял он лишь тех, кто в стофунтовой броне сумеет пробежать милю за четверть часа, или же, согласно здешней мере, за тысячу ударов сердца. Сказал тогда: это наилучшие, наипервейшие из сынов города. Отсюда обычай, что дворянский титул наследует тот из сынов, который сумеет повторить сей поступок. Конечно, если хорошими пехотинцами являются и другие наследники, тогда титул достается первенцу. Не переставай чесать, пусть твои руки запоминают ритм.

Старшая женщина поднялась с кресла, взяла со стола лампадку и обошла вокруг девушек. Дагена сидела выпрямившись, а традиционная одежда верданнской княжны, состоящая из широкой юбки, блузки, украшенной цветными узорами, и синего корсажа, блеснула золотом и серебром на застежках, пуговицах и бижутерии. Кайлеан не единожды видывала в лагерях верданно девушек, одетых так, особенно тех, кто принадлежал к знатным родам, и без усилия признала себе, что подруга ее в нем выглядит лучше многих высокородных Фургонщиц. Самой же ей пришлось довольствоваться скромным зеленым платьем с простым воротом и короткими манжетами. Она получила их несколько, различающихся между собой только цветом от мрачно-коричневого до холодной голубизны. Наверняка чтобы никто не сомневался, кто госпожа, а кто – служанка.

Бесара довольно кивнула и продолжила:

– Это информация не из тех, что спасет вашу жизнь, но имеет ключевое значение, если речь идет о понимании местной аристократии. Они – больше меекханцы, чем те, что при императорском дворе. Они культивируют традиции и обычаи, которые в центральных провинциях уже отошли в забытие. И один из этих обычаев лишил первородного сына графа права на титул. Платья, в которых ты будешь ходить, дорогая Инра, выглядят почти так же, как те, что носили лет триста назад. Скромность, простота, никаких корсажей, вышивок или экстравагантных украшений вроде кружевных воротников. Так здесь одеваются даже графини, как пристало дочерям, женам и матерям меекханских воителей, покорителей половины мира. – Даже если бы от этого зависела ее жизнь, Кайлеан не сумела бы обнаружить в голосе Бесары и следа издевки. – Все дело в том, что эти наши графы и бароны превратили память о героизмах предков в нечто подобное культу, укрепляющему меекханское право властвовать над другими. И полагают, что так должны думать и все остальные. В замке графа везде висят доспехи, щиты и оружие, а картины изображают исключительно батальные сцены. Вот только здешнее дворянство, несмотря на то что оно столь предано военным традициям империи, очень редко вступает в армию. У него немного поводов показать себя в битве и здесь, на месте: от востока отделяют отроги Олекад, к западу находится Лав-Онее, спокойная и скучная провинция, северную границу держит Горная Стража. Но было бы неверным не выказывать надлежащего удивления, скажем так, их мужественностью. Понимаете?

Обе кивнули.

Подумать только, день едва перевалил за полдень. Способ, которым эта маленькая женщина ими завладела, мог быть прекрасным примером того, как можно в четверть часа лишиться кого-то самостоятельности и собственной воли. Госпожа Бесара умела преодолеть все протесты и отрицания, сохраняя каменное лицо, единственным движением брови, что сопровождалось коротким: «Это ваша жизнь, меня там не будет». По ее приказу они то и дело меняли наряды, пока та не решила, что одеты они соответствующе. Отобрала их оружие, до самого последнего ножичка, после чего приказала позабыть, как им владеть. Во время завтрака и обеда они прошли ускоренный курс хороших манер: не держать локти на столе, шумно не глотать, есть маленькими кусочками, не разговаривать с полным ртом, использовать должную ложку к горячему супу, должную – к студню и должную – к десерту.

А еще абсолютный, полный и безоговорочный запрет рыгать.

Ну и конечно, все время Бесара не столько говорила, сколько произносила речь, заливая их потоками информации, более или менее существенной, но всегда касающейся местной аристократии. Могла, если ее не прервать, два часа кряду поучать их одновременно, как ходить, сидеть, говорить, держать голову и что в любой из этих ситуаций делать с руками. Собственно, учила она этому Кайлеан, поскольку у Дагены была более простая роль: поулыбаться, состроить положенное выражение лица, повосхищаться мощью и величием графского рода. Ее-то никто не станет допрашивать и ничего у нее выпытывать.

– Ладно, теперь прическа, этот локон заплести, хорошо, завяжи, заколи. Неплохо, волосы внизу расчеши снова, подбери наверху головы, выше, пусть немного откроют шею. Хорошо, невидимки. Одна здесь, вторая – тут, шпилька для волос, да, эта, с жемчугами, я всегда полагаю, что блондинкам не следует носить шпильки с жемчугами, те теряются в светлых локонах, зато тем, у кого такой вот оттенок волос, не подходит ничего другого. Они выглядят словно звезды в ночном небе.

Кайлеан готова была поспорить, что Дагена слегка зарумянилась.

Она отступила на пару шагов, и – проклятие – пришлось признать, что Даг выглядит... как истинная княжна. Высоко подобранные волосы обнажили стройную шею, лицо с высокими скулами, маленьким ртом и чуть раскосыми глазами обладало таким чудным выражением наивности и детской мечтательности, что большинство мужчин таращились бы на нее, словно пес на колбасу. Внезапно Кайлеан почувствовала себя раза в два уродливей в этом своем платье и с кое-как уложенной прической.

– Хорошо. – Бесара наконец-то казалась довольной. – Правда, ты можешь выглядеть вдесятеро лучше, но заикливаться мы не станем. В конце концов, ее княжеское высочество – в пути и не имеет времени на фанаберии. Вечером еще раз потренируешь делать эту прическу. До вашего отъезда несколько дней, полагаю, ты успеешь выучить еще четыре-пять таких. А больше вам и не понадобится.

Кайлеан подняла руку и – сама этому удивилась – сделала реверанс. Наградой была широкая улыбка.

– У меня вопрос, госпожа Бесара: отчего не понадобится?

– А как думаешь, сокровище, сколько времени вы там проведете? Месяц? Два? Полагаешь, что гостеприимство Цивраса-дер-Малега столь велико? Вы там пробудете от пяти до семи дней. Ответ, сколько конкретно, еще не пришел. Двор графа заверил, что он в восторге от каприза княжны, но пока не предоставил предварительного плана визита. Однако я не думаю, что все затянется на срок больше семи дней. И особо не надейтесь на балы и приемы, может, случится одна-две охоты и немного хвастовства богатствами и значимостью. А может, и нет: весна – такое время, когда местные графы и графини склонны следить за работами на своих полях, гнать овец на пастбища и всякое такое. Вы должны все время помнить, что на самом деле это провинциальное дворянство. Здешные земли не слишком-то урожайны, а подаренное императором не приносит большого дохода. В центральных провинциях, в Степях или на далеком Юге умелый купец может с нескольких торговых экспедиций иметь доход больший, чем наш граф со всех своих земель. У дер-Малега на этом серьезный пунктик. Уже давным-давно ни один род из центральных провинций не пытался войти в здешнюю аристократию, а единственной дочери графа пришлось выходить за местного барона. Это то, о чем не говорят вслух. Что бы они ни говорили официально, их старания хранить чистоту крови – это отчасти вынужденная необходимость. Во всех Олекадах лишь четыре графских рода, и они в родстве уже настолько, что дальнейшие браки между ними станут напоминать кровосмесительные связи. Все они кузены и кузины первой, второй или третьей степени. – Бесара мило улыбнулась. – Еще какие-то вопросы?

И вот так каждый вопрос, пусть даже просто о том, который час, пробуждал настоящее словоизвержение, в результате чего учительница заливала их массой информации. Менее либо

более важной, но подаваемой с такой раскованностью, будто она вычитывала ее из книги, а не изымала из закоулков памяти. И все же Кайлеан это достало.

– Я всего лишь спросила – как долго, – пробормотала она. – Я не должна знать все о каждом из местных графов. Я воспитывалась в этих окрестностях. Я знаю, каковы они.

Ожидала ледяного взгляда и высоко поднятых бровей. Вместо этого Бесара склонила голову к плечу.

– Эккенхард мне об этом не говорил, – проворчала она таким тоном, что Кайлеан сразу же сделалось жаль Крысу. – Это плохо. Могут тебя узнать? Граф или кто-то из его советников?

Они переглянулись с Дагеной – какими тропками кружат мысли у этой женщины, демоны ее возьми? Сразу, с пол-удара сердца, она поймала самое главное. Она может болтать, словно подвыпившая торговка, но ни на миг не забывает о главной цели их миссии. Кто она, собственно, такая? Ведь даже Эккенхард ее уважает – это сразу видно.

Кайлеан пожала плечами.

– Он мог не знать, – ответила она коротко. – А я все равно не хочу выслушивать десять тысяч сплетен всякий раз, когда открою рот. И нет, не думаю, чтобы меня могли узнать. Когда мы отсюда выезжали, я была такой вот, – она изобразила отметку на уровне плеча. – Маленькой, худой и нищей. Никто меня не признает.

– У тебя интересный цвет глаз, дитя мое. Зеленый. Это редкость даже среди меекханских девушек. Но, увы, за такое короткое время с этим мы не поделаем ничего. И я вижу, что мы добрались до места, с которого не сдвинемся, – Бесара снова поджала губы, – без толики искренности. Хорошо, ваше высочество, Инра, приглашаю вас к столу на ранний ужин.

Взгляды их задержались на стоящей на столе корзинке.

– Да, мои дорогие. Сегодня все будет по-другому. Никаких военных рационов в замковой кухне.

Их учительница разложила на столе белую скатерть, комплект вилок и ложек, расставила несколько тарелочек, хрустальные бокалы. В конце вынула бутылку вина и завернутые в пергамент пирожные.

– Не поверите, что можно найти в замке вроде этого, если знать, где искать. Садитесь.

Они сели, странно оробевшие, поскольку на скатерти бросались в глаза шитые шелковые узоры, а ложечки были из натурального серебра. Да и тарелки походили на настоящий императорский фарфор. Казалось, что огни свечей пронзали их насквозь.

Бесара не выглядела слишком уж этим тронутой. Мигом положила им по несколько кусочков пирожных, налила вина.

– Попробуйте, – велела она.

Пирожные пахли орехами и медом, а вкусны были настолько, что казалось, все ароматы смешивались на языке. Кайлеан проглотила первый кусок и уже подносила ко рту второй.

– Мм, благодарности повару...

– Ох, благодарю, я старалась. На этой службе человек всегда учится массе полезных вещей.

– Значит, все-таки служба. Нора?

– Конечно. Вот уже тридцать лет.

– Начинала младенцем?

Бесара так задрала брови, что Кайлеан почувствовала себя дурочкой.

– Комплимент должен быть как прикосновение лепестка розы, а не как удар шестопером, дорогая Инра. В этом последнем случае он становится оскорблением, поскольку дает понять, будто ты считаешь, что жертва не сумеет понять намека.

– Жертва?

– Комплименты служат соблазнению, подкупу и установлению доверительности. Действуют они словно деньги и драгоценности, ты одариваешь ими людей, чтобы те тебя любили.

Плоские же и тривиальные – просто дешевая бижутерия из меди и цветных стекляшек. Потому оценивай своего собеседника по комплиментам, которые он тебе говорит, – это скажет о нем больше, чем многолетнее с ним знакомство.

Кайлеан потянулась к бокалу:

– Я не хотела тебя обидеть.

– Знаю. Ты попросту неловка. Женщинам сложно говорить добрые слова другим представительницам своего рода. Это естественно.

– Естественно?

– Как выглядит княжна Гее'нера?

Кайлеан окинула взглядом Дагену. В этой чудесной одежде, подчеркивающей талию и бюст, с жемчугами в волосах она выглядела...

– Неплохо.

– Видишь? Наша княжна – одна из самых красивых женщин, каких я в жизни видывала... притом когда она румянится, то выглядит еще лучше. А ты говоришь: неплохо. А вот мужчины развили искусство комплиментов, словно охотничьи способности. И некоторые в этом настоящие мастера. И вот если мужчина, который стоит выше тебя, богаче, носит титул или происходит из знатного рода, начинает говорить тебе непритязательные комплименты, это означает, что он относится к тебе легкомысленно или полагает идиоткой. Твое оружие – это как ты выглядишь.

Кайлеан мелодраматично вздохнула:

– Я думала, что на сегодня мы покончили с уроками.

– А мы и закончили. Непросто учить кого-то, у кого все время полный рот, это ведь третий кусочек, верно, княжна?

– Ммм, да.

– И второй нашей Инры?

– Верно.

– А значит, благодаря этому вы меня не прерываете и слушаете, я права? Положи себе еще порцию, дорогая Инра.

Дорогая Инра едва сдержалась, чтобы не показать язык, но послушно выполнила сказанное. Потому что Даг уже брала очередную добавку и пирожные исчезали в пугающем темпе.

– У нас никого нет в замке, многие годы не было никакого смысла размещать там шпионов, и теперь такое отношение нам мстит. Местная традиция такова, что слуги наследуют профессию так же, как аристократия – титулы. Повар – сын, внук и правнук повара, садовник – потомок длинной линии садовников, служанка даже родилась в фартуке. Они все друг друга знают, держатся вместе, и очень непросто ввести к ним новое лицо. Последний шанс у нас был, когда несколько лет назад эпидемия тяжелой простуды выкосила изрядно жителей Олекад и графу пришлось принять нескольких новых людей, поскольку не было никого, кто перенял бы обязанности умерших. Но как я и говорила – мы свой момент упустили. А потому вы будете одни.

– А вне замка?

– Даже если бы вне замка стояла армия, это бы вам ничего не дало. Каменная стена умеет отрезать людей не хуже моря. Шансы на бегство? Никаких. Вы должны покинуть замок так, как и въехали в него, – через ворота. Как княжна Гее'нера и Инра-лон-Верис. Конечно, хорошо, чтобы к тому моменту вы хоть что-нибудь узнали.

Кайлеан отодвинула тарелку, уперла локти в стол, игнорируя возмущенный взгляд «княжны».

– Давай начистоту. У Норы есть подозрения? Хоть какие-нибудь?

Бесара покачала головой:

– Нет. В том, что происходит, нет и капли смысла. Людей убивают, они исчезают. На карте места исчезновений и смертей укладываются в широкую спираль, центр которой приходится примерно на окрестности Кехлорена или замок графа, в зависимости от того, как читать знаки. А полной картинки у нас нет, поскольку наверняка выявлены не все убийства, в этих горах есть долины, которые только теперь начинают восстанавливать контакты с миром после зимы, к тому же, полагаю, ряд аристократов не сообщают нам о каждом пропавшем человеке. Мы до сих пор не знаем, кто стоит за этими смертями и исчезновениями. Отчего один селянский воз проезжает дорогой в безопасности, а другой, следуя за ним всего лишь в четверти часа, испаряется? Отчего в многолюдном селе кто-то входит в дом и убивает всех, вместе с беременными женщинами и младенцами, а другие семьи оставляет в покое? Отчего убивает гарнизон охранной башни, а одного из часовых выводит и калечит? Отчего бесследно исчезают патрули Горной Стражи? Мы не знаем. Наши просьбы о том, чтобы из других провинций прислали подмогу, получают отказы, а потому нам приходится справляться с тем, что у нас есть.

– То есть?

– Несколько чародеев, в том числе один, который пригоняется лишь для передачи приказов, пара десятков шпионов, разбросанных по селам и городкам, два боевых отряда. Обычно такое число людей работает в одном большом городе, но не в целой провинции.

– Чародеи что-то нашли? Хоть что-то?

– А вы что-то нашли? Хоть что-то? Искренность за искренность.

Кайлеан глянула на Дагену. Та лишь приподняла брови.

– Я не входила в башню, – пробормотала она. – А с тем несчастным у меня был лишь короткий контакт, и я больше старалась его поддержать, чем проверить. Может, если бы могла сейчас...

– Он мертв. Умер вчера, хотя за ним постоянно присматривали. Ослабил путы, во время кормления вырвал у стражников ложку, вложил себе в глазницу и ударил лицом в стол. Умер на месте. – Старшая женщина впервые потянулась за вином. – Как видите, отчаявшемуся человеку хватит удара сердца, чтобы расстаться с жизнью. А ты, Инра?

– Ничего. Я не разбираюсь в аспектах и всяком таком. А ваши чародеи? – повторила Кайлеан.

Бокал поднялся вверх. Даже отпивая из него, Бесара не сводила с нее глаз.

– Аспекты перепутаны. Все. И на местах убийств, и там, где исчезали люди. Этого они никак не могут объяснить – в привычных терминах. Это невозможно пристроить ни к Кругу Венгерисса, ни к Монзельскому Дубу, ни к другим образцам. В этой башне мы нашли следы Зуба, Черного Мха, Масла и Ручья. Эти аспекты лежат на противоположных сторонах Круга, на разных ветвях Дуба. Я не слыхала ни об одном чародее, который владел бы ими одновременно. А если бы это были два или больше магов, чары их друг другу мешали бы, Зуб и Масло не переносят друг друга... Кроме того, наши чародеи утверждают, что эти аспекты, похоже, не использовались, они просто сильно возбуждены. И, как я вижу по вашим физиономиям, вы и понятия не имеете, о чем я говорю.

Кайлеан послала ей очаровательную улыбку, затрепетала ресницами.

– Мы – простые девицы из Степей, обученные лишь из лука стрелять и саблех махать. Куда нам до всех тех чародейств, кругов и деревьев! Это меекханские чародеи понапридумывали всякого, что Силу можно поймать в пергаменты, описать, взвесить и измерять. А еще – что, назвав, ее можно взнуздать. А когда эти чародеи встречаются на своем пути Пометника, то ссут под себя в страхе, поскольку у них все аспекты перепутываются.

– Это не Пометники убивают – их смрад несколько другой. Это-то мы умеем распознавать, да и вы тоже, полагаю.

– Но мы не распознаем то, чего еще в глаза не видывали. Пустые разговоры. Пока что, когда в моем окружении кто-то тянулся к Силе, я не тратила времени на мысли: это аспекты,

призвание духов, демонов или всего-то пердеж – я просто прошивала его из лука или убегала. Такая вот судьба.

Бесара нахмурилась, и Кайлеан поняла, что впервые вывела ее из равновесия.

– Это не было мило, девочка. Я не люблю безрассудства.

– А я – пренебрежения. Мы говорили об искренности, а ты рассказываешь нам историю о том, что ты ничего не знаешь, после чего ждешь, что мы выдадим свои секреты.

– Ты утверждаешь, что мы что-то скрываем?

– Я это знаю. Ты следишь, чтобы мы ели сколько влезет, и раз за разом доливаешь нам вина, хотя сама – едва отпила несколько глотков. Ты пришла не поговорить – а лишь потянуть нас за язык. Такова уже природа шпиона: воровать чужие тайны, не выдавать собственных. Я права?

Старшая женщина улыбнулась. Красиво, искренне, открыто.

– Прекрасно. И подумать только, что Эккенхард утверждает, что вы – обычные глупые проشمандовки, которым только бы постель греть.

Кайлеан не купилась ни на улыбку, ни на удивление в голосе.

– А теперь ты пытаешься направить наш гнев на кого-то другого.

На этот раз Бесара улыбнулась одними глазами.

– Хорошо... Очень хорошо. – Она положила себе немаленькую порцию пирожных и долила вина. – Лучше, чем я полагала. Стало быть, с этого момента – ни слова на тему магии, задания или любых тайн. Пока пирожные не закончатся, станем говорить лишь о мужчинах и о том, отчего они такие глупцы.

Девушки обменялись взглядами, одновременно отодвинули тарелки и шаловливо улыбнулись.

– Мы слушаем, госпожа Бесара.

* * *

– Итак? Что-то еще? – Кеннет повнимательней поглядел на Андана, который как раз делился информацией, раздобытой у знакомых из восьмой роты. – Твой земляк ничего больше не сказал? Третья десятка вышла, чтобы найти лучшую дорогу, и через пару дней вернулась, доложив о пропаже сержанта. Восьмая сразу же начала поиски. Искали-искали, но ничего не обнаружили, а потому оставили его в горах и помаршировали дальше? Вот так-то?

– Вот так-то, господин лейтенант. Восьмая вышла из казарм довольно поздно, приближалась зима, в любой день мог пойти снег и ударить такой мороз, от которого столетние деревья пополам трескаются. У них не было выбора.

Кеннет почесал нос, потом подбородок, все еще не сводя взгляда с Андана. Что-то в поведенной истории не клеилось.

– Этого в документах не было. Получается, решение оставить сержанта Стражи в горах – решение командира восьмой... как там его имя?

– Лейтенант Саленв-лен-Мохенн.

– И тот лен-Мохенн отправился маршем в Олекады, бросив собственного десятника, может, мертвого, а может, всего лишь раненого, вместо того чтобы прочесать окрестности в радиусе двадцати миль, да?

– Именно так, господин лейтенант. – Глаза Андана блеснули.

– Не нужно такого лица, Андан, просто скажи, демоны тебя подери, отчего на конюшне сидит третья, а не командир роты?

– Потому что эти парни страшно путались в показаниях, господин лейтенант. – Бородатый сержант хмуро скривился. – Сперва твердили, что этот десятник, Аленф Фансох его звали, так вот, что этот Фансох вышел утром осмотреться, вверх по какому-то там ручью, отдав

приказ, чтобы они ждали его, и они и вправду ждали чуть ли не до полудня, а потом начали искать, искали весь день, до поздней ночи, а утром следующего дня вернулись к остальному подразделению за помощью.

– Ага...

– Уже то, что десятник пошел один, было странно, ну а потом один из третьей проговорился, что вышел тот не утром, а вечером, другой сказал, что не вверх, а вниз по течению, еще один, когда выпил, проболтался, что искали они так сильно, что затоптали все, что могли. Было это настолько странно, что после прибытия лейтенант Саленв-лех-Мохенн отрапортовал обо всем, едва только восьмая добралась до места. Наверняка в какой-то степени от страха за собственную шкуру...

Кеннет слегка прищурился.

– Как поднимешься еще на пару званий, Андан, сможешь так вот отзываться об офицерах, понял?

– Так точно.

– И не морщись так, а то кажется, будто у тебя запор. Понятно, что все это дело воняет, а командир восьмой должен хоть как-то объяснить, почему не искал своего человека. Вот только если у третьей был целый день, чтобы спрятать тело... Или если у Фансоха имелся в запасе целый день и ночь, чтобы исчезнуть... Его бы и полк не нашел. Крысы их допрашивали?

– Через месяц. Но говорят, что тогда-то уж их показания были схожими, господин лейтенант.

– Чудненько, десять человек, повторяющие одно и то же: или у них идеальная память, или они врут, словно кот над сметаной. Вархенн, а ты? Что-то слышал о третьей?

Десятник кивнул.

– Чуток. Эрgehенн Аленсамн – десятник в восьмой. Он из того же клана, что и моя мать, а потому не может, вернее, не должен бы мне брехать. – Он подмигнул. – Тот Фансох был молодым, умелым и задиристым. Эрgehенн его любил, говорил – хороший материал для офицера. Якобы сам вызвался отправиться в Олекады. А мог остаться, потому что там у него были жена и дети, а из их полка на восток отправляли только добровольцев или холостых. И третья десятка его любила. Вся восьмая удивилась, когда парни без протестов согласились прервать поиски и отправляться дальше. Это и говорят. Зато я немало узнал об остальных.

– Остальных?.. А, Конюхах. И что?

– Почти все попали туда из-за действия одного офицера, молодого полковника Ленвана Омнела из Квартирмейстерского полка. Восьмая тоже потеряла так двоих стражников. Не на каждом рапорте стоит его подпись, потому что порой он велит писать их своим лейтенантам, но это Омнел отослал большинство людей в конюшни.

Велергорф уселся поудобней, оперся о стену, прикрыл глаза. Ждал.

– Ладно. – Кеннет кивнул и обменялся взглядами с оставшимися двумя десятниками. Те понимающе улыбнулись. – Чудесная работа, Вархенн. А ты, Берф? Нашел место, где разведчики Черного к нам подходили?

Берф кивнул.

– Так точно, господин лейтенант. Вернее, Волк и Азгер его нашли. – Берф глянул искоса на Велергорфа, ухмыльнулся криво и продолжил: – На краю леса, в каких-то ста шагах от нас и чуть вверх по ручью. Эти Ублюдки хороши, оставили не много следов, но, наверное, им было лениво.

– Потому что?

Кеннет не спускал глаз со старого десятника, Андан – так тот просто откровенно щерился.

– Потому что уже несколько дней они пользуются одними и теми же схронами. Впрочем, это лучшие и безопаснейшие места в окрестностях, но все же они... как бы это сказать... отнеслись к нам несерьезно.

Лейтенант кивнул.

– Парни что-то с этим сделали?

– Азгер уверил меня, что – да. Вы хотите знать, что именно, господин лейтенант?

– А мне нужно?

– Э...

– Мне тоже так кажется. Офицер не должен заниматься каждым из дел, потому что не будет тогда времени на сон. Ну ладно, пошли в конюшни.

Велергорф шевельнулся, явно обеспокоенный, открыл глаза.

– Я кое-что вспомнил, господин лейтенант...

– Вархенн, если ты вспомнил это только сейчас, то, скорее всего, это совершенно неважно. Разве что память твоя начинает давать сбои. Но в твоём возрасте...

Татуированный десятник повел взглядом по лицам, в глазах его блеснуло веселье.

– Хорошо, господин лейтенант. Не знаю, важно ли это, но несколько офицеров из вновь прибывших рот уже жаловались на того Омнела. У него есть доступ к бумагам, которые каждая рота принесла с собой, и, кажется, новички ему не по вкусу. Сперва он попросту цеплялся, устраивал скандалы и отсылал солдат к командирам – с наказанием. А потом вошел во вкус, ему уже не хватало направить дело непосредственному начальнику – сам принялся назначать наказания, а когда те накапливались, отсылал людей на конюшни как непригодных к использованию и норовистых. Особенно донимает он тех, кто, как говорится, имеет тяжелое прошлое. Я знаю по крайней мере четырех солдат, которые попали на конюшню из-за того, что не отдали честь старшему по званию.

– Это ведь не такое уж и нарушение, Вархенн.

– Особенно если офицер проходит в тридцати шагах от тебя, а ты стоишь к нему спиной и его не видишь. Или если офицер внезапно устраивает досмотр и отправляет тебя на конюшню за нечищенные сапоги, хотя они не в худшем состоянии, чем сапоги остальных. Он, кажется, и правда выбирает тех, у кого бывали проблемы. До того дошло, что прибывшие с запада роты бегут от людей Квартирмейстерства как от огня, потому что молодой полковник и его лейтенанты нашли, похоже, неплохое развлечение. Они не любят новичков и показывают им, кто здесь главный.

– Черный не вмешивался?

– А на каком основании, господин лейтенант? На бумаге все в наилучшем виде. Отсутствие уважения, отсутствие заботы об обмундировании, недолжное обращение к старшему по званию и всякое такое же. Если бы мы не проводили большую часть времени вне крепости, к нам бы он тоже наверняка прицепился.

– Что-то еще?

Велергорф глянул на него, прищурившись.

– Да. Оружие. Он приказал всем им сдать оружие, даже ножи и стилеты. И доспехи, щиты и шлемы. Стражники без оружия... некоторые предпочли бы отрезать себе что-нибудь важное. Если бы я вырос на пару званий, то сказал бы, что думаю, однако сейчас не могу позволить себе замечание, что тот молодой полковник – кусок дерьма, который свил себе теплое гнездышко в Квартирмейстерстве и развлекается властью и тем, что ломает людей.

Кеннет вздохнул и прикрыл глаза.

– Значит, стоит радоваться, что ты, скажем, не полковник, Вархенн. А еще раз позволишь себе не говорить такие вот замечания, так побежишь три раза вокруг долины в полной выкладке. С грузом припасов на десять дней. Мы друг друга поняли?

– Так точно.

– Конечно же, думать можешь что пожелаешь. А теперь – пойдем за остальной... ротой. Берф, ты тут займешься тем, о чем я не должен знать, и присмотришь за порядком. А... и приготовь место для палаток, курени новички поставят себе утром.

– Слушаюсь.

Глава 3

Главный из складов замка находился в западном крыле. Несколько длинных строений с узкими окнами и дверями образовывали истинную крепость в крепости, теоретически – последнюю точку обороны, захвати враг стену. Учитывая, что там находилась масса оружия, еды, воды и запасов лекарств, в складах и вправду можно было продержаться много дней.

Кеннет вместе с десятниками вошел в главное помещение, где за большим столом сидел молодой лейтенант. Тот не носил плаща – лишь кожаную куртку с узкой полосой на манжетах и с головой vessирской овчарки, вытисненной на груди. Морду пса пересекали два черных шрама. Символ Ублюдков Черного.

При виде входящих офицер лишь кивнул, ожидая, пока ему отдадут честь. У Кеннета с лейтенантом было одно звание, но именно тот находился у себя. Кеннет выпрямился и приложил правый кулак к левой стороне груди. Ублюдок легко улыбнулся и, не отрывая задницы от кресла, выполнил некую пародию на приветствие.

– Слушаю, лейтенант?

– Кеннет-лив-Даравит, шестая рота Шестого полка. Пришел за оружием и вещами этих солдат.

Он положил на стол список с фамилиями. Квартирмейстер даже не взглянул на листок, а лишь вынул из ящичка несколько перьев и принялся ревностно их очинять.

– Конюхи, верно? – обронил он, не поднимая взгляда. – Старик, должно быть, пребывал в мерзком настроении, если уж их вам отдал. Увы, ничего не могу вам выдать.

– Почему?

– Согласно правилам Восточного Соединения, оружие и личные вещи может получить лишь солдат, которому те принадлежат. Им нужно прийти сюда лично. Иначе никак.

Маленький ножичек поблескивал, кусочки пера падали на стол. Минуту стояла тишина, но наконец офицер прервал свое развлечение и поднял голову. Улыбнулся вежливо, вопросительно приподнимая брови:

– Что-то еще, лейтенант?

Кеннет медленно набрал воздух, настолько же медленно его выпустил.

– Где сложено их оружие? – спросил он тихо. – Чтобы после не оказалось, что это не тот склад, а я беспокою вас без причины.

– О, оно у нас. – Очиненное перо указало на дверь слева от стола. – Хотите взглянуть? Нет, нет такой необходимости. Последняя полка, на самом верху, чтобы крысы не добрались до кожаных частей. Не то чтобы те здесь были, но осторожность не повредит. Как только Конюхи тут появятся, я выдам все мгновенно.

Они вышли на подворье, сперва лейтенант, потом оба десятника. Велергорф и Андан благоразумно молчали.

– Вархен! – Кеннет удивился, что может так рычать.

– Так точно!

– Когда закрывается этот склад?

– Где-то через час, господин лейтенант!

Над крепостью разнесся гудящей медью звук колокола.

– Ровно через час, – поправил себя десятник.

– Этот уродец не представился, вы заметили?

– Да.

– А значит, через час мы застанем закрытые двери и придется искать неизвестно кого в казармах Ублюдков?

– Так оно выглядит, господин лейтенант.

– И это – несмотря на то что они знали, что Конюхи должны сегодня к нам присоединиться...

Минуту они маршировали быстрым шагом.

– Отчего молчишь?

– Сержантский опыт, господин лейтенант. Если человек хочет сохранить голову на плечах, ему надо понимать, когда держать рот на замке. Особенно когда он думает об офицерах Квартирмейстерства. Только вот... пример-то идет сверху, господин лейтенант.

Кеннет притормозил, расслабился, разжал стиснутые кулаки. Оглянувшись через плечо и жестом подозвал десятников поближе:

– Андан, действительно существует устав Восточного Соединения?

– Да, господин лейтенант. Ублюдки имеют несколько собственных привилегий.

– А стоят ли их права выше устава Стражи?

– Нет. Такого не может быть.

Лейтенант кивнул и указал на приземистые конюшни.

– Ладно. Пока сидите тихо, и давайте устроим смотр этому нашему... пополнению.

Конюшни были построены под самой стеной. В Кехлорене всегда находилось с тридцать голов лошадей, поскольку крепость, хотя и находившаяся посреди Олекад, соединялась с сетью имперских дорог, а там кони выигрывали по сравнению с пешими. Кроме того, сама долина, охраняемая твердыней, была довольно велика, а потому возможность быстро отослать людей на противоположный ее конец приходилась кстати.

Кеннет знал, что большая часть здешних животных принадлежит к породе анвер, полукровок тягловых коней, привычных на равнинах, и горных пони, которых использовали на Севере веками. От коней из долин анверы унаследовали рост и выносливость, а от своих горных предков – густую шерсть, длинные гривы и устойчивость к холоду и невзгодам. И упрямство, приводившее к тому, что горцы чувствовали их родственными душами. Это была единственная порода лошадей, которую вессирийцы искренне любили.

И все же животным пришлось потесниться в конюшнях, уступая место людям. Когда открылись ворота, большинство стражников сидели или лежали в пустых загонах, уже устроившись на отдых. При виде входящих солдаты приподняли головы, глядя на прибывших с неприязнью, после чего начали неторопливо, словно неся на спине стофунтовую тяжесть, подниматься.

Кеннет стоял у входа и ждал, пока все встанут. Понятное дело, ни одна ладонь даже не трепыхнулась в салюте, и он услышал, как за его спиной Андан набирает в грудь воздух. Оборвал его взмахом руки, глядя лишь на Конюхов. Не было нужды спрашивать, сообщил ли им кто-нибудь, что их переводят в новый отряд, поскольку одетыми здесь были лишь несколько человек.

– Кто за вами присматривает, стражники? – бросил он вместо вступления.

Минуту стояла тишина.

– Как отданные на работы по крепости, мы подчиняемся Квартирмейстерству, – раздалось из тени.

– Выйди, солдат.

В проходе между загонами показался низкий, но сложенный будто бык стражник. В движениях его и взгляде было нечто, говорившее: он словно готовый к выстрелу арбалет.

– Имя и фамилия, стражник.

– Фенло Нур.

– Третья десятка восьмой, верно?

Кивок, взгляд исподлобья.

– Лейтенант лив-Даравит, шестая рота Шестого полка из Белендена. Отныне – ваша новая рота. Может, тебе кажется, что ты – на самом дне, но если ты еще раз забудешь о при-

ветствии старшего по званию, то, я уверяю, станешь тосковать по конюшне. То же самое касается и остальных. Понятно?

Несколько десятков ладоней взметнулось в салюте. Одни быстрее, другие – медленнее. Кеннет кивнул и отдал честь, меряя людей взглядом. Молодые и старые, со шрамами, и совершеннейшие молокососы. И бунт в глазах каждого. Это хорошо. Их не сломили.

Кеннет почувствовал, как стоящий за его спиной Андан беспокойно переступает с ноги на ногу.

– Сейчас минует первая четверть, господин лейтенант.

– Знаю. Мы успеем, уверяю тебя.

Должно быть, что-то слышалось в его тоне, поскольку десятник отступил на шаг и замолчал.

– Скверно выглядите. – Кеннет покивал. – Полагаю, это результат духоты, но свежий воздух наверняка поправит ваше здоровье. Через час вы будете вне крепости, в лагере роты. Поскольку у Квартирмейстерства масса обязанностей, оно, полагаю, просто позабыло вам об этом сообщить, не говоря уже о том, чтобы выдать оружие и вещи. К счастью, один славный лейтенант пообещал, что все для вас приготовит. Собирайтесь!

В конюшне началась суета. Это не было еще привычное военное движение, как у сработавшегося подразделения, но в несколько минут все оказались собраны и готовы в дорогу.

– Третья, выходим!

Несколько солдат выступили вперед, Фенло Нур поколебался, потом встал во главе. Кеннет кивнул: согласно рапорту, Нур был правой рукою исчезнувшего десятника.

– Вы идете первыми. Остальные – ты, ты, вы четверо и те вон – за ними. Потом вы...

Построить отряд в такой-сякой строй заняло несколько минут, и только теперь лейтенант заметил, чего не хватает.

– Где ваши плащи?

Солдаты молчали, некоторые опустили взгляд.

– Нур?

Мощный стражник поглядел на него с вызовом:

– Сегодня приказали их снять. Так, как раньше – оружие.

– Сегодня?

– Да.

– Понимаю. Видишь ту веревку? Бери ее с собой.

Поворачиваясь, Кеннет поймал взгляд Велергорфа. Старый десятник сохранял каменное лицо, но глаза его напоминали кусочки льда.

Дойти до склада заняло несколько минут, и к этому времени Кеннет был уверен, что любой, кто их видел, следит за ними с изрядным весельем. Если Квартирмейстерство желало развлечься за счет Конюхов и его роты, то наверняка постаралось, чтобы все остальные об этом знали.

В комнате за столом сидел тот же офицер, и, судя по кучке лежащих перед ним очищенных перьев, намеревался он в ближайшее время накропать восьмитомный эпос о войне с кочевниками. Кеннет остановился перед ним, отдал честь.

– Шестая рота за оружием и вещами для тридцати четырех человек.

Лейтенант из Квартирмейстерства поднял голову, смерил взглядом его и стоящих за дверью солдат, потом спокойно вынул из-под стола маленькую клепсидру.

– Четвертьчасовка, лейтенант. С момента вашего ухода я переворачивал ее уже дважды, через миг-другой – переверну в третий. Тогда у вас останется четверть часа, чтобы решить все вопросы, а этого времени слишком мало. Лучше всего будет, если вы придете завтра, где-то после полудня, хорошо? Не скажу точно, когда именно, но уж как-нибудь мы это решим. Эй! – Он вскочил со стула. – Что ты делаешь?

Кеннет же как раз подходил к дверям, за которыми, похоже, был склад. Внутри находилось восемь высоких полок, ничего особенного, несколько досок и стоек, сколоченных так, чтобы на них разместить порядком тяжелые вещи, а на каждой полке – связки стрел, дротики, копья, сундуки и ящики. Последняя полка тонула в тени, на ее верху, в добрых десяти футах над землею, виднелись большие узлы.

– Это – наши вещи? – спросил он спокойно, а офицер Квартирмейстерства выполнил такое движение, словно хотел вылезти из-за стола, но в последний миг отказался от этой мысли.

– Да.

– Где лестница?

На лице чиновника появилась улыбка.

– Увы, ее нет. Как раз забрали ремонтировать. – Улыбка сделалась шире. – Но завтра, полагаю, она будет у меня. Наверняка. А сегодня, думаю, не смогу вам помочь.

Кеннет отступил от двери, выпрямился, стряхнул пылинку с плаща.

– Нет ли возможности задержать закрытие склада?

– Никаких. – Офицер перевернул клепсидру и с театрально обеспокоенной физиономией указал на вытекающий песок. – Не знаю, как оно в Белендене или в других местах на западе гор, но здесь мы придерживаемся устава. Через четверть часа закрываемся.

– Понимаю. Однако прошу поверить, лейтенант без фамилии, что в Белендене мы тоже придерживаемся устава. Нур!

В дверях показался мощный стражник, неся на плече моток веревки.

– Последняя полка. Привяжи веревку к ножке, в самом низу. Второй конец подать за дверь. – Кеннет отдавал приказы, не спуская взгляда с квартирмейстера. У того на лице было такое выражение, словно он очутился в каком-то странном сне. – Чего ждете? Хватайте веревку и тяните! На три. Раз. Два. Три!

Рывок был сильным, раздался треск ломающегося дерева, последняя полка задрожала и наклонилась. Офицер Ублюдков заморгал, как будто только теперь поверил, что все происходит на самом деле.

– Еще! Раз. Два. Три!

Веревка застонала, а потом ослабла, а изнутри склада донесся приглушенный грохот.

Кеннет даже не оглянулся, чтобы проверить, что они натворили.

– Стражники, у вас меньше четверти часа, чтобы подобрать свои вещи, – бросил он в сторону дверей. – Если все тут сложено согласно уставу, я не сомневаюсь, что ваше оружие, плащи, палатки и сумки были упакованы отдельно и надлежащим образом описаны, а значит, достаточно найти соответствующий сверток. Чтобы избежать столпотворения, десятники Вархенн Велергорф и Андан-кейр-Треффер станут вам их подавать. – Он взглянул на сержантов – пришлось признать, что они хороши: ни у одного и мускул не дрогнул. – Двигаться!

Он подошел к столу и внимательно посмотрел на клепсидру. Маленькая игрушка из хрусталя и меди с песком, окрашенным ремесленником в темно-зеленый цвет. Наверняка стоила она с его месячное жалованье. Он поднял взгляд и посмотрел прямо в глаза квартирмейстеру, который словно сделался меньше ростом.

– Да, господин лейтенант, вы здесь один среди почти четырех десятков безумцев, у многих за спиной – даже преступления. Но они не сражаются этим. – Кеннет ткнул в клепсидру, и та заколебалась опасно, чуть не упав со стола. – Они сражаются оружием, которое было у них отобрано. И как раз должны выйти за стены на боевое задание, поскольку шестая, о чем вы забыли, разбила лагерь снаружи и ждет нападения. Десятник Велергорф, как продвигается?

– Уже пятнадцать, господин лейтенант, все чудесно упаковано, как вы и говорили.

– Прекрасно. Осталось ведь еще больше половины клепсидры, я прав?

Осторожный кивок вполне сошел за ответ.

– А потому можете не переживать, что мы не успеем. Поскольку я не представляю себе офицера Стражи, у которого бы не болело сердце за других стражников. Конечно, как квартирмейстеру вам придется привести склад в порядок, поскольку, увы, этот способ изъятия вещей несколько... Десятник Велергорф, сколько полок рухнуло?

– Всего три, господин лейтенант.

– Всего три. Это не должно занять времени больше, чем половина ночи. Конечно, на будущее я советую вам иметь запасную лестницу и не сосредотачиваться так на песочных часах. – Он ткнул в игрушку снова и с задумчивым лицом глядел, как она колышется в пальце от края стола. – У вас есть много отточенных перьев, как вижу.

– Д-д... да.

– Прекрасно. Вархенн?

– Еще десять свертков, господин лейтенант. – Изнутри склада снова раздался грохот. – Четвертая полка упала, господин лейтенант.

– Кто-нибудь ранен?

– К счастью, нет, господин лейтенант. Просто пришлось посильнее дернуть и...

– Можете не объяснять, десятник. Лейтенант... а как, собственно, ваша фамилия?

Квартирмейстер смотрел на него взглядом человека, лицом к лицу столкнувшегося с настоящим безумцем.

– Гевсун.

– Лейтенант Гевсун наверняка оценит твое беспокойство, поскольку ты же слышал, для него оказалось чрезвычайно важным время, вот мы и стараемся забрать наши вещи, пока весь песок не пересыпался. – Кеннет послал через стол ободряющую улыбку, а офицер Ублюдков чуть отодвинулся. – Так о чем это мы? Ах, о перьях. Полагаю, какие-нибудь чернила у вас найдутся? Если нет, нам придется сделать то, что мы обычно в подобных случаях делаем в Белендене.

Рука Гевсуна исчезла под столом и мгновенно поставила на стол небольшую чернильницу. Кеннет внимательно выбрал одно из приготовленных перьев и постучал им о горлышко сосуда.

– Как командир роты я, полагаю, могу подписаться под списком взятого снаряжения, верно? Я никогда не был слишком хорош в уставе.

– Можете, лейтенант.

– Чудесно. Десятник Велергорф?

– Последние три мешка, господин лейтенант.

– Чудесно.

Кеннет оглянулся через плечо, туда, где группа его солдат стояла, прижимая к себе бесформенные мешки из грубого полотна. Большинство тарасились на него взглядами, что мало отличались от взгляда квартирмейстера, а некоторые наверняка бы охотно вернулись в конюшню. «Черный был прав, – подумал он с легкой усмешкой, – я слишком много на себя беру, слишком мало сплю и вообще почти не отдыхаю, раз так, то меня запросто можно вывести из себя, а в результате – одни проблемы. Как с теми Крысами, которых я велел оставить посреди озера. Некоторые называют такое талантом создавать себе врагов».

Велергорф вышел из склада, держа последние мешки.

– Хорошо. – Кеннет взглянул на квартирмейстера. – Так где мне подписать?

* * *

Они покинули склад в молчании. Кеннет остановил отряд поднятой рукою и медленно повернулся к солдатам. Те смотрели на него со смесью интереса и удивления. Как на некое экзотическое создание.

– Доспехи, – обронил он. – Вы не покинете крепость словно банда пастухов.

Они надевали кожаные поддоспешники, разного размера кольчуги, ламелярии. Шлемы. Он оценивал их прежде всего по панцирям. Те, в ламеляриях и тяжелых кольчугах, – наверняка убивающие в первом ряду, не следопыты или разведчики, но неоценимы, когда нужно ворваться в укрепленный дом или сломать строй врага. Это, впрочем, было видно и по их оружию: тяжелым мечам, бердышам и моргенштернам. По тесакам шириной с мужскую ладонь – для схватки в ближнем бою.

Легкий доспех преимущественно носили стражники, привыкшие полагаться на скрытый шаг и быстрые стрелы, посланные в противника из засады. Легенда Горной Стражи времен войны с империей гласила, что тактика «стреляй и беги» приводила в ярость всех меекханских генералов. Но, сколько бы ни говорили о бесчестной войне, каждая рота как минимум на четверть состояла из прекрасных стрелков, которые, если речь шла о терпении и меткости, могли бы соревноваться с лучшими из браконьеров. Здесь были как минимум десяток таких следопытов: легкие панцири, легкие шлемы, арбалеты, выглядящие словно оружие наемных убийц из отрядов Крысиной Норы, из благородного оружия носили они лишь корды или два полумеча. Остальные солдаты использовали вооружение потяжелее: примерно такое, как сам лейтенант, – кольчуга, шлем, меч или топор, порой щит и арбалет. Основа любой роты.

Он отыскал Фенло Нура. Кеннета поразила кожаная куртка, покрытая пятнами разного оттенка коричневого, замаскированный кусочками материи арбалет, два колчана для стрел и несколько длинных ножей для комплекта. А ведь он готов был поспорить, что именно этот солдат станет носить тяжелый панцирь и двусечный топор. Нужно держать с ним ухо остро. Несмотря на первое впечатление, Нур был не холериком, что бросается в бой с пеной на губах, но хладнокровным сукиным сыном, что может часами таиться в засаде, чтобы после убить одной стрелой. Чудесное приобретение, если завоевать его доверие.

– Плащи, – обронил лейтенант следующий приказ, зная, что сейчас множество глаз в крепости следит за ними.

Они надели плащи – быстрее или медленнее. Старательно или абы как. Но надели все.

Кеннет повел взглядом по знакам, вышитым на материале. Рота, полк, рота, полк... разный размер и форма цифр, разные истории, по крайней мере восемь разных отрядов. Сделать сплоченную роту из четырех десятков ему удалось за два года. Сколько времени это займет теперь?

– Сегодня мы идем в окрестности Кехлорена, вы станете нести стражу и будете наготове, как и прочие. А если кто-то окажется настолько глуп, чтобы на нас напасть, вам придется сражаться, как и остальным.

Солдаты глядели прямо на него, некоторые даже с чем-то вроде симпатии. Однако большая часть взглядов была показательно равнодушной. Он оценил их, они оценили его, искали слабые точки, черты характера. Возможно, некоторым понравилось его представление у квартирмейстера, но наверняка не тем, кто постарше. А несколько здесь были в возрасте Велергорфа.

– Завтра утром вы отпорете номера старых рот и вышьете себе такие. – Он указал на свой плащ. – Две шестерки, та, что слева, – наполовину выше первой.

Как и полагал, почти все лица окаменели. Он уже это проходил – пару лет назад.

– Проверю лично. Можете не носить плащи с этим номером, разве что я или ваш десятник отдаст другой приказ, но номер должен быть нашим. И вышитым красной нитью.

– Красные Шестерки, да?

Нур, конечно же.

– Да, стражник, Красные Шестерки. Некоторые, возможно, о нас слышали, другие – нет. Те, кто слышал, могут понарасказывать всяких сказочек остальным. Важно то, что рота делает, а не то, что сделала. А отныне... – Кеннет заглянул Нуру прямо в глаза и нашел там то,

на что он и надеялся. Несмотря на агрессивный тон и гневно сжатые кулаки – холод и спокойствие. – Отныне вы – ее часть.

Ему захотелось откусить свой язык. Такие разговоры хороши в героических эпосах, а не когда он стоит перед группкой циничных, битых судьбою забияк.

– Вы уже меня оценили, – продолжил он. – Молодой, глупый, немного безумный и рыжий. И командиры его не любят, раз уж передали ему нас. А теперь я стану оценивать вас. Понятно?

– Так точно!

Он отсалютовал, получил ответные салюты и направился к выходу. За ним топало пополнение шестой роты.

* * *

Это утро было другим. Двери ударили в стену так, что чуть не слетели с петель, и внутрь вошла Бесара.

Кайлеан перестала расчесывать волосы Дагены.

После исключительно скверной ночи была она злой и невыспавшейся. Их учительница заставила ее надеть соответствующую «ночную одежду», то есть длинную, до пят рубаху, накрахмаленную так, что в ней с трудом можно было двигаться. «Меекханская дама эскорта никогда не пойдет спать в чем-то другом», – пояснила Бесара коротко. Материал одежды был жестким, а оборки у шеи и на запястьях – раздражали. К тому же всю ночь рубаха задиралась так высоко, что начинали мерзнуть ноги. Конечно, Даг, как верданнская княжна, могла спать в чем захочет. Ближе к полуночи Кайлеан была готова ее убить, слыша спокойное похрапывание. Потому с мстительным удовлетворением разбудила ее за час до рассвета и устроила «княжне» утренний туалет.

– Ой-ой, – проворчала Кайлеан, когда с косяка двери посыпалась замазка. – Или это новое испытание? Я сейчас должна пискнуть как девчонка и потерять сознание со страха?

Дальнейшие злобные слова застряли у нее в глотке. Бесара выглядела как пять футов и четыре дюйма ярости. Конечно же, была она безукоризненно одета, а прическа ее представляла собой образец совершенства. Но глаза метали молнии.

Ну и, ясное дело, она не выказала ни капли удивления, увидав девушек на ногах.

– Завтра, – рявкнула Бесара.

– Что – «завтра»?

– Завтра вы должны быть в замке у графа.

Кайлеан кивнула и вернулась к расчесыванию. Дагена даже не вздрогнула.

– Кто это решил?

– Сам дер-Малег. Только что явился посланник. Якобы мать его приболела, через несколько дней они выезжают на север, а потому просит, чтобы княжна прибыла в его замок уже завтра, чтобы хоть некоторое время порадоваться ее компании. А Эккенхард, пропади его душа во Мраке, согласился.

Девушки переглянулись. Наконец Дагена пожала плечами:

– Хорошо.

– Хорошо? – Кайлеан показалось, что от тона Бесары стены покрылись изморозью. – Он посылает вас на смерть. Вы и дня не проживете в том змеином гнезде. Они вас раскроют и убьют. Или хуже того.

– Возможно. – Кочевница чуть улыбнулась и склонила голову. – Зачеши наверх, Инра.

Кайлеан присела в поклоне:

– Конечно, ваше высочество.

Бесара миг-другой молчала.

– Это что, демонстрация для меня? Княжна и ее дама при утреннем туалете? Вы не знаете ничего. Не умеете одеваться, говорить комплименты, вести себя за столом, понятия не имеете, как разговаривать с аристократией, а как – со слугами. Не сумеете вытянуть информацию и у ребенка. Вы...

– Мы – из чаардана Ласкольника, госпожа Бесара. – Кайлеан закончила укладывать волосы Даг и критично осмотрела результат. – И мы согласились на все это. Остальное не имеет значения.

– Не имеет значения? – Черные глаза угрожающе сузились. – Вы такие глупые или такие высокомерные?

Кайлеан вздохнула:

– Ни одно ни другое. Давно, когда чаардан только возникал, Ласкольник охотился на банду Саврехса-лес-Моноха. Бандит этот знал провинцию как никто другой, сидел в наших землях с конца войны, старый налетчик, и сперва рвал се-кохландийские а'кееры, а потом, в годы мира, не сумел найти себе места. У него имелись по селам и городкам верные люди, он был знаком с вождями кочевых племен, мог, если нужно, найти подмогу по одну и по другую сторону границы, а когда узнал, с кем имеет дело, – исчез. Кха-дар рассказывал мне как-то, что он три месяца планировал, как вытащить изгнанника из укрытия, как расставлял силки, подсовывал якобы плохо охраняемые караваны. Нет, госпожа Бесара, – Кайлеан вскинула руку, – я хочу закончить. Это должно было стать большой охотой, но однажды пришла весть, что лес-Монох покинул лежбище и крадется в глубь империи. Кха-дар поднял чаардан на ноги – а было у него в ту пору едва с дюжину лошадей, – по дороге созвал еще нескольких всадников и настиг банду на полдороге от Лифрева.

– И зачем ты мне это рассказываешь?

– Потому что я видела это много раз: интриги и фортели, которые планируются на много дней наперед, не получаются, поскольку кто-то заплутал или немного запоздал. А потому, когда планы рушатся, надо либо проводить долгие дни, составляя планы новые, либо просто сделать то, что нужно... – Она поколебалась. – Я не могу найти подходящих слов, госпожа Бесара...

– Ты говоришь об импровизации?

– Да. И нет смысла рассчитывать на то, что мир ляжет тебе под ноги – когда ты становишься против других, у этих других уже есть свои планы и желания.

– Ну, – Дагена хищно улыбнулась и, несмотря на платье и чудесную прическу, на миг выглядела как истинная дикарка с пограничья. – Чаще всего они хотят увидеть свою стрелу у тебя в кишках. У нас, когда мы теряем кого-нибудь из чаардана, говорят: «такая судьба», а потом идем в *амрех* к семье и, если можем, садимся на коня, чтобы отомстить. Мы чтим Ейф-фру, но не кланяемся ей до земли, рассчитывая на улыбку судьбы. А значит, если приходится быстро менять планы, мы не плачем и не жалеем себя, потому что на войне такое случается. А это ведь война, верно?

Бесара глядела на них двоих, и было заметно, как уходит ее гнев. А потом неожиданно она присела в глубоком поклоне.

– Жаль, что у меня нет полугода, чтобы отшлифовать вас в истинные бриллианты. Наше второе утро – и вы меня снова удивили. У нас есть еще день. Не станем уже играть в сплетни о местной аристократии, но я научу вас нескольким вещам, которые, возможно, спасут вам жизнь. Как обмениваться информацией без слов, как выйти из закрытой комнаты, как передать сообщение. Но сперва – завтрак. Может, вчерашнее пирожное?

Могла и не спрашивать.

Когда они закончили подметать крошки, Бесара устроилась поудобней и начала:

– Знает ли княжна язык верданно? Какой-нибудь?

– Знаю немного обычный язык. Последние несколько лет Фургонщики часто торговали с моим племенем.

– Прекрасно. Самым простым методом кажется говорить на *анахо*, однако вы не всегда сможете делать это открыто. Кроме того, ты, Инра, с княжной всего лишь недавно, а потому знание языка верданно было бы подозрительным. Ну и, конечно, порой нужно передать друг другу кое-что, не раскрывая рта.

– Может, так? – Кайлеан выполнила рукой военную команду «поворот налево».

– Можно и так. Но, во-первых, кто-то может узнать этот жест, а во-вторых, в устах... в ладонях дочки купца это будет выглядеть странно. Эх... Простите дурную шутку, это нервы. Кроме того, ваши знаки должны быть скрыты в обычных движениях. Сплести пальцы, поправить манжеты, разгладить платье, приподнять брови, взглянуть, склонить голову. Так можно передать массу информации. И – внимание – эти методы никак не кодифицированы, нет ни одной тайной крысиной книги под названием «Как разговаривать, почесывая нос». – Бесара слегка улыбнулась. – Каждая группа шпионов сама договаривается между собой о нескольких таких знаках, которые чаще всего означают самую общую информацию: «опасность», «внимание», «выходим», «бежим», «нападай». Иногда нужно передать сообщение, даже не видя друг друга, а поскольку нельзя написать письмо, то, как стоит у стола стул, может решить вопрос вашей жизни и смерти.

Конечно, Дагена не выдержала:

– И сколько шпионов сбежало – или не успело – от слишком говорливой служанки?

Их учительница кивнула:

– Несколько. Но только те, что оказались поглупее и не сумели так подобрать сигналы, чтобы никто из чужаков, даже случайно, их не распознал. У вас есть день и ночь, чтобы придумать для себя несколько знаков.

Она замолчала и, казалось, какое-то время вела внутреннюю борьбу.

– Я была зла, когда сюда входила, не только оттого, что у нас мало времени, – прищурилась она. – Была я зла и оттого еще, что надеялась, что это безумие отзовут. Я не должна вас туда посылать и делаю это лишь потому, что Генно Ласкольник выбрал вас в чаардан, а это – рекомендация уже само по себе.

– Я не знала, что наш кха-дар известен и на Севере.

– Дорогая Инра, ваш кха-дар обращается к императору по имени, ему отдают честь генералы всей меекханской армии, а над аристократами из Совета Первых он просто издевается. А я – Белая Роза империи и должна делить людей на тех, кому я доверяю, и тех, кто заслужил смерть.

Кайлеан впервые услышала в ее голосе настоящую сталь и знала уже, что это не шутки.

– Значит, если бы ты нам не доверяла...

– Ты не понимаешь, дитя. Я доверяю большинству людей. Купцы, пастухи, селяне, ремесленники, солдаты, дворяне, маги или жрецы – в целом это все люди, достойные доверия. У них есть свои – большие или меньшие – мечтания, и они идут к ним, стараясь не совершать чрезмерных жестокостей. Конечно, они могут тебя обмануть, продать порченный товар, завести в лес, что-то украсть и даже кого-то убить. – Она послала им холодную улыбку. – В вашем чаардане тоже есть такие, с беспокойной совестью, верно? Однако им можно доверять, если знаешь, за какие струны их сердец дергать. Но есть и люди, чьи амбиции уходят дальше и глубже, чем обычно. Хотят они больше, чем могут получить. Больше денег, власти, сил, больше всего, и ради этого «всего» они готовы поджечь мир. Чтобы получить власть над тысячей людей, они убьют десять тысяч, ради власти над десятком тысячами отправят во Мрак миллион...

– Граф – такой?

– Граф? – На миг Бесара казалась искренне веселой. – Нет. Он лоялен, хоть и несколько разочарован. Вот только никто не понимает, отчего убийцы держатся вблизи от его земель, а вам нужно постараться узнать, кто стоит за этими убийствами и исчезновениями.

Дагена побарабанила пальцами по столу.

– Этот титул, который ты упомянула... Белая Роза. Что он означает?

– Белая Роза – это цветок в императорском саду, – раздалось от дверей. Эккенхард опирался о косяк, сложив руки на груди. – Это высший титул, который может получить шпион на службе империи. Титул этот присваивается тому, кто уничтожил большой заговор, стал причиной раскрытия невероятного предательства или же служил столько лет, что опыт его сделался бесценен. Его может получить любой из Крыс, вне зависимости от того, мужчина он или женщина, хотя женщины получают его чаще.

– Почему?

– Потому что женщины лучше нас в этой игре. И обычно умеют выгresti из ситуаций, в которых мужчина теряет голову и гибнет. Это Белые Розы посылают боевые отряды в сражение, когда полагают, что кому-то нельзя доверять. – Он дерзко улыбнулся. – А я – принес камни. Сменить?

Бесара смерила его взглядом – и улыбка его поблекла и исчезла.

– Уже несусь, – пробормотал он и исчез за дверью.

Через миг он уже волок новую корзину, наполненную потрескавшимися от жара камнями. На этот раз нес ее сам, сопя от усилия и стараясь не обжечься.

– Вче...ра, уф-ф, вчера вечером делегация верданно провела Черного... Чтоб тебя! – выругался он, когда, не заметив, зацепился рукою о корзину.

Поставил ее подле старой и без приглашения присоединился к сидящим.

– Уф-ф. – Он налил себе вина. – Не терпится им.

– Ничего странного. – Кайлеан пододвинула свой кубок и подождала, пока он его наполнит. – Фургоны уже могут ехать дальше. Им нет необходимости вставать в лагерь.

Эккенхард выпил вино несколькими большими глотками, долил, покачал головою.

– Есть. Кто-то убивает здесь людей. Нападает даже на Горную Стражу и сторожевые башни. Ты ведь видела. В лагерях они будут в безопасности.

– Я не видела ничего, кроме пустой башни и единственного искалеченного мужчины, который не мог ничего сказать. – Она поднесла бокал ко рту, чуть смочила губы, не сводя с Эккенхарда глаз. – Это нисколько не причина.

– А разве в другом случае Горная Стража гоняла бы по окрестностям, как кот за течной кошкой? – ответил он взглядом на взгляд.

– Это все притворство, а на самом деле солдаты лишь следят, чтобы фургоны не вывернули куда-то за долину. Я права? Ведь отряды уже вышли из крепости и заблокировали дороги?

– Они отделяют Фургонщиков от местных.

– Которых никто и в глаза не видывал. Вместо этого вокруг верданно сжимается петля. Горы, леса, армия... Они задыхаются.

Они мерились взглядами.

– Собственно, почему ты мне об этом говоришь?

– Потому что ты пришел сюда потянуть меня за язык на тему того, что они, собственно, думают. Я права? – спросила она и, не дожидаясь ответа, продолжила: – А потому я и говорю. Им здесь не нравится. Они привыкли к открытым пространствам, к местам, где нет ничего между тобой и горизонтом. И не это им обещали. Нет, не загнать их в долину и не запереть армией. И я советую о том помнить. Даже самые дикие командиры се-кохландийских налетчиков, которые осмеливались нападать на городки, не решались ударять по боевому лагерю.

Она снова подняла бокал.

– Кроме того, у них все меньше времени. Если хотят быстрой атакой отбить свою вышешность, первые фургоны должны выехать уже дней через пятнадцать – двадцать. Они не могут здесь сидеть, проедаая запасы. Что решил генерал?

– Он покажет им дорогу, конечно же. Но за безопасность они станут отвечать сами. Черный не пошлет солдат, чтобы те их защищали.

– Разумеется. Как-нибудь справятся и сами.

– А вы? Тоже?

– Если будет на то судьба. – Кайлеан улыбнулась над бокалом с вином.

Крыса внезапно выпрямился, покачал головой, словно ему пришла некая мысль.

– Вы отправляетесь к графу завтра утром. Приготовитесь уже сегодня, потому что это дорога на весь день. Поедет один фургон: княжна, Инра, возница с помощником. Как эскорт вам будет сопутствовать рота Горной Стражи.

Бесара кашлянула:

– Почему Стража, а не Фургонщики?

– Потому что за безопасность на дорогах отвечает Стража, госпожа Бесара, а граф не впустит в замок несколько десятков вооруженных варваров. Кроме того,двигающиеся вне долины верданно могли столкнуться с провокациями со стороны разных горячих голов. Потому, чтобы избежать дипломатических сложностей, пойдут солдаты. Ну и из-за того, что происходит в горах, Черный предпочитает дать людей, которым он доверяет. Убийцы никогда не решались атаковать больше чем два десятка стражников, а потому до места мы должны добраться в безопасности. Там они оставят вас самих – княжну и даму сопровождения, – он снова поглядел на обеих девушек, – через четыре дня фургон и эскорт вернутся, потому что потом Циврасдер-Малег отправляется к матери. Так решено с посланником графа.

– Что-то он не спешит к ней.

– Официально потому, что река повредила мост и графу надобно ждать, пока его отремонтируют. Неофициально – он старается сохранить лицо. Не может принять княжну Фургонщиков со всеми почестями, соответствующими ситуации, когда местные крестьяне начинают волноваться, да и прочие дворяне косо поглядывают на наших гостей. Однако граф не может выказать обиду императорскому двору, который официально признает род Френвельсов аристократами высокой крови, а потому он выбрал средний путь: визит княжны Гее'неры будет коротким и без особого блеска вроде балов и шикарных приемов. Ровно столько, чтобы сохранить видимость гостеприимства. Знаю, мы надеялись на большее, но, может, вам в итоге будет немного легче перемещаться по замку и говорить с людьми: при полуофициальном визите вам предоставят бо́льшую свободу.

Он поклонился низко – сперва Бесаре, потом им.

– Мы, скорее всего, уже не встретимся, не хочу, чтобы слишком много людей видели нас вместе.

Дагена приподняла бровь:

– Полагаешь, что у графа есть здесь шпионы?

– Я бы их разместил, а потому готов поспорить, что граф тоже это сделал. Именно потому я не позволял вам покидать эту комнату. Еще вопросы?

– Что с остальным чаарданом?

– Насколько мне известно, они пребывают в одном из лагерей и держатся вместе.

– Хорошо. Значит... до свидания?

– До свидания.

Он вышел.

Минуту они молчали. Наконец Дагена потянулась за вином.

– Он странно вел себя, тебе не показалось, дорогая Инра?

– Полагаю, что так, ваше высочество. Выглядел нервным и неуверенным. Словно впервые делал что-то подобное...

Они поглядели на Бесару. Очень многозначительно.

– Еще полгода назад Эккенхард был Свободной Крысой. Ездил по империи, разнося приказы и информацию. Полагаю, он впервые посылает кого-то на подобную миссию.

– То есть мы принимаем участие в безумии, спланированном Крысиным гонцом, который случайно вляпался в здешнюю трясиину и не обладает никаким опытом, да?

– Да.

– И все это, – Кайлеан махнула рукою, – все это – одна большая импровизация?

Их учительница широко улыбнулась и выставила перед собой посудину.

– Именно так, девушки. Приветствую вас во внутренней разведке.

Они чокнулись бокалами.

* * *

Деревья тихо шумели, а их зеленые кроны легонько колыхались над ее головой. Кей'ла легла на спину и посмотрела вверх. Была она словно муравей среди травинки. Маленькая и потерянная. Счастье еще, что здесь невозможно на самом деле потеряться, успокоила она себя. Достаточно просто встать и идти вниз, и ноги сами принесут тебя на дно долины, в лагерь. Разве что выйдешь из лесу в совершенно другом месте, чем вошла.

Она лежала на прошлогодней траве, серой, жесткой и острой. Хотя из земли лезли уже новые стебли, а молодой папоротник начинал сражение за место под солнцем, здесь все еще виднелись следы зимы. Опавшая хвоя, веточки, шишки, трава и сухостой местами складывались в ковер толщиной в несколько дюймов, над ним вставал запах увядающей растительности, а от земли все еще шел холод.

Ей до этого не было дела.

Лес казался таким... спокойным. Она запросто могла представить, что он шумел так же и тысячу лет назад, когда Лааль вела ее предков Дорогой Обмана; три с половиной тысячи лет назад – когда боги сражались с Нежеланными, а небо пылало огнем. А лес стоял неподвижно и пел, склоняясь лишь под лаской ветра, потому что боги, демоны и люди уходили, а он оставался. И будет так расти и следующую тысячу лет, когда уже исчезнет память о внуках ее внуков.

Конечно, если станет известно, что она выскользнула из лагеря и вошла в лес в одиночку, без разрешения, то она не только внуков, но и будущего мужа не увидит. Кей'ла улыбнулась, потому что не слишком-то понимала, откуда такое пришло ей в голову. Наверняка из-за Ана'ве, которая целыми вечерами рассказывает сестрам, как Баз'да Кленниред присматривалась к ней с самого утра.

Баз'да была бабкой Кар'дена, а ради этого парня Ана'ве могла хоть пол-утра наряжаться. Но так оно и происходило с Первой: близнецы всегда шутили, что она смотрит сердцем, слушает сердцем и думает сердцем же. Три дня тому она плакала навзрыд, потому что ей показалось, будто она приглянулась старой Сеф'лие, а даже Кей'ле приходилось признавать, что внук Сеф'лии выглядит как помесь поросенка с больной овцой. Конечно же, Ана'ве и в голову не пришло, что она могла бы воспротивиться решению отца и одной из матрон, а потому она то впадала в черное отчаяние, то безумствовала от счастья. Когда Нее'ва обронила замечание, что Ана'ве должна сама поговорить с отцом о деле с Кар'деном, старшая сестра состроила такую гримасу, словно Вторая предложила ей голой прогуляться вокруг лагеря. Кей'ла до сих пор улыбалась, воображая себе, какая сбежалась бы толпа.

Традиция требовала, чтобы девушка уступила воле родственников. Традиция... Кей'ла осторожно потянулась под полу жилетки. Собственно, сейчас она нарушала один из вытека-

ющих из традиции приказов, и что странно – совершенно не чувствовала вины. Не так ее воспитывали. Когда ее семья появилась в Лифреве, она была еще малышкой, гуляющей под конскими брюхами, а следующие несколько лет – росла среди людей с совершенно другими обычаями. Она говорила по-меекхански лучше многих взрослых, кто всю жизнь провел в лагерьях; большинство людей, которых она узнала, были типичной многоплеменной приграничной кучей-малой, а из традиций Фургонщиков ей передали лишь те, знакомство с которыми казалось отцу и матери важным на данный момент. Одной из них было то, что женщина может сражаться, защищая собственный фургон, стрелять из лука и арбалета или колоть врага копьем, но она не может править боевой колесницей и не принимает участия в схватках вне лагеря. Эти вещи оставляли для юношей и мужчин. Если враг нападал на лагерь, женщины были равны мужчинам, но прежде всего они должны оставаться хорошими женами и матерями. Традиция.

И, согласно традиции, никогда-преникогда не дозволялось им носить *кавайю*. Это было оружие, которое превращало мальчика в мужчину, чаще всего его ковали лично – или покупали за собственноручно заработанные деньги. Когда мальчик входил в мир взрослых, он слегка рассекал кожу на груди, чтобы клинок сперва попробовал его крови. Верили, что это укрепляет связь между оружием и воином. Верили также и в то, что если *кавайю* будет носить девушка, то через некоторое время она станет бесплодной. А бесплодная женщина – проклятие для рода.

И, несмотря на это, Кай'ла чувствовала под левой подмышкой опасную тяжесть. Она украла *кавайю* из кузницы отца, где Анд'эверс обычно держал несколько готовых штук на продажу. Сомнительно, чтобы он заметил пропажу, а она ведь не могла выбраться в лес с кухонным ножом за пазухой. Ей требовалось настоящее оружие, поскольку лес – опасен.

В лесу таились злые люди.

И в лесу был кто-то, спасший ей жизнь, а это долг, не вернуть который она не могла. Конечно, оплатить долг будет непросто, но сейчас она всего лишь хотела передать восточку, что знает и помнит. Видела его менее секунды, в движении, но и этого хватило, а кроме того, однажды ночью он ей приснился: светлая кожа, темные волосы, блестящие глаза, словно на лице его открылись оконца в летнее небо. И был он худ... это она помнила из своего сна, каждая мышца вырисовывалась под кожей, ребра и хребет, казалось, просвечивали наружу. Похоже, он был еще и голым, но тут она сомневалась. И выглядел немногим старше Кей'лы, а весил и того меньше. А значит, он наверняка голодный. И озябший.

Она не была уверена в этих воспоминаниях, вылепленных из реальности и дремы, не была уверена, действительно ли там когти рвали горло и лезвие резало тело и кость. Но она знала: если не попытается уплатить долг, то никогда уже не уснет спокойно.

За пазухой у нее был сверточек с несколькими кусками ветчины, двумя овсяными лепешками и горсткой сушеных плодов. Больше она не осмелилась взять: во время военного марша каждый кусок жестко учитывался, и Ана'ве, что надзирала над припасами их родного фургона, и так спросит о недостающей пище. Кей'ла всегда могла сказать, что почувствовала голод, хотя это наверняка и приведет к уменьшению порции ужина. Хуже было с пледом. Она забрала один из тех толстых, шерстяных, какими накрывали конские спины, и надеялась, что никто не станет их пересчитывать в ближайшее время. А потом караван будет уже далеко.

Теперь плед лежал рядом с нею, она же вглядывалась в кроны деревьев и вслушивалась в лес. То, что она хотела сделать, было глупо, она поняла это уже в первый час. Лес везде одинаков – бесконечное число деревьев, растущих на склонах горы. В прошлый раз она убегала из лагеря чуть ли не вслепую, лишь бы подальше от сестры, давась собственным гневом, а возвращалась с головой, наполненной пустотой, все еще чувствуя на затылке дыхание того бандита. А теперь не могла найти место, где на нее напали. Не знала даже, находится ли она там, где нужно. Еще минута – и придется возвращаться, прежде чем отец вышлет половину лагеря на поиски. Правда, в последнее время он до рассвета кружит у боевых фургонов, непрерывно что-то подновляя и договариваясь с возницами, а потому существовал шанс, что он пока не заметил

исчезновения младшей дочери, но лучше не искушать судьбу. Впрочем, Ана'ве и Нее'ва тоже не обращали на нее внимания, а о братьях можно было и не вспоминать. Дер'эко, Фен'дорин и Ген'дорин днями и ночами тренировались в скачке на колесницах, Эсо'бар и Мер'данар – в смычке и размыкании боевых фургонов и в охране лагеря, Рук'херт и Дет'мон – в том, как формировать стену щитов и отражать атаку конницы. Они спали вне родовых фургонов, ели не пойми что и появлялись лишь изредка – и ни один даже не улыбался, увидев ее. Воины, чтоб их хромая кобыла укусила!

Порой Кей'ле казалось, что исчезни она – и никто не заметит.

Из-за всего этого лазания по лесу и поисков проблем она проголодалась. Оторвала кусочек лепешки, откусила от ветчины – и сразу почувствовала себя глупо. Это так она пытается уплатить долг? Устраивая себе пикник и избегая работы? Она подняла голову и осмотрелась вокруг: заросли, папоротники, палая листва, дерево, рухнувшее Белая Кобыла знает когда. Здесь она оставит плед и еду. Если лишь звери и обрадуются этому, что ж, увы – лес не ее дом. Она не сумеет найти даже место, которое проводывала вчера, не говоря уже об отдельном человеке. Но по крайней мере она попыталась.

Кей'ла встала, положила плед и узелок с едой на бревно, миг-другой раздумывала, не крикнуть ли ей, чтобы дать понять, что она сделала. Однако тогда она предупредила бы об этом не только незнакомца, верно? Злые люди тоже могли ее услышать.

Она двинулась вниз, надеясь, что выйдет рядом с собственным лагерем и что никто ее не заметит.

Глава 4

Кеннет отдал приказ, чтобы Велергорф разбудил его, едва солнце окрасит небо, но, ведомый неким шестым чувством, открыл глаза сам, прежде чем десятник к нему явился. Впрочем татуированному сержанту случалось уже раз-другой посчитать, что солнце достаточно выкрасило небо, только когда оно вставало у них над головою, а потому Кеннет предпочитал полагаться на инстинкт.

Начало ночи было нормальным: поставить палатки для новичков, определить часовых. Шестая почти удвоила свою численность, а потому он позволил себе небольшую модификацию – две линии стражи, одна громкая, что ходила вокруг лагеря, перекрикиваясь в темноте, и вторая, притаившаяся. Если у Черного были сомнения насчет метода, каким рота охраняла окрестности, то теперь он должен остаться доволен. Если его разведчики сумеют за всем подсмотреть, после того что придумал для них Берф.

Кеннет взял первую тихую стражу, а после – лег спать. Кавер Монель был прав в одном – лейтенант вымотался, а ближайшие дни обещали оставаться не простыми.

Проснувшись, он минутку вслушивался в звуки снаружи куреня. Спал со своей десяткой, большинство ее составляли солдаты, с которыми он служил, еще будучи сержантом. Все дышали спокойно и глубоко. Однажды, уже после того, как его повысили, но до того, как он получил шестую роту, его бывший лейтенант поделился с ним жизненной мудростью. Если солдаты спят как убитые, то они либо смертельно измучены, либо доверяют своему командиру. Это спокойное дыхание на рассвете должно хорошо о нем говорить.

Он встал и вышел, и ни один из его людей даже глаза не открыл. «Похоже, Берф вчера их изрядно вымотал», – усмехнулся про себя Кеннет, полной грудью вдыхая ледяной воздух. Было холодно, в это время года еще случалось, что молодая трава под утро пряталась под инеем, а часовых выдавали облачка пара. Те, кто стоял в секрете, дышали через сложенную в несколько раз материю, зато остальных шестерых он заметил в несколько секунд. Они поприветствовали его, поднимая руки, и зашагали вокруг лагеря дальше, притопывая и размахивая руками. Из соседнего куреня вылез Велергорф, кивнул и спокойно отошел в сторону часовых.

Кеннет сам ввел запрет отдавать честь, в то время как рота ждала нападения. Это увеличивало его шанс на выживание, особенно когда он не носил плащ. Он подошел к стоящему у входа ведерку, пробил пальцем тонкий слой льда, сцепил зубы и быстро ополоснул лицо и шею. Ледяные капли, стекающие за ворот, прогнали остатки сонливости. Не вытираясь, Кеннет подождал Велергорфа.

– Солнце еще не окрасило небо, господин лейтенант.

– Как по мне, так оно стоит едва ли не в зените, Вархенн. Что с новичками?

– Не понимаю.

– Я вижу только старых: Жердь, Малаве, Серха...

– Они стояли, господин лейтенант, но так уж сложилось, что стража перед рассветом выпала нашим. Но двое в секрете – это новые.

– Кто?

– Тот Нур и еще один, Мийве Дирт зовется.

Кеннет прищурился.

– Фенло Нур, ты слышал что-нибудь о нем?

– Нет, господин лейтенант, но я знаю, отчего вы спрашиваете. Кандидат на бронзу.

– Возможно. Он держит восьмую сплоченной, если кто-то и знает правду, куда подевался их командир, – то только он. Но я не стану давить. И все же мне нужно поделить их на десятки и выбрать сержантов, да побыстрее, а то такой толпой не покомандуешь толком.

– Может, кто-то из наших их возьмет? Нескольким парням не помешало бы повышение.

Офицер вздернул брови.

– Как это мне не пришло в голову, – сказал он иронически. – Так кого ты отдашь из своей десятки? Кажется, Азгер – твой заместитель, а? Лишишься его? Ведь каждый хочет, чтобы в его отряде был хороший следопыт, верно? – Помолчав минутку, лейтенант глубоко вздохнул. – Нет, Вархенн, уж очень они норовисты. Если назначу им десятников не из их круга – это все равно, как если бы сказал, что не доверяю им и что они ничего не стоят. Пойдешь тогда с ними в патруль?

Он улыбнулся, увидев физиономию десятника.

– Буди их и готовь визит к Черному. Хочу, чтобы ты пошел со мной.

– Он еще нас не вызывал.

Кеннет махнул рукою в сторону замка.

– Спорим, что, едва отворят ворота, из них выедет гонец?

– Спасибо, господин лейтенант, я вчера проиграл Берфу большую часть месячного жалованья.

Офицер глянул на него, прищурившись:

– И на что вы спорили?

– Что вы не успеете получить вещи до того, как склад закроется.

– То есть на то, что я не решусь заедаться с Квартирмейстерством? Мне жаль, десятник. – Кеннет похлопал себя по заросшей щеке. – Этот цвет обязывает.

Велергорф кисло улыбнулся и отправился к курениям. Кеннет открыл дверь в свой, подпер его деревянным чурбачком:

– Подъем!

* * *

Гонец прибыл через два часа после восхода солнца, хотя и не такой, какого они ждали.

Из леса начали выходить стражники, все в плащах с собачьей головой, перечеркнутой черным крестом. Не застали их врасплох, поскольку, пожалуй, и не имели такого намерения, шумя по дороге, словно стадо коров. Кеннет лишь искоса взглянул на две черные единицы – первая рота Первого полка, личный отряд командующего Восточным Соединением.

Лейтенант прервал чистку кольчуги и встал, внимательно глядя на прибывших. Вся сотня, все вооружены, и хотя пока что держали руки подальше от мечей и топоров, то, как они окружили их курени, не обещало ничего хорошего. Кеннет осмотрелся, поскольку, как он знал, рота не отходила от Черного дальше чем на двести шагов. Увидел его через несколько мгновений: генеральская синева на плаще была настолько выгоревшей, что едва отличалась от цвета материи.

Уголком глаза Кеннет заметил, как шестая вскакивает на ноги. Отдал честь.

Кавер Монель подошел к нему спокойно, широким шагом, совершенно игнорируя остальных солдат. Осмотрел его, ответил на приветствие.

– Как новые солдаты, лейтенант?

– Ночью справились хорошо, господин генерал. – Кеннет не намеревался вставать по стойке вольно, пока не раздастся такой приказ, а потому теперь неподвижно всматривался в пространство в нескольких дюймах над левым плечом Черного.

– Я слышал, что вы получили на них оружие и вещи.

– Так точно, господин генерал.

– Что же до жалобы...

– Я не стану жаловаться, господин генерал.

Где-то в стороне кто-то втянул воздух, кто-то другой внезапно закашлялся. Стало тихо.

– Не станете жаловаться, господин лейтенант?

Кеннет не знал, что удивляет его больше: то, что Кавер Монель шепчет, или то, что этот шепот, а особенно выдавленное сквозь зубы «жаловаться», слышен по всем окрестностям.

– Конечно, господин генерал. Я благодарен Квартирмейстерству за помощь в экипировке роты. Я также уверен, что это был такой тест, поскольку офицер Стражи не может не знать ее устава...

– Устав Восточного Соединения гласит, что склады закрываются за час перед закатом.

– Конечно, господин генерал. Разве мы нарушили срок? – На этот раз Черный втянул воздух сквозь зубы, и Кеннет почувствовал, что нужно торопиться, пока он не сверзился в пропасть, быстро добавил: – Как я уже говорил, лейтенант... Гевсун наверняка помнил, что, согласно уставу Горной Стражи, каждый отряд, выступающий на битву, должен быть обеспечен экипировкой в максимально короткий срок, невзирая на обстоятельства. И то, как они это решили, позволяет мне говорить, что я получил хороших солдат, господин генерал.

Кавер Монель выдохнул и некоторое время молчал.

– Мне было интересно, как ты это разыграешь, парень, – сказал наконец генерал. – Очень интересно. Уже приказал расчистить побольше места на конюшне и приготовить для тебя камеру. Значит, ты полагаешь, что выходил на бой?

Лейтенант наконец взглянул командующему в лицо.

– А разве мы не сидим здесь, на местности, где кто-то убивает людей?

В глазах Черного мелькнула искра веселья.

– Да. Именно что так. Хуже всего, что арестуй я тебя и поставь перед судом – эту линию защиты никто не сумел бы разрушить. Отряд выходит из крепости, ожидая сражения, стало быть, солдатам следовало получить свои вещи так быстро, как только сумеют. Согласно уставу. А ты даже спросил лейтенанта Гевсуна, не существует ли возможность продлить для вас время получения вещей, верно? Он сам признался. Да встань ты наконец вольно.

Кеннет несколько расслабился:

– Я рад, что он говорит правду.

Генерал улыбнулся. Чуть-чуть, но все же.

– Да. Всю правду. Остается еще проблема угроз.

– Угроз, господин генерал?

– Лейтенант Гевсун утверждает, что за отсутствие чернил ты пригрозил чем-то, что вы делаете в Белендене.

– А-а-а... Это странно, господин генерал... В Белендене мы просто подписываем документы позже.

Черный прикрыл глаза, заиграл желваками. Выдохнул.

– Ладно... Гевсун – хороший офицер, разбирается в счетах и всяком таком... Но ты... нынче Квартирмейстерство станет искать повод, чтобы отыграться. Твои люди наверняка не будут отдавать честь офицерам, или у них окажутся неначищенные доспехи. Не говоря уже о том, что в ваших рационах появятся заплесневевшие сухари и несвежая солонина. Я не хочу конфликтов между моими Ублюдками и отрядами из пополнений, тем более что весть о вашем поступке уже разошлась и другие роты из новых могут взять с шестой пример.

– Так, может, просто убрать занозу, пока она не нагноилась?

Черный окинул его взглядом с головы до пят.

– Младший полковник Ленван Омнел служит со мной уже пятнадцать лет. А начинал он с простого стражника. Мы больше не будем о нем говорить, вы поняли, лейтенант?

– Так точно!

– Хорошо. У меня для вас другие приказы. Вчера делегация Фургонщиков попросила меня об услуге. Совершенно случайно мы открыли путь, ведущий из этой долины на восток, прямоком на Лиферанское плоскогорье. Верданно хотели бы узнать этот путь, ведь плоскогорье – их родина, и у некоторых вроде бы остались там родственники. Вы получите карты

и проведете их до подножия Олекад. Понятное дело, дорога лишь частично проходима для фургонов, но ногами по ней пройти удастся, а, как я слышал, Фургонщики верхом не ездят, а значит, они приличные пешеходы. Справятся.

Кеннет молчал, внимательно разглядывая лицо командующего. Ждал знака, иронической улыбки, подмигивания, следа веселости в голосе. Случайно нашли путь через горы и случайно сорок тысяч фургонов – из которых пятая часть суть тяжелые боевые повозки – заглянули в долину. И совершенно случайно верданно узнали об этом пути и решили проведать давно не навещаемых родственников.

Как видно, мысли эти отобразились на его лице, поскольку Черный Капитан наконец улыбнулся и добавил:

– И помните, лейтенант, в истории шестой роты и слова не появится о том, что ее командир решил утереть нос квартирмейстеру и разнес половину склада, – только рассказ о находчивости новых солдат. Точно так же и в истории империи не будет и слова о тайных переговорах с верданно и о помощи, им оказанной, зато найдется место для упоминания о бунте, который подняли неблагодарные варвары и который немногочисленные силы Горной Стражи не смогли подавить. Потому что нас во всех Олекадах – лишь четыре тысячи, а их, по крайней мере, в сорок раз больше. На самом деле историю создают те, кто записывает ее на пергаменте. С этим, кстати, связан и еще один приказ... Если бы Фургонщики захотели – как бы это сказать... – применить силу, чтобы вырваться из гор, вы уступите и вернетесь в Кехлорен, чтобы написать рапорт. Понятно?

– Так точно. Но, – Кеннет заколебался, – но если кто-то на них нападет? Так, как на тех несчастных в башне?

– Я предупреждал вождей верданно, но, кажется, они не поверили. Теперь это их дело. Что-то еще?

– Снаряжение на этот поход? У меня еды всего лишь на несколько дней, господин генерал. У нас нет веревок и крюков для скал, нет палаток на всех людей.

– Вербки и крюки скорее не понадобятся, а буде возникнет такая необходимость, получите их от Фургонщиков. Они же станут вас кормить, а если вы постараетесь – то довольно неплохо. Да и без палаток вы вполне справитесь. Что-то еще?

– Когда выступаем?

– Разумеется, немедленно. Встретитесь с вождями ближайшего лагеря уже сегодня и завтра покажете им начало пути.

Кавер Монгель отвернулся и кивнул одному из своих сержантов. Через миг подал Кеннету кожаный тубус.

– Лейтенант, мне, разумеется, нет нужды упоминать, что карты – ценны. Показывают путь через горы, который не должен стать известен первому встречному. Карты должны ко мне вернуться. Если же обстоятельства этого не позволят – уничтожьте их. Понятно?

– Так точно, господин генерал.

– Хорошо. – Черный Капитан неожиданно состроил озабоченную физиономию. – Еще одно. Несколько моих разведчиков прошлой ночью столкнулись со странными проблемами. У них чешущиеся пятна на животах, груди, коленях и ладонях. У некоторых – и на лице. Не было ли подобных случаев в шестой?

Кеннет сунул карты под мышку, демонстративно почесал голову.

– Не слышал, но один из моих десятников имеет немалый опыт в лечении. Берф!

Сержант быстренько подбежал, отдал честь. С непроницаемым лицом выслушал описание симптомов.

– Выглядит как раздражение от волкомолочая, господин генерал.

– Волкомолочай растет исключительно поздней весной и может раздражать, только когда пускает сок, десятник. – Командующий Горной Стражи смотрел на Берфа с каменным лицом. – Маловероятно, чтобы они наткнулись на это растение.

– Ничего другого мне в голову не приходит, господин генерал. Два-три визита в баню должны помочь. Или в парилку, пот помогает очистить кожу от яда. Ну и, понятное дело, им придется выстирать вещи, в которых они лежали на земле, – просто на всякий случай.

– Понимаю. Передам им этот совет, десятник. – Черный кивнул, не спуская с Берфа глаз. – Они были неосторожны, верно? Использовали одни и те же места для наблюдения?

Ни один из них даже слова не сказал. Генерал подождал миг-другой, потом взмахнул рукою.

– В полдень вы должны встретиться с вождями. Они могут показаться вам дикарями, которые не умеют строить нормальные дома, но большинство из них сражались с кочевниками, когда вы еще мочились под себя. И се-кохландийцы не говорят о той войне как о легкой победе. Помните об этом, лейтенант. Они идут на бой с ненавистным врагом, а потому лучше не относиться к ним легкомысленно. Отчего вы улыбаетесь?

Кеннет мысленно выругался, поскольку старый сукин сын замечал каждую гримасу.

– Последнюю ночь я провел на нарах в курене, откуда нам сперва пришлось вымести овечьи катышки, господин генерал. Я не стану относиться легкомысленно к людям, у которых есть нормальные дома, тем более что те стоят на колесах и их можно забрать куда понадобится. Спроси кто меня, я бы сказал, что это довольно ловко, а вовсе не глупо. Но у меня еще одна просьба.

– Слушаю?

– Мне нужно четыре сержантских патента. Десятки должны стать полноценными.

– Новые или старые?

– Новые, господин генерал.

Черный прищурился, скривился.

– Наверняка в этом есть смысл, вот только они, – он махнул рукою в сторону палаток, – позавчера сидели на конюшне, вчера разгромили половину склада, а сегодня должны получить повышение? О таком станут говорить во всех горах. Потому я предлагаю звания четырех младших десятников на время выполнения задания. После вашего возвращения – признание полных званий по представлению командира роты. Коричневого с черным пока что должно хватить. Что-то еще?

Кеннет и сам собирался просить именно об этом, а потому лишь отдал честь.

– Это все, господин генерал.

– Ага. И помни, парень. Три слова.

– Понимаю, господин генерал.

Кавер Монель отсалютовал, повернулся и зашагал в сторону леса. Его первая рота явно расслабилась, из глаз солдат исчезло напряжение, ладони перестали нервно постукивать по поясам вблизи оружия.

– Они действительно полагали, что придется применять силу, господин лейтенант. – Велергорф вырос откуда-то сбоку. – И чем мы заслужили такое?

– Понятия не имею, Вархенн, ни малейшего. – Кеннет пожал плечами. – Берф, есть ли где вблизи место, которого мне стоило бы избегать? Например, растолченные корни волкомолочая?

– Мы нашли несколько таких корней, господин лейтенант. Выглядело так, словно кто-то их растолок и замочил в воде, чтобы они пустили сок. Но мы уже закопали их ради безопасности.

– Хорошая работа, десятник, безопасность прежде всего. Вархенн, собери новичков. Хочу увидеть, как у них с вышиванием номеров роты.

Через пару минут стоял перед бывшими Конюхами. Тридцать четыре человека, все в плащах с новыми номерами, вышитыми слева на груди. Кеннет посчитал, что нескольким из них не помешало бы пройти курс пользования иглой и ниткой.

– К нам приходил генерал, как вы наверняка заметили. Мы получили новые приказы, и вы, по крайней мере, не возвращаетесь в конюшни. Третья десятка из восьмой – шаг вперед!

Никто даже не пошевелился. Кеннет прикрыл глаза, скрежетнув зубами.

– Бывшая третья десятка из восьмой, выйти из строя!

Десять солдат выступили вперед.

– Хорошо. С этого момента вы – пятая десятка из шестой. Остальным встать в три шеренги.

Двадцать пять солдат засуетились, а через миг-другой три шеренги стояли одна за другой. Восемь, восемь, девять. Кеннет кивнул.

– Шестая, седьмая и восьмая десятки. Так, как стоите. – Лейтенант прошелся перед первой шеренгой. – Ты.

Перед второй.

– Ты.

Перед третьей.

– И ты. За мной.

Вскоре он стоял чуть в стороне с тремя стражниками.

– Имя и фамилия, – обратился Кеннет к первому, худому как жердь мужику в кожаном шлеме и кожаном панцире, утыканном железными набойками.

– Цервес Фенл, господин лейтенант.

У второго было лицо человека, ставшего ветераном уже в те времена, когда кочевники напали на империю. Носил он легкую кольчугу и – что сразу бросалось в глаза – лук. Подобное оружие было редкостью в Горной Страже, но потрепанная кожаная перчатка говорила о том, что солдат умеет им пользоваться.

– Версен-хон-Лавонс, господин лейтенант.

– Омнэ Венк, господин лейтенант, – не стал ждать приглашения последний. Была у него обычная кольчуга, стандартный шлем и меч. Добавь ему щит – и можно принять за простого пехотинца. Стоя перед командиром, он нервно переступал с ноги на ногу и почесывал светлую бороду. Кеннет миг-другой раздумывал, не ошибся ли он в выборе.

– Теперь вы – младшие десятники, – сказал он наконец. – Так, как и стояли, – в шестой, седьмой и восьмой десятке. Прежде чем мы выйдем из лагеря, я хочу видеть черное с коричневым на краях ваших плащей.

Версен-хон-Лавонс поднял руку.

– Слушаю, младший десятник?

– Отчего мы?

– В ваших документах не было ничего о понижении звания, но на плащах у вас – свежая белизна. А значит, либо вам трем срезали канву, либо вы когда-то уже командовали десятками.

Он глянул в глаза лучнику – серые, скрытые под седыми бровями и спокойные.

– Однако если нас понизили в звании, то стоит ли рисковать, господин лейтенант?

– Не знаю. – Кеннет в последний момент сдержался от легкомысленного пожатия плечами. – Но мне нужны сержанты. Даже те из них, кому придется оттолкнуться ото дна. Что-то еще?

«Проклятие, я начинаю говорить как Черный».

– Нет, господин лейтенант.

– Хорошо, собирайте десятки и готовьте людей к выходу. У нас где-то пара часов на упаковку, и лучше ничего не забывать – мне что-то подсказывает: сюда мы больше не вернемся. Разойтись.

Посмотрел, как они уходят, и двинулся в ту сторону, где все еще по стойке смирно стояла его новая пятая десятка. Улыбнулся поощрительно:

– Вольно!

Шеренга расслабилась. Кеннет повел взглядом по стражникам, пытаясь наложить вычитанные в документах имена на конкретные лица. С минимальным результатом. Через несколько дней он будет их узнавать, пока же они оставались лишь шеренгой воинов, пытающихся избежать его взгляда.

За единственным исключением.

– Фенло Нур. – Он улыбнулся еще шире. – Кто-то должен был подбить остальных на эту шутку с номером, верно? Но мне не нужны шутники, когда мы идем на задание. Что бы ты сказал о переводе в другую десятку?

Стиснутые кулаки, губы – узкая полоса.

– Понимаю. Ты можешь держать этих солдат, они тебя слушаются, и ты, похоже, стал их голосом. Обшей себе плащ черным и коричневым. Отныне ты младший десятник.

Ох, Бычьи Рога, весело было увидеть этого человека удивленно моргающим.

– Через два часа мы встречаемся с вождами верданно. Приступать!

* * *

Встреча была запланирована на обочине, на небольшой полянке, куда вела единственная дорога, а Кеннет – увидав несколько фургонов, поставленных в защитный круг, – лишь кивнул. Верданно, казалось, обладали пунктиком насчет боевых фургонов и ставили их так, словно в любой момент ждали нападения.

Велергорф был того же мнения.

– Это, похоже, в их головах.

– Что?

– Необходимость... желание окружать пространство, отхватывать его для себя, господин лейтенант. Я осматривал их лагеря, те, большие. Только внутри, за стеной из фургонов, они выпускают детей играть, только там женщины ходят поодиночке, а мужчины – без оружия. Не считая их ножей, конечно же. Едва они покидают лагерь, как сразу сбиваются в кучу либо вооружаются. Что ты об этом думаешь, младший десятник?

Фенло Нур лишь скривил широкое лицо.

– Это не мое дело, – пробормотал он. – Меня больше интересуют те, что в кустах.

Кеннет слегка ухмыльнулся. Получается, хорошо его оценил. Нур был следопытом и разведчиком, от которого мало что могло укрыться.

– Сколько?

– Человек пятнадцать – двадцать, там и там. – Он кивнул в сторону стены деревьев. – Не слишком хороши, но – стараются. Идем?

Кеннет даже не шевельнулся.

– Я не расслышал твой вопрос, младший десятник.

– Э-э-э... идемте, господин лейтенант?

– Сейчас, пусть сперва дадут знак, что они нас заметили.

Знак дали: между фургонов показался высокий, смуглый и темноволосый мужчина. Верданно в каждом дюйме. Кеннет уже насмотрелся на Фургонщиков, но издалека и не мог не признать, что вблизи зрелище оказалось куда более импонирующим. Более шести футов ростом, сукин сын был крупнее даже Велергорфа, а шириной плеч не уступал Нуру. Темное лицо, черные глаза, два шрама на щеке, внимательный хмурый взгляд, мощные ладони. Кому-то такому уступаешь дорогу на улице совершенно без раздумий. Ну и одежда: кожаные штаны, кожаная жилетка, широкий пояс. Ничего кроме. Похоже, холод не производил на него впечатления.

– Анд’эверс Калевенх, – представился он коротко, и было не понять, охрип ли он или это такой у него голос. – *Эн’лейд* лагеря Нев’харр.

– Лейтенант Кеннет-лив-Даравит, шестая рота Шестого полка из Белендена, мои сержанты, десятник Вархен Велергорф и младший десятник Фенло Нур.

Фургонщик окинул их внимательным взглядом, а Кеннет почувствовал себя ровно так же, как в первый раз встав перед Черным Капитаном. Взвешенным и оцененным.

– Где остальные? – Фургонщик снова захрипел, должно быть, говорил так всегда.

– Там и сям, вокруг этой милой полянки. Нет нужды им стоять у нас над душой.

Темный взгляд обвел стену деревьев, потом Анд’эверс сделал какой-то неясный жест.

– Хорошо, – прохрипел он, отворачиваясь. – Мы тоже присматриваем. Пойдемте.

Похоже, он не принадлежал к разговорчивым: дорогу к фургонам они одолели в молчании. Велергорф чуть подтолкнул лейтенанта и показал взглядом на нож, торчавший у мужчины за поясом. Судя по форме ножен, в клинке было как минимум двенадцать дюймов, он расширился кверху и загибался вперед. *Кавайо*, опознавательный знак всех мужчин-Фургонщиков. Они впервые видели такой нож настолько близко, и следовало признать, что оружие производило впечатление.

Посредине лагеря был разведен небольшой костерок, над которым булькал закопченный котелок. Велергорф потянул носом и кивнул.

– Хорошая говядина.

Проходя между фургонами, их проводник забарабанил кулаком по борту ближайшего.

Появились еще трое мужчин и одна женщина. Все высокие, загорелые, черноволосые. Можно их было принять за родственников *эн’лейда*.

Кеннет задержался и смотрел, как они выходят из фургона. Двое мужчин, подобно Анд’эверсу, носили кожаные жилетки и штаны, а еще короткие, блестящие от жира косицы, а вот последние двое отличались как возрастом – оба, и мужчина, и женщина, выглядели как минимум вдвое старше остальных, – так и одеждой. Были на них длинные, бесформенные черные одеяния, украшенные множеством перьев, кусочков костей, камешков и ракушек. Увидав это, Фенло Нур скривился, но благоразумно не стал комментировать.

– Садитесь, – их проводник указал на несколько разбросанных вокруг матов. – Вот так.

И уселся, подгибая ноги. Стражники сделали так же, потом к ним присоединились и остальные. Несколько ударов сердца царила неловкая тишина.

Мощный верданно шевельнулся первым, приняв на себя обязательства хозяина.

– Это Эмн’клевес Вергореф, *боутану* лагеря Нев’харр. – Тот из Фургонщиков, что потолще, чуть поклонился, блеснул улыбкой. – Дальше Аве’аверох Мантор, *ламерей* Трех Волн, а еще Хас и Орнэ.

Самый худой из мужчин, с лицом, исчерканным шрамами, и с грозовой тучей во взгляде, и двое, одетые в черное, с племенными украшениями, также кивнули. Кеннет ответил им поклоном, заметив, что насколько вид всех верданно говорит об общности их происхождения, настолько же старшие мужчина и женщина выглядят так, словно связывало их – как говорили на Севере – единое лоно.

– Да. – Мужчина уловил и должным образом истолковал его взгляд. – Мы родственники. Близнецы.

– Достаточно. – Анд’эверс энергично хлопнул в ладоши. – Прежде чем мы начнем говорить, давайте поедим.

Из одного из фургонов вышли три девушки. Двое подростков, одна – явно моложе остальных. Молча приблизились к сидящим, раздали и наполнили глубокие деревянные миски. Самая младшая разделила овсяные лепешки, после чего все трое поклонились и вернулись в фургон. Четверть часа слышалось лишь чавканье, прихлебывание да скрежет ложек по дну. Чавканьем и прихлебыванием особенно выделялся одетый в черное мужчина, и казалось, теми

звуками он решил распугать всех животных в округе. Кеннет улыбнулся про себя, перехватив его взгляд, – это была игра, проверка, как солдаты империи отреагируют на подобную демонстрацию простоты и варварства. Ну что ж, ежели кому доводилось частенько есть в компании стражников, больше похожих на разбойников, так что ему до отсутствия хороших манер, верно? Лейтенант громко чавкнул и отрыгнул бесцеремонно, чуть прикрыв рот. Наградой была широкая, искренняя усмешка.

Гуляш подъели, хозяин хлопнул в ладоши, девушки вышли из повозки, забрали посуду и исчезли вновь.

– Вы знаете дорогу на плоскогорье? – начал тот, что имел самую большую коллекцию шрамов, Аве'как-то-там.

Похоже, теперь, когда требования гостеприимства оказались исполнены, они сразу переходили к делу. Лейтенант оглядел – одно за другим – лица и темные глаза. Тут-то и было все, что касалось «проведывания» родственников: в глазах их, спокойных, решительных, опасных, тлело обещание войны. И немного равнодушных – люди эти уже приняли решение, и не могло идти и речи, чтобы они отказались от своих планов.

– Пожалуй, – ответил он правду, а буря, которую Кеннет увидел во взгляде мужчины, лишь разгорелась.

– Пожалуй? – В этом вопросе было все вместе со скрежетом клинка об оковку ножен.

– Мы получили карты, планы и заметки, но не ходили тем маршрутом сами. Сделал это другой отряд.

– Так отчего бы тому, другому, отряду нас не сопроводить?

– Потому что это – Ублюдки Черного, а он решил, что для этого задания хватит и нас. Собственные отряды он предпочитает держать под рукою.

Не было смысла пересказывать суть конфликта с Квартирмейстерством.

– И мы должны полагать...

– Эти карты достаточно подробны?

Вопрос задал хозяин, и этого, похоже, хватило, чтобы прикрыть рот тому, самому сердитому.

– Стража заботится о том, чтобы карты оставались самыми лучшими. В горах от этого зависит жизнь. Они подробны.

– Фургон пройдет?

– Согласно обозначенному – большую часть. Довольно долго путь тянется старыми дорогами в сторону Авнморта. Это маленький замок, еще лет тридцать назад – база Стражи. Потом его покинули, поскольку ремонт выходил слишком дорогим, а в тех местах нет смысла держать постоянный гарнизон. Порой мы еще им пользуемся, а дорога, хотя ею нечасто ездят, в неплохом состоянии...

Кеннет прервал себя, поскольку, по мере того как он говорил, верданно склонялись вперед, стискивали кулаки, привставали. Похоже, информация эта была для них на вес золота.

– Тут стоит специально оговорить кое-что, – он взглянул в глаза Анд'эверсу, – отсюда, от этого места, до Лиферанского плоскогорья, будь мы птицей, каких-то сорок, может, сорок пять миль. Но дорога петляет между горами, поворачивает то на север, то на юг, а какое-то время, согласно карте, придется идти даже на запад. Полагаю, что путь до Авнморта как раз прост, а вот затем начнутся проблемы. В одном месте надлежит перебросить мост над ущельем, согласно пометкам – шириной футов в восемьдесят. В другом – проход в скалах сужается до двух ярдов, фургон не пройдет без изрядной работы каменщиков. Будет еще какое-то число деревьев под корчевку, разве что захотите объезжать изрядный кусок леса, что удлинит дорогу миль на десять. Так или иначе, но это не пикник на один день.

Фургонщик кивал на каждое его слово и, казалось, мысленно делал какие-то пометки. Спокойствие и решительность ни на миг не исчезали из его взгляда.

– А в конце? – прохрипел он. – Как выглядит выезд на плоскогорье?

Кеннет склонился, вынул из пригасающего костерка обгоревшую палочку и начал рисовать на земле:

– Это – восточная стена Олекад, – он сделал горизонтальную черту. – Каменная стена, высотой в милю, безо всяких перевалов или перемычек. Только в одном месте там есть скальный хребт длиной в полмили, чуть сворачивающий к югу...

Он обозначил его экономным движением.

– Путь, который мы должны вам показать, заканчивается как раз у подножия этого хребта, длинная – в несколько десятков ярдов – щель в скале ведет прямо туда, где-то в трехстах ярдах над землею. Эта щель – самая узкая часть во всем пути, в одном месте в ней едва три фута, да и сам выход из скал неплохо укрыт. Потом – только полумильный съезд вниз по скальному хребту – и вы дома.

Они вздрогнули при этом слове, будто на спину их капнула горящая смола. Кеннет кивнул, меряясь взглядом с Анд'эверсом.

– Сколько фургонов вы желаете туда перебросить?

У верданно лицо сделалось словно каменным, потом он двинул челюстью, засопел, поиграл желваками:

– Все.

Не было никаких полузадушенных охов, возмущенных взглядов, и лишь сидящая с ними женщина исполнила нечто вроде жеста одобрения, поскольку искренне при этом улыбнулась.

– Конечно, вы говорите нам это потому, что мы бы и сами догадались, я прав?

Фенло Нур. Коренастый сержант не знал, когда стоит хранить молчание.

– Конечно. – Хас широко улыбнулся. – Зато ты хорош, когда нужно хранить тайну, верно?

Кеннет заметил, как каменеет Нур. От кончиков пальцев до глаз, которые внезапно утратили свою выразительность.

– Младший десятник... – произнес лейтенант настолько спокойно, насколько сумел.

Нур отвел взгляд от старика и посмотрел на командира. Нужно признаться, что Кеннет не ожидал увидеть на его лице нечто вроде растерянности и паники.

– Младший десятник, – повторил он снова. – Если снова подашь голос неспрошенным, лично перенесешь все эти фургоны на спине, понятно?

Нур снова заморгал – и снова стал тем самым солдатом, которого Кеннет вчера увидел в конюшне: циничным и злобным, с приклеенной к губам ухмылочкой, которая аж вопила о рапорте насчет непочтительного поведения.

– Тк тчно, гспдин лейтнт, – процедил Нур, глотая гласные.

Кеннет вздохнул:

– Так-то лучше, солдат. Конечно же, если твои проблемы с речью продолжатся, придется тебе вернуться в конюшню. Не могу позволить себе, чтобы моей десяткой командовал кто-то, у кого проблемы с произношением.

Гримаса сделалась отчетливой, но на этот раз «так точно» прозвучало громко и отчетливо.

Лейтенант повернулся к Фургонщикам, которые наблюдали за сценой с явным интересом.

– Когда вы хотите выдвинуться?

– Завтра. – Анд'эверс задумчиво поскреб щеку. – Лучше всего на рассвете.

– Ну, если говорить о начале пути, то никаких проблем быть не должно. До Авнморта – каких-то восемнадцать миль, то есть первые фургоны должны добраться туда вечером. Но по дороге нет ни одного места для того, чтобы встать лагерем. Впрочем, и по всему пути таких мест почти нету. Также нет возможности фургону развернуться или оттянуть его в сторону, если тот, например, потеряет колесо или сломается ось. Чаще всего вы будете двигаться цепоч-

кой, без возможности маневра. На этих отрезках не получится распрягать животных и отводить их в сторону, а кроме того, почти на всей протяженности нет водопоев и пастбищ, все – от запасов корма до воды – вам придется везти фургонами. Первое серьезное препятствие, то ущелье, о котором я вспоминал, в пяти милях за замком. Как вы намереваетесь его преодолеть?

– Построим мост.

– А материалы? Камни, раствор, кирпичи?

Внезапно все, даже тот, мрачный, рассмеялись.

– Меекханцы, – Хас казался всерьез развеселенным. – Когда-нибудь вы попытаетесь и корабли выстроить из камня и кирпича. Или из железа. Но, поскольку вы будете нашими проводниками, мы вам покажем, как надлежит делать это в пути.

Когда он закончил говорить – уже не смеялся. Глаза его были жесткими и холодными.

– А теперь расскажи нам еще о том, что происходит в окрестностях и отчего нам должно держать часовых днем и ночью.

* * *

Фургон, которым они намеревались добраться до графа, не отличался размерами, но упряжка в нем была прекрасной, свидетельствуя о богатстве владельца. И обстановка внутри соответствовала упряжке роскошью. Экзотические разновидности дерева мешались с шелком, батистом и атласом. Две мягкие софы, столик красного дерева, шерсть ручного тканья на стенах, резные шкафчики с хрустальными стеклами, отдельная спальня.

Бесара оглядела все это и ограничилась единственным комментарием:

– Не слишком кричаще, но многовато лошадиных мотивов.

Потому что внутри кони были везде, мчались по шерсти гобеленов, паслись на обивках соф, даже ножки столика выполнены были как четыре вытянувшихся в полете конских силуэта. Похоже, кто-то обладал монотематическим вкусом.

Ничего странного, это ведь был фургон верданно. Софы, если не принимать во внимание их излишнюю мягкость, каркас имели плетеный и жестко прикреплялись к полу, как и столик; фарфоровая посуда в шкафчиках покоилась в специальных, переложенных шерстью перегородках, а маленькие масляные лампы были прикрыты стеклянными колпаками, должны оберегать фургон от случайной искры. Кровать в спальне была увеличенной версией кровати, которые Кайлеан знала по фургонам своей второй семьи.

– И все же, – Бесара казалась слегка разочарованной, – я надеялась на нечто большее.

– На монстра длиной в пятьдесят футов и шириной в двадцать, у которого внутри несколько комнат и отдельная кухня? – покивала Кайлеан. – Я когда-то тоже надеялась на нечто подобное. Но караван может ехать лишь со скоростью его самого медленного фургона, а такое чудовище вообще не сдвинулось бы с места. У верданно была тысяча лет, чтобы отыскать наилучший размер, и это – именно он. Ваше высочество.

Она указала Дагене место на софе, сама скромно встала рядом.

– Хорошо, – старшая женщина окинула ее взглядом. – Будь мне нужны модели для картины «Дикая княжна и ее учительница», вы подошли бы идеально. И так вам следует выглядеть все время. Самое важное должно находиться у вас в головах, – она постучала себя пальцем по виску. – Вам необходимо постоянно думать о себе как о фургонщицкой аристократке и бедной девушке, что пытается заработать на приданое. И одновременно вы должны помнить, зачем вы туда едете. Мы не знаем, отчего большинство убийств происходит рядом с землями графа, но, если сам граф в этом замешан, в замке вам будет постоянно угрожать опасность. Но это дело уже вышло за рамки локального, и потому вам придется узнать там все, что вы только сумеете.

Посмотрела им в глаза. Долго и внимательно.

– Вы из чаардана Ласкольника, а потому понимаете, что такое опасность. Тем более что... если те сплетня-другая, что я слыхала, правда, то в вас есть нечто большее. Да, ваше высочество, я не забыла тот браслет, которым ты тыкала мне в лицо во время первого нашего знакомства и от взгляда на который у меня до сих пор горько на языке. – Бесара слегка улыбнулась. – Я также заметила, что ты втайне упаковала несколько безделушек, о которых мне не следовало бы узнать. Но помните, что оружие это – о двух концах. Можно настаивать, что при тебе лишь варварские племенные амулеты, которых полно на Востоке. И не смотри на меня таким равнодушным взглядом – это словно признание вины. В замке графа нет ни одного чародея, по крайней мере ни одного настоящего Мастера, но вы все равно поосторожней со своими талантами. Местное дворянство считает Великий Кодекс стержнем империи, и хотя вреда вам может и не причинить, особенно княжне Гее'нере из рода Френвелсов, но такие вещи они могут посчитать оскорблением и чудесным поводом для того, чтобы вышвырнуть вас из замка.

Она поколебалась, потом пожала плечами.

– Я не умею прощаться и, если мне позволить, могу болтать до самого вечера, а потому полагаю, что лучше всего мне уйти. Увидимся через несколько дней.

И вышла из фургона.

Кайлеан тотчас свалилась на вторую софу. Вытянулась поудобней, распрямляя ноги.

– У-у-ух... Проклятие, о нас скоро начнут песенки сочинять. Чаардан Ласкольника, банда чудаков, заслуживающих петли.

– Чаардана уже нет, помни об этом, Инра. С Фургонщиками отправились лишь несколько его членов, которым понадобились деньги, – вот они и продали свои сабли, поскольку даже верданно пригодятся несколько всадников. Кошкодур, Лея, Нияр, Йанне, Верия или Файлен нынче – всего лишь обычные рубаки. Хотя я и предпочла бы, чтобы они находились рядом.

– Я тоже. Твои духи что-то рассказали?

Дагена фыркнула.

– Полагаешь, это свора гончих, которые поднимают след и ведут меня к добыче? А если говорить о псах...

– Нет, тоже нет. Крутится где-то неподалеку, но я его не вызывала. Найди он нечто понастоящему странное, наверняка бы пришел сам.

– Вопрос в другом: что такое «странное» для пса-призрака.

Они улыбнулись, и в этот момент кто-то постучал в дверь.

Моментально обе сидели ровно.

– Войдите. – Дагена приняла на себя роль хозяйки.

Мужчина, вставший в дверях, заполнил их целиком. Его кольчуга и шлем выглядели так, словно побывали не под одним ударом, но блестели, тщательно начищенные, равно как и оковка ножен меча и стальной герб Горной Стражи. Тот перечеркивал черный крест.

– Капитан Гвенре Кохр. Третья рота Первого полка Горной Стражи, – представился он с поклоном. – Мы будем иметь честь сопровождать вас, ваше высочество.

– Тогда мы можем чувствовать себя в безопасности, верно, Инра?

– Конечно, княжна.

– Когда мы намереваемся добраться до места, капитан?

Офицер отвел взгляд от убранства фургона.

– Примерно к вечеру, ваше высочество. Это каких-то двадцать миль, но дорога в хорошем состоянии, мы проверяли. Если кони справятся, мы можем успеть до ужина.

– Если кони справятся?

– Это горы, не равнина, им придется одолеть несколько подъемов и спусков. Если они устанут, понадобится отдых.

Даг надула губки.

– Кони справятся, капитан. А вот если ваши солдаты устанут – прошу подать мне знак, встанем на отдых.

Стражник взглянул на нее без выражения.

– Конечно. Через минуту отправляемся, – он поклонился и вышел.

Минуту они сидели молча.

– Ну вот, – покивала Кайлеан. – Ты вела себя словно настоящая фургонщицкая княжна. Воткнула в него шпильку, потому что он плохо высказался о твоих конях.

– Не потому.

Она приподняла брови.

– О? А почему, ваше высочество?

– Потому что я нарядилась в шмотки, каких у меня в жизни никогда не бывало, полдня делала прическу и красилась, а он тарашился здесь на стены.

Кайлеан лишь улыбнулась.

А потом фургон скрипнул и неторопливо двинулся вперед. Они переглянулись со всей серьезностью. Теперь уже возврата не было. Ехали в змеиное гнездо.

* * *

Дорога прошла без проблем, с одним лишь коротким отдыхом, чтобы напоить животных и что-нибудь перекусить. Обе девушки использовали монотонное путешествие, чтобы выспаться за предыдущие ночи, а впрочем, более им заняться было просто нечем; Кайлеан показала еще Даг несколько верданнских жестов из низкого языка, а потом они расположились на софах и уснули. Прежде чем солнце спряталось за хребты, они добрались до имения графа Цивраса-дер-Малега. Дагена попросила капитана, чтобы они немного задержались перед замком. Строение это, хотя и присевшее на вершине горы, вцепившись стеною в скалы и бодая небо высокой башней, не было слишком уж ярким. Хорошая цитадель, но плохое жилье для аристократического рода. Не слишком большое и не очень представительное. Кайлеан вспомнила дворцы и имения, которые дворяне – причем даже беднейшие – ставили на Востоке. Ничего странного, что у местных графов есть комплексы.

– Не слишком большой. – Дагена присматривалась к замку и выходящей вверх дороге.

Капитан Стражи покивал.

– Потому что некогда это была крепость Храма Дресс. Внутри более цивилизованно, чем снаружи, у графа вроде бы есть даже баня, но признаю – он не производит изрядного впечатления, ваше высочество. Но это одна из причин, почему мы не можем вас сопровождать: внутри просто не найдется места для сотни солдат. Мы станем ждать вас здесь через четыре дня.

– Возвращаетесь в Кехлорен?

– Нет, станем патрулировать окрестности.

Кайлеан взглянула на офицера удивленно.

– Приказ... нет, просьба Крыс. Мы должны ожидать поблизости и так, чтобы граф об этом знал. Показать, что Горная Стража бдит.

– Это меня радует, капитан. – Дагена не отводила взгляда от крепости. – Итак, прошу доставить нас в это орлиное гнездо.

Они снова вошли в фургон, а кони отправились в путь вокруг горы. Кайлеан предпочтала не думать о пропасти, которая открывалась справа от них, по мере того как повозка взбиралась все выше и выше. Вместо этого она быстро осмотрела вещи, взятые с собой. Три сундука с одеждой, шкатулка украшений и подарок, который они должны вручить графу от имени верданно: выполненная из алебаstra скульптура коня высотой в пару футов. Животное было снежно-белым и неслось вперед легким галопом, высоко задирая хвост. Каждый раз, когда

она на него смотрела, Кайлеан хотелось по-дурацки оскалиться – во лбу кобылки сиял желтый бриллиант размером с гороховое зерно. Вожди лагерей не только обеспечили их алиби, но и не стали экономить. Фургонщики обладали и вкусом, и чувством юмора. Во-первых, этот бриллиант наверняка стоил больше месячного дохода со всех волостей графа, а во-вторых, было это изображение Лааль в виде *камендееф* – белой кобылы с золотой звездой во лбу. Правда, Лааль вот уже несколько веков находилась в пантеоне, но, если правда то, что говорила Бесара, Циврас-дер-Малег имел собственное видение мира, в котором для других богов, кроме Великой Матери, оставалось мало места. Но не принять этот подарок было бы оскорблением дочери Баэльта'Матран, обидой для гостыи и отказом от небольшого состояния. Конечно же, в этом-то и заключался смысл шутки, существовал немалый шанс, что аристократ не сообразит, что, собственно, он получил, поскольку Лааль в таком образе почитали чуть ли не исключительно верданно. В империи ее знавали как Сероволосую, Владычицу Степей, Матерь Лошадей, Черную Кобылу Сумерек. Таким образом, чуть ли не хитростью степная богиня получит себе кусочек земли посредине Олекад.

Говаривали, что хитрости и фортели Лааль любит больше всего. И этот фокус ей наверняка бы понравился.

По мере того как они поднимались выше, ветер все сильнее наваливался на стенки фургона. Кайлеан взглянула на Дагену.

– Ледяное приветствие.

– Не хуже, чем когда зима в Степи срывается северной выюгой. – Даг смотрелась в маленькое зеркальце. – Как я выгляжу?

– Как верданнская княжна. Дикая и слегка высокомерная. Так держать.

– Я не о том спрашиваю. Произвожу ли я впечатление достаточно потрясенной и очарованной величием и силой меекханской аристократии? – Она чуть приоткрыла рот и захлопала глазками. – Ох, эти строения – словно каменные фургоны без колес, ох, эта одежда – из невыделанной кожи, а этот огонь, что открытым горит в домах, ох...

Кайлеан натянуто улыбнулась.

– Ты тоже нервничаешь?

– Нет, с чего бы? Просто я впервые начинаю всерьез задумываться, что я здесь делаю. Мне бы следовало вместе с Кошкодуром и остальными искать дорогу для каравана, а потом сражаться с се-кохландийцами.

Фургон дернулся и остановился. Запел горн, раздался отчаянный металлический грохот цепей. Решетка в воротах.

– У нас последний шанс выскочить и сбежать, девушка. Решайся, потому что, едва мы войдем внутрь, ты станешь для меня лишь княжной Гее'нерой.

Фургон тронулся с места.

– Поздно, дорогая Инра. Игра началась.

Стук копыт по камням, приглушенные голоса снаружи, будто бы короткая ссора. Потом в двери фургона постучали.

Кайлеан их отворила, вышла наружу и скромно встала в стороне. Теперь свою роль должна была сыграть Дагена.

Девушка замерла на пороге, обозрела подворье, подняла голову, рассматривая возвышающуюся над ними башню. Потом взглянула на приветствующих ее людей.

Во главе их стоял старший мужчина среднего роста в шитых золотом шелках, слева – две женщины, справа – двое дворян помладше, не слишком похожие, светловолосый с серыми глазами был ростом почти на ладонь выше второго, приземистого и темного. Женщины тоже различались как день и ночь, старшая была темноволосой, темноглазой, смуглой, и во взгляде ее сквозило высокомерие, характерное для людей, привыкших отдавать приказы. Зато младшая... Кайлеан окинула ее взглядом, перевела глаза на остальных приветствующих и, словно

ведомая могучей силой, посмотрела снова. Девушка была красавицей. Банальные сравнения: насчет глаз – как летнее небо, волос – словно волны золота и губ – словно лепестки роз – прямо-таки просились на язык. Как можно быть такой... проклятуше совершенной? И эта фигура, которую простое по покрою платье лишь подчеркивало. Кайлеан уже знала, кого ей придется очень сильно невзлюбить в ближайшие дни.

И тогда девушка подняла на нее глаза и улыбнулась. Искренне, без тени высокомерия, словно встретила старую подругу, которую не видела давным-давно. Скверное чувство, называвшееся – Кайлеан стоило быть искренней с собой – зависть, исчезло.

Может, это не будет настолько худо.

Несколько ударов сердца царила тишина, все более неловкая. Похоже, то, что случилось перед тем, как она отворила дверь, имело немалое значение. Кайлеан отыскивала взглядом командира их эскорта. Капитан стоял в стороне, губы плотно сжаты, яростно прищурены глаза, каменное лицо. Должно быть, произошла какая-то стычка между ним и встречавшими, поскольку вся пятерка демонстративно его игнорировала.

Наконец старший из мужчин слегка шевельнулся:

– Я – граф Циврас-дер-Малег. Это честь для моего дома: принимать благородную княжну Гее'неру из рода Френвельсов. – Он слегка поклонился: формально, с зажатой спиной. – Редко проводят нас гости столь благородной крови.

После него поклоны отвесили младшие мужчины. Женщины присели. Кайлеан бросила взгляд на офицера, выражение его лица ничуть не изменилось. Он ждал.

Дагена, все еще стоя на пороге, также присела – да с такой грацией, что Кайлеан почувствовала гордость.

– Это для меня – честь, что я могу быть гостьей столь знаменитого рода, который славится далеко за пределами гор. Я лишь надеюсь, что моя просьба не доставила вам, господин граф, слишком много хлопот.

Говорила она с легким восточным акцентом, старательно произнося слова, а в конце очаровательно улыбнулась. Бесара тоже была бы горда.

Граф вернул улыбку – и к тому же выглядевшую искренне.

– У нас, обитателей суровых окраин, бывает немного гостей, а ведь каждый – дар Господи. Мало вещей доставляет мне такую радость, как то, что ваше высочество выказало интерес к моему скромному дому.

Кайлеан снова покосилась на капитана. Офицер Стражи не моргал: видимо, плоские комплименты и просчитанные вежливости были не тем, чего он ожидал. И казалось, что он будет ждать, пока замок не распадется от старости.

Старший дворянин бросил на него раздраженный взгляд.

– Ваше высочество окажет мне честь, если назовет мой дом – своим домом, – начал он наконец, – а мой очаг – своим очагом, мою честь – своей честью.

Меекханское приветствие гостя. Кайлеан помнила его с самого детства, хотя простые арендаторы, среди которых она росла, в таких ситуациях говорили лишь: «войди в мой дом, согрейся у очага, спи спокойно». Как видно, дворяне любили пышность, но командир их эскорта, похоже, именно этого и ждал, поскольку лишь теперь ударил кулаком в левую половину груди, развернулся на пятке и зашагал к воротам.

Она мысленно улыбнулась. Конечно, слова эти не обладали никакой силой, никакой властью над тем, кто их произносил. Если граф решит посадить их в подземелье или сбросить в пропасть, он сделает это. Но теперь, если до этого дойдет, капитан Горной Стражи сумеет свидетельствовать, что нарушены извечные обычаи.

– Для меня будет честью делить с тобой дом, очаг и хлеб, господин. – Дагена хорошо отработывала уроки, что было награждено несколькими улыбками. Даже черноволосая слегка растаяла.

– Горная Стража... – Граф поглядел на исчезающего в воротах офицера. – Эти люди представления не имеют о манерах.

– Я не разговаривала с капитаном слишком много. – Дагена сделала шаг и оказалась на подворье. – Однако он производил впечатление солдата.

– Опытного, ваше высочество? Наверняка. – Аристократ странно скривился. – Стражники – обычно люди из низов, простые горцы, пастухи, селяне, порой даже разбойники, что службой в армии спасаются от веревки. А потому и опытом они обладают собственным – и порой небезынтересным. Ну и конечно, как большинство вессирцев, они упрямы и не выказывают уважения никому. Даже моим воинам приходится отчитываться перед ними, когда я еду по своим землям. Но хватит говорить об этих неприятных вещах.

Похоже, он вспомнил об обязанностях хозяина.

– Это мои сыновья, старший, Эвенс, и третий, Иврон.

Первым поклонился тот светловолосый, а Кейлеан – помня переданную Бесарой информацию – глянула на его стопы, но широкие штаны и пара одинаковых сапог прекрасно скрывали увечье. Его брат лицом и цветом лица походил на черноволосую, а значит, она – вторая жена графа.

– Моя жена, Евхерия-дер-Малег. – Женщина снова присела. – И графиня Лайва-сон-Барен, троюродная кузина, а вскоре, надеюсь, также и счастливая супруга моего второго сына, Аэриха, который, увы, нынче не смог приветствовать ваше высочество.

Дагена чуть разворачивалась, кланялась и улыбалась. Истинная княжна, мать твою.

– А значит, я стану с нетерпением ожидать встречи с ним, граф. И прошу, без этих «ваших высочеств». Хватит и княжны. – Она улыбнулась еще шире. – Я хотела бы также представить мою спутницу, девицу Инру-лон-Верис, благодаря которой я так хорошо изучила меекх.

Проклятие, что она там снова выдумывает?

Кайлеан чуть присела, обметенная несколькими быстрыми взглядами. Не так они планировали, это Дагена должна была нынче находиться в центре внимания, чтобы Кайлеан имела большую свободу передвижения.

– Дворянка?

Видно было, что граф не ожидает утвердительного ответа. В его мире не было места для меекханской дворянки, что прислуживает княжнам верданно.

– Нет, господин граф. Свободная меекханка чистой крови, но без титула.

Он смотрел на Кайлеан некоторое время.

– Что случилось, дитя, что такая молодая и красивая девушка нашла для себя такое занятие?

Он пытался – возможно, из-за княжны – быть благодушным и любезным, но получалось снисходительно и беспокояще. «Ты Инра-лон-Верис, дочь купца, собирающая на приданое», – Кайлеан пришлось это себе повторять, чтобы не отвечать злобной гримасой и какой-то колкостью.

– Мой отец знал дядю княжны Гее'неры, а когда он умер, то я... не хотела оказаться ни для кого обузой, а потому решила сама о себе позаботиться.

Должно быть, она использовала лучший из возможных ответов, поскольку дворянин чуть заметно зарумянился.

– Истинный меекханский цветок. Сверху ты кажешься такой хрупкой, но внутри скрыта гордая сталь. Это такие женщины сопровождали своих мужьям, когда те выстраивали империю.

Он снова кивнул ей и, не ожидая, пока она поклонится в ответ, перевел взгляд на Дагену, Кайлеан же пришлось напрячь все силы, чтобы не скривиться раздраженно. Бесара была права, дурные комплименты больше говорят о людях, чем прямые оскорбления.

– А ваше... прошу прощения, вы, княжна Гее'нера, окажете нам честь и сядете с нами за ужин? Прошу не беспокоиться о фургоне, слуги сейчас его разгрузят.

Слуги. Кайлеан только сейчас заметила, что на подворье были и другие люди. Одеты по-простому, они почти идеально растворялись на общем фоне. В несколько мгновений она насчитала шестерых. Если они стояли здесь с самого начала, то должны быть мастерами в том, чтобы не бросаться в глаза.

– Конечно, господин граф. Однако я хотела бы сперва освежиться с дороги.

– Разумеется. Комнаты ждут.

Глава 5

Комнаты, она не ослышалась – комнаты. А именно три. Отдельная спальня с кроватью размером с крестьянскую телегу, гостиная с отрядом соф, пуфиков и шезлонгов, расставленных лицом к гигантскому камину, перед которым лежала огромная медвежья шкура, и комната наименьшая, хотя тоже не маленькая, – для слуг. То есть для нее.

Едва лишь внесли их сундуки, Кайлеан отослала людей графа и распаковала нужные им с Дагеной вещи.

– Синее или бордовое платье, княжна?

– Ох, Инра, сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не «княжничковала», когда мы одни. С полгода уже едешь со мной, так что можешь называть меня Гее'нерой.

– Мы уже говорили об этом, княжна. Это недопустимо. – Кайлеан, не отводя взгляда от Дагены, легонько постучала пальцем по уху.

«Слушают?»

Пожатие плечами.

«Возможно, будь начеку».

– У нас несколько другие представления о допустимом и недопустимом. Если долго едешь с кем-то одной упряжкой, если вы спите в одном фургоне – титулы перестают иметь значение. Мой возница зовет меня по имени.

«Смотрят?»

Собственно, она была почти уверена, что нет, поскольку Дагена наверняка бы сразу почувствовала и предупредила ее. То, как подруга взглянула на нее, подтверждало ее предположения.

– Но сейчас мы не в фургоне, княжна. И нету и шанса, чтобы я стала твоим возницей.

Даг рассмеялась, весьма натурально, и хлопнула по ближайшей софе.

– Именно за это я тебя и люблю. Сделаешь мне прическу с жемчугами?

– Конечно, княжна.

Словно умела делать какую-то другую.

– Но сперва – бордовое платье. Жемчуг к нему подойдет. Когда начнется ужин?

– Граф дер-Малег сказал лишь, что кого-нибудь пришлет за вашим высочеством. Я пока что распакую вещи.

– И речи быть не может. Ты идешь со мной.

– Но, княжна...

И так далее. Продолжали разговор на случай, если их подслушивали, – какой и должны вести между собою княжна Фургонщиков и ее дама сопровождения. Кайлеан сама удивилась, как легко и быстро вошла она в роль бедной девушки из провинции, которая старается напиться основами хороших манер и обычаев слегка дикую варварскую аристократку. Но хотя и считала она, что игра эта довольно забавна, все время чувствовала под кожей беспокойство. Даг сразу решила, что кто-то их подслушивает. А если так, значит, граф не совсем рад их визиту или – что еще хуже – что-то подозревает. Если и правда он или кто-то в его замке имел отношение к убийствам в горах, было понятно, что он будет начеку, однако такая прослушка с самого начала не обещала ничего хорошего.

Комнаты их находились на третьем этаже главного дома, из окон были видны лишь двор да конюшня. Никаких шансов на бегство, ибо в эти комнаты вели лишь одни двери, выходящие к тому же в лабиринт коридоров, где можно было и потеряться. Собственно, графу не требовались подвалы, чтобы туда заключить девушек. Хватало и демонстративного гостеприимства.

Стук в дверь раздался, когда Кайлеан заканчивала укладывать волосы Дагены.

– Господин граф имеет честь пригласить ваше высочество на ужин.

В дверях стояла молодая девушка лет пятнадцати, в одежде, рядом с которой платье Кайлеан выглядело как наряд королевы. Темная серость, манжеты не шире тесемок и отсутствие воротника. Фартук не отличался цветом от остального. Скромнее могли быть лишь старые мешки с дырами для головы и рук.

– Вот и чудесно, я проголодалась. – Даг улыбнулась девушке, но та даже не моргнула. – Мы не должны заставлять хозяев ждать. Да, Инра, это касается также и тебя. Идем.

Даг действовала так, как они договорились по дороге: не разделяться первые несколько часов. В пасти медведя лучше быть вдвоем.

Лабиринт оказался не столь страшным, как им сперва померещилось, хотя коридоров было много. Как и говорила им Бесара, всюду висело оружие. Мечи, топоры, шестоперы и копья заслоняли большую часть стен, присутствуя в количествах, позволявших полагать, что граф в любой момент готов схлестнуться с любым врагом. Хватало здесь и доспехов, а также щитов и шлемов. При этом некоторые выглядели так, словно от старости уже приросли к стенам. Род дер-Малега трудился триста лет, чтобы создать такую коллекцию.

Ну и картины. Подле первых трех Дагена даже замедляла шаг, заинтересовавшись, но следующие – а прошли они где-то мимо двадцати – уже проигнорировала. Сколько можно смотреть на мужчин в доспехах, стоящих на кучах трупов? Судя по этим картинам, предки графа не столько были солдатами империи, сколько выстроили империю собственными руками, лично выиграв все важнейшие битвы.

Через несколько минут и поворотов они остановились перед светлыми дверьми.

– Граф ждет, – служанка поклонилась и отошла.

Дагена протянула ладонь к ручке.

– Ваше высочество. – Кайлеан успела раньше. – Позвольте я это сделаю.

Не ожидая ответа, она открыла дверь и вошла внутрь.

– Княжна Гее'нера из рода Френвельсов, – объявила Кайлеан, отходя в сторону.

Ей ответил скрип стульев. Вокруг стола, меньшего, чем она рассчитывала, но достаточного для дюжины человек, сидели граф с женой, двое из трех его сыновей и светловолосая красавица. Теперь все поднимались, приветствуя входящую поклонами и приседаниями. Кайлеан окинула взглядом белую скатерть, серебро и хрусталь, в котором играли огни дюжины свечей, десяток-другой мисок и несчетное число графинов и кувшинов. Ужин был богатым. За столом имелось еще одно свободное место, она, однако, не думала, чтобы и ее пригласили присесть. В лучшем случае она проведет вечер, стоя за спиной «княжны».

А та знала, как произвести впечатление. Подождала, пока все поднимутся, и лишь тогда показалась в дверях. Жемчуга переливались под отблесками свечей, подчеркивая черноту волос и глаз, бордовое платье открывало то, что девушка могла открыть, а легкий поклон, которым она ответила на приветствия, был полон достоинства и гордости.

– Княжна. – Граф пошел в ее сторону, а в глазах его посверкивали радостные искорки. – Я вижу, что благородный народ верданно препоручил в мои руки ценнейший из бриллиантов.

– Не сумел бы он отыскать лучших рук в этих горах. – Дагена одарила его улыбкой, от которой, казалось, и воск на свечах начал бы таять.

Скажи кто сейчас Кайлеан, что еще недавно Даг могла жаловаться на отпечатки от седла на заднице и безумствовала с луком на пограничье, назвала бы такого лжецом. Назвала бы врушкой и саму себя, поскольку была ведь Инрой-лон-Верис, а роль ее состояла в присмотре, чтобы «княжна» достаточно умело пользовалась меекхом и не пыталась есть руками.

Приветствия и взаимные поклоны продолжались еще какое-то время, и она уже решила, что будет совершенно проигнорирована и что ей придется простоять остаток вечера у дверей.

– Девица лон-Верис, – хозяин вдруг вспомнил о ней. – Мы не полагали, что ты придешь.

– Ее высочество настояла, господин граф.

– Мой меекханский еще не настолько хорош. – Акцент Дагены вдруг сделался слишком отчетлив. – И порой мне требуется при разговоре помощь.

– Ваше высочество в совершенстве владеет языком империи. – Жена графа словно из-под земли выросла рядом с мужем.

– Благодарю, – еще одна улыбка. – Но, например, я до сих пор не понимаю всех здешних поговорок.

– Поговорок?

– Например, когда вы говорите «пошел в Блеавх», это значит, что не знаете, где кто-то находится, а не то, что следует его искать по дороге к этому городу. Которого, как я слышала, на самом деле-то и нет.

Невеста второго сына графа приподняла брови:

– Это верно, но я никогда не раздумывала над этим. А как говорят верданно?

– Конь на него сел.

Блондинка жемчужно рассмеялась:

– Ох, но я думала, что кони не садятся.

– Конечно же нет. Но, возможно, они садятся в Блеавхе, городе, которого нет.

На этот раз засмеялись все. Даже графиня. Дагена осмотрелась театрально и обронила:

– Я полагала, что Аэрих-дер-Малег присоединится к нам. Разве его не будет на ужине?

– Будет, – решительно кивнул граф. – Стража передала, что уже видна его свита. Именно потому я прикажу принести кресло для девицы лон-Верис.

Он хлопнул в ладоши, служанки в сером и коричневом оторвались от стен, закрутились подле стола, а через минуту на снежно-белой скатерти стоял еще один прибор.

– Прошу.

Они уселись: во главе стола граф, справа от него – княжна со спутницей. Кайлеан пришлось признать, что дер-Малег не был мелочен: если уж решил признать, что присутствие дамы-спутницы и переводчицы крайне необходимо Гее'нере, то не стал их разделять или подчеркивать более низкий статус Инры.

А значит, она получила тот же самый пугающий набор приборов, что и Даг, и насчитала перед собой четыре ложечки, три вилки для мяса и три разных ножа. Похоже, что скромность и простота были не для этой столовой. Она осмотрелась. Справа находилось пустое место, а в конце стола сидела Лайва-сон-Барен, встряхивая золотой гривой волос, притворный беспорядок которых был результатом многих часов работы.

Слева от хозяина заняла место его жена, а дальше – по очередности – сыновья графа.

Когда все расселись, Кайлеан оказалась под обстрелом серых, словно хмурое небо, глаз. Еще пару дней назад, если бы кто на нее так таращился, она бы оскалилась и обнажила саблю. Теперь же скромно опустила взгляд и занялась рассматриванием серебра.

Цокнуло – и бокал ее наполнился темным кармином.

Кайлеан не знала, что ее сильнее удивило – звук или то, что граф лично наполнил ее посуду. Она даже не заметила, когда он встал.

– Согласно старому обычаю, – заговорил он, все еще склонившись, – хозяин должен сам наполнить первый бокал, особенно достойным гостям. А ведь на традициях и обычаях должен возрастать любой народ и любая держава. Не так ли?

– Конечно, граф, – Дагена очаровательно улыбнулась. – Человек, который не знает, кто он таков и откуда, который не ведает обычаев и пути своих предков, – всего лишь листок, несомый ветром. Предназначено ему исчезнуть и сделаться ничем.

– Чудесно сказано. – Лайва чуть приподняла бокал и наклонилась, чтобы лучше видеть собеседницу. – Это вот, о дороге, имеет какое-то особенное значение в устах княжны Фургончиков?

Дагена ответила улыбкой.

– Я не впервые слышу такие вопросы. Но отвечать я бы просила моего дядюшку, графиня. Сложность ин... ин...

– Интерпретации?

– Именно. Интерпретация мудрости разных народов – это его любимое развлечение. Впрочем, – махнула она рукою, – найдите двух мудрецов и спросите их о чем-то – и услышите два разных ответа.

– Особенно если наткнешься на тех, кто мудрецами лишь считаются.

– Верно. *Рака*.

Граф закончил наполнять бокал молодой графини и вернулся на место. Кайлеан надеялась, что теперь к ним подскочит команда слуг, но нет, те продолжали стоять под стенами. Вместо этого старший сын потянулся к графину и двинулся вдоль стола, наливая сперва отцу и мачехе, потом брату, наконец, себе. Не садясь, поднял бокал.

– Отец, окажешь ли мне честь и позволишь ли первому поднять тост за наших гостей?

Кивок был достаточным ответом.

– Я поднимаю тост за княжну Гее'неру из королевского рода Френвельсов, которая озаорила наш дом светом своей красоты, и за ее подругу, девицу Инру-лон-Верис, дающую нам живой пример, что отвага не исчезла из сердец дочерей империи. Потому что для того, чтобы бросить отчий дом и отправиться в путь в неведомую сторону, нужна немалая отвага.

Кайлеан поднесла хрусталь к губам и впервые посмотрела Эвенсу-дер-Малегу в глаза. Упомянуть в одном предложении особу королевской крови и безродную сироту – это либо глупость, либо просчитанная пощечина. Этот тост был оскорблением. Оскорблением для княжны и в каком-то смысле и для нее самой, поскольку предполагалось, что она слишком глупа, чтобы понять. Она отставила бокал.

– Инра и вправду необычная молодая дама. – Дагена отозвалась первой. – По сравнению с ней моя предыдущая учительница и дама-сопровождающая – бледный призрак, лишенный темперамента.

– Предыдущая? – Граф тоже отставил бокал и кивнул слугам.

Только теперь началось движение. Зацокали крышки тарелок, запахло жарким и острыми соусами.

– Да, девица Эмива-хад-Лаверис. Увы, когда она узнала о приказе императора, ушла. У нее семья на Востоке, и Эмива не хотела ее оставлять.

– Значит, девица лон-Верис служит у вашего высочества...

– Полгода. Но я жалею, что мы не познакомились раньше.

Сперва подали закуски, кусочки маринованного мяса, острые овечьи сыры и пласты копченой рыбы. Кайлеан не сводила глаз с Эвенса. Тот вернул ей взгляд и улыбнулся насмешливо, откровенно поглядывая на Дагену. «Видишь, – словно говорил он, – я ее оскорбил, а она об этом даже не знает. Дикарка».

На миг, буквально на мгновение ока, Кайлеан позабыла, что она теперь Инра-лон-Верис, сирота, которая, чтобы не попасть в нужду, взялась за работу у Фургонщиков. А Инра не смотрела бы столь вызывающе на потомка старого графского рода, ибо, хотя и была меекханкой чистой крови, но это ее отец кланялся в пояс любому барону и графу.

Она опустила взгляд.

– Императорский приказ оказался неожиданностью для всех нас. – Граф насадил на небольшое острие кусочек мяса и размахивал им, словно миниатюрной булавой. – Верно ли, что угроза со стороны се-кохландийцев настолько велика? До нас сюда доходят разные вести. И то, что Йавенир умер, и то, что умирает, и то, что чудесно выздоровел и в благодарность за это пообещал Госпоже Гроз снова повести свои орды на запад...

– Если бы речь шла об очередном нападении, отец, император не приказал бы верданно сняться с места и отправиться на север, – вмешался в разговор Эвенс. – Якобы подданные ее

высочества ненавидят кочевников, как ядовитых змей. Королевский род наверняка приказал бы сражаться.

Все посмотрели на Дагену. Даже Лайва-сон-Барен вытянула шею, чтобы лучше видеть. Даг склонилась к Кайлеан.

– И что мне им сказать? – шепнула ей на ухо на грубом *анахо*. – Как там оно у Фургонщиков заведено?

Кайлеан едва ее поняла, что было весьма неплохо, поскольку, даже найдись за столом некто, знающий язык верданно, все равно не сумел бы подслушать.

– Княжна просит, чтобы я переводила, поскольку она не слишком уверена в своем меекхе, – проигнорировала она упорный взгляд Эвенса и обратилась прямо к его отцу: – Верданно не являются ничьими подданными и никогда ими не были. Королевский род – это прежде всего судьи и охранители законов, а потому нет у них такой власти, чтобы кому-то приказывать.

– Хорошо... говори, что ты там считаешь нужным, а я стану что-нибудь бубнить. – Шепот «княжны» перешел в настоящее бормотание. – Только быстро, потому что у меня слова заканчиваются, а я не люблю повторяться.

– Королевский род владеет стадами, фургонами, собственной стражей, но властвует он лишь в Королевском Граде, самом крупном из существующих лагерей. А большая часть племенных караванов странствует своими дорогами.

– И отчего же они уже не странствуют?

За тон, каким он задал этот вопрос, Эвенс должен был получить по лицу. Дагена тоже так считала, поскольку перестала бормотать и спросила дружески:

– Он что, пытается меня оскорбить?

– Постоянно, ваше высочество.

Кайлеан ответила на *анахо* достаточно громко, чтобы услышали все. И сразу же добавила тише:

– Пошепчи еще немного мне на ухо, а потом сиди и делай мрачное лицо.

Выждала соответствующего момента.

– Княжна хочет напомнить, что ее народ уступил армии, которая через несколько лет безнаказанно грабила половину империи, хотя империя в пятьдесят раз больше и обладает десятками тысяч солдат на любой вкус. И что кочевники до сих пор рыдают, вспоминая войну с верданно.

Она произнесла это, пустым взглядом вперившись между старшим и его мачехой. Теперь она была не собой, а всего лишь голосом княжны.

Граф принял это по-мужски. То есть сперва слегка покраснел, потом взглянул на старшего сына и наконец поднялся и поклонился с прямой спиной.

– Прошу у вашего высочества прощения. Мой сын не хотел вас обидеть, у него просто есть привычка так подавать свои мысли, что порой их можно превратно понять.

– А что он, собственно, имел в виду? – Дагена так вжилась в роль, что не намеревалась спускать это с рук.

Эвенс поднялся, тяжело наклонившись вперед, а Кайлеан на мгновение, не больше, увидела нечто, полыхнувшее в глубине его глаз.

И поняла.

Первенец. Наследник титула и богатств. Тот, которому принадлежала рука красивейшей из местных дворянок и чей сын должен был бы стать новым графом дер-Малег. По крайней мере – до несчастного случая шесть лет назад. Потому что сейчас, поскольку его родной отец чтит некие древние предрассудки и дурацкие обычаи, сам он стал никем. Это младший брат получит все, а случись что с Аэрихом, есть еще и Иврон, ублюдок от другой матери, который как третий сын должен бы уже давным-давно искать своего счастья где-то по миру, но сидит на отцовской земле, словно падалыщик, – и даже он нынче важнее его, старшего.

Ненависть. Плающая так, что глаза мужчины из серых сделались почти белыми. Всего за один удар сердца.

А когда он выпрямился, то снова был уже лишь самим собою. Спокойным, владеющим собой потомком аристократического рода, с чуть ироничной улыбкой, приклеенной к губам.

«Тут дело не в нас, – поняла Кайлеан еще. – Тут дело в графе. Это борьба между ними, отцом и сыном, а против варварской княжны Эвенс-дер-Малег ничего не имеет. Был бы столь же неприязнен к любому гостю, которого граф принял бы в замке».

– Прошу у вашего высочества прощения, – начал он с поклоном. – Я имел в виду, что независимость и свобода, столь ценимые странствующими в Степи народами, оказались погублены огромной организованной ордой варваров. И то, что если бы власть королевского рода, к которому принадлежит ваше высочество, была сильнее, то наш общий враг никогда бы не победил верданно, славящихся своей отвагой.

Кайлеан заметила движение. Это черноволосая жена графа забарабанила пальцами по столу, с явной тоской выслушивая речи пасынка. Похоже, такая ситуация не была здесь чем-то новым, и Эвенс не единожды уже испытывал терпение отца.

Однако вывернулся он довольно ловко.

Дагена склонила голову, принимая извинения.

– Так звучит куда лучше. Я рада, что теперь понимаю вашу мысль куда... э-э... точнее. Благодаря чему могу радоваться гостеприимству этого дома.

Она взяла серебряное острие, нанизала на него кусочек сыра и, прежде чем Кайлеан успела ее предостеречь, вложила в рот.

Козий сыр. Копченный разными методами, порой с весьма специфическим привкусом. Чудесная закуска, приводившая к тому, что человек обретал внезапное желание есть. Все что угодно, лишь бы позабыть тот характерный привкус.

Дагена повела себя достойно. Прожевала, сглотнула, свободным жестом потянулась за вином.

– С чего, собственно, началось наше недоразумение?

– Мы размышляли, – граф не отводил взгляда от Эвенса, пока тот не уселся снова, – что склонило императора к изданию указа переместить верданно в наши горы.

Он обратил взгляд на Дагену и вежливо улыбнулся.

– Император не издавал такого указа. – «Княжна» отпила глоток вина, взболтнула остаток в бокале, засмотревшись на танец багрянца на хрустальных стенках. – Он всего лишь выразил вежливое пожелание, которое вожди лагерей решили исполнить. Потому что, как наверняка вы знаете, граф, верданно не получили гражданства империи, а значит, формально указы их не касаются.

За столом установилась тишина. А Кайлеан пришлось признать, что в этой игре Даг оказалась – пусть неожиданно – абсолютно прекрасным образом превосходно хороша.

– Понимаю. – Циврас-дер-Малег откашлялся. – Прошу меня простить, ваше высочество, но мне интересно, что склонило трон к тому, чтобы выразить такую просьбу. Подобное действие беспрецедентно, десятки тысяч фургонов на несколько дней заблокировали одну из главных торговых дорог Востока, и я слышал, что еще не все они съехались в долину. Купцы несут убытки, а когда купцы несут убытки, страдает вся империя.

Осторожные, взвешенные фразы гладко выходили из уст аристократа, а Кайлеан вдруг ясно поняла все плюсы того, чтобы быть кем-то вроде служанки. Никто на нее не смотрел. Все, включая сидящую на два кресла дальше Лайву-сон-Барен, водили глазами от графа к Дагене и обратно.

– Ну и конечно, – продолжал граф, – такая просьба ослабила бы восточную границу, поскольку, как верно заметил мой сын, верданно славятся ненавистью к се-кохландийцам, а лагерь их долго оставались бы неприступными твердынями.

– Только как долго эти твердыни удержались бы, граф? Лагеря, которые были у нас на юге, стали слишком многочисленны и велики, чтобы их защищать. Впрочем, два из них пока на месте. Деревн'ло и Большой Калеар. Остались в них женщины с маленькими детьми, старики и немного взрослых воинов, поскольку кому-то нужно присматривать за табунами и стадами, пока в Лав-Онее не вырастет трава.

Жена графа поджала губы.

– Нужно было перегнать их вместе с фургонами.

– Полмиллиона голов?

Эвенс едва не опрокинул на колени бокал, который как раз наливал, а графиня на миг замерла с полукруглым ртом.

– Полмиллиона?

– Мы – народ пастухов и скотоводов, господин граф. – Дагена послала ему лукавую улыбку. – Скот и лошади для нас почти то же, что для меекханского дворянства – земля.

– Но Лав-Онее не прокормит столько животных. Здешним землям едва по силам удерживать наших коз и овец.

– Именно потому часть животных мы перегоняем в Вермох и дальше на запад. Тамошние пастбища более тучны, а вожди уже оговаривают вопросы о том, чтобы получить их в пользование. Впрочем, мы надеемся, что когда стихнет замаять в Степи, император бер-Арленс позволит нам вернуться на восточное пограничье.

– А до того времени группа стариков и женщин с малыми детьми станет охранять это богатство? – Эвенс отставил графин, но не потянулся к наполненному бокалу.

– Им помогает меекханская армия.

Ох, вот она и сказала то, чего они, собственно, ждали. Сообщила, что меекханские солдаты «охраняют» стада верданно, и пояснила, каким кнудом погоняют Фургонщиков на север. По крайней мере это было просто и понятно для присутствующих.

– Однако мы до сих пор не понимаем, отчего император высказал такую... просьбу, – не отступал граф.

– Ох, разве это не очевидно, отец? – Эвенс отпил из бокала, после чего крутанул им, насмешливо пародируя Дагену. – Отец Войны поддыхает где-то в своей берлоге, не оставив, если я правильно понимаю варварские обычаи, законного наследника. Сыны Войны готовятся к битве за наследство, а значит, котел под названием Великие степи вскоре закипит. Существует шанс, что кипеть он будет много лет, и блюдом, в нем приготовленным, будет то, что кочевники перестанут представлять серьезную угрозу. Останется после них всего лишь – уж простите за банальное сравнение – осадок на стенках и немного кровавой каши на дне. Разве что некто, извините за еще одну банальность, ткнет в котел копьем. Тогда он может взорваться прямо нам в лицо.

Дагена одарила его очаровательной и холодной улыбкой.

– Чтобы ткнуть во что-то копьем, необходимо обладать достаточными силами и отвагой, чтобы им воспользоваться. Могу обещать одно: верданно не выйдут в Великие степи, чтобы бросить вызов кочевникам, ибо такова воля императора, которого мы уважаем, хотя, как бы это сказать... э-э-э... Лучше присыпать уголья землю? Я верно запомнила пословицу? Лучше быть предусмотрительным, чтобы не привести к войне. Чтобы некие горячие головы не подожгли всю восточную границу.

Граф взял серебряную шпильку и принялся колоть выложенные перед ним холодные закуски, словно насаживая врагов на пику.

– Значит... прошу простить меня за непосредственность вопроса, княжна, но приказы из столицы были слишком общими... значит, Фургонщики не переселены сюда навсегда?

– Сюда? – «Княжна» вздернула брови. – В горы? Где нет места ни для людей, ни для животных? Где единственным в меру плоским пространством остаются имперские дороги, а

остальное – это лишь скалы, деревья, камни и мох? Кроме того, как я уже сказала, мы не подданные меекханского императора, чтобы он мог переселять нас куда пожелает. Мы лишь исполняем его просьбу, чтобы отойти от границы и не провоцировать никого на глупые поступки. А чтобы быть верданно, нам нужны открытые пространства.

Двери за спиной Кайлеан отворились, и один из слуг объявил:

– Аэрих-дер-Малег, второй сын Цивреса-дер-Малега и Евхерии-дер-Малег-сег-Видрам, наследник рода дер-Малег, Высоких Восточных Полей, Калонвэе, Чехран, Малопада...

Видимо, согласно местной традиции, прибытие наследника предполагало соответствующую оправу, а слушающей длинный список городков и сел Кайлеан пришлось признать, что владения графа достаточно велики, хотя, как ей помнилось, село, в котором она родилась, состояло из пяти домов и трех сараев. Наверняка хрустальный бокал, стоявший перед нею, стоил больше, чем годовой доход от преимущественной части перечисляемых сел. Но число их было впечатляющим.

Она взглянула на Эвенса. Тот вежливо улыбался, да и в глазах его была лишь искренняя радость, а руки, в которых он держал бокал, не тряслись. Лишь глядя, как он стискивал зубы, она могла бы поспорить: вставь между ними подкову – и та, перекушенная, упадет на пол.

Дагена повернулась к входящему. Кайлеан поступила так же. У Аэриха волосы были чуть светлее, чем у старшего брата, зато глаза немного темнее. Прямой, как копье, высокий, широкий в плечах, он мог бы позировать еще для одной картины из коллекции графа как меекханский покоритель мира. Хотя наверняка уже сделал это.

Он даже был в соответствующей одежде. Высокие сапоги для конской езды, темные штаны, кожаная куртка, пояс, отягощенный мечом и изрядным кинжалом. Все ношеное и пропыленное, будто он едва сошел с седла. Кайлеан поймала себя на том, что смотрит на двери, опасаясь увидеть в коридоре коня. Настоящий наследник воинственной аристократии, с детства обученный сражаться.

– Ваше высочество, – прервал он провозглашающего литанию слугу и поклонился в пояс. – Отец, мать, дражайшая Лайва, брат, брат, – он кланялся каждому по отдельности, но уже не так низко. – Госпожа...

Остановил на ней взгляд.

– Девица Инра-лон-Верис. – Кайлеан привстала и присела в поклоне. – Подруга и переводчица ее высочества.

– Я загнал двух лошадей, торопясь на эту встречу, но все равно буду жалеть о каждой пропущенной минуте. Потому, прошу вас, простите меня за дорожную одежду.

Он сделал ударение на «загнал» и цокнул по-военному шпорами так, что те аж зазвенели. Кайлеан перевела взгляд на его сапоги. Шпоры были кроваво-красными.

Она ткнула каблуком в стопу Дагены так, что та подскочила со стула. И тут же склонилась к уху «переводчицы».

– Что с тобой? – прошептала на *анахо*.

За столом уже воцарилось замешательство, граф с графиней тоже вскочили на ноги, оба смотрели на вошедшего так, словно у того вдруг выросла вторая голова.

Кайлеан лишь шепнула:

– Он тебя оскорбил.

Даг отреагировала мгновенно: без раздумий отодвинула кресло и, ни на кого не глядя, направилась к двери. Аэриха миновала с таким лицом, как будто был он лишь кучей дерьма, покрытой опарышами.

– Ваше высочество! Ваше высочество! – Циврас-дер-Малег попытался побежать за ней, но Кайлеан бесцеремонно преградила ему дорогу.

– Прошу прощения, господин граф, – присела она в поклоне. – Но, когда княжна в таком настроении, лучше ей не мешать. Я попытаюсь ее как-то успокоить.

И вышла, оставив всех в бесконечном удивлении.

* * *

Едва лишь они добрались до своих комнат, Дагена замерла, словно прислушиваясь.

– Ну ладно. Скажешь мне, в чем там, собственно, было дело? Если граф почувствует себя оскорбленным...

Кайлеан снова стукнула себя пальцем по уху. Ее подруга фыркнула.

– Нет, на этот раз – определенно нет. У меня свои методы. Бабка меня и этому научила. Итак: отчего мы рискуем быть вышвырнутыми из замка?

– Потому что ее высочество Гее'нера из рода Френвельсов при одном упоминании о том, что он заездил двух коней, плеснула бы Аэриху вином в лицо. А после демонстрации окровавленных шпор – разбила бы ему бокал о голову.

Даг смягчилась.

– Об этом я не подумала... – Она чуть улыбнулась. – Получается, что я оскорблена в доме графа, и при этом – смертельно? Так что, ожидаем извинений?

– Не можем ждать, поскольку Циврас-дер-Малег, похоже, слабо понимает, что произошло. Через пару минут я отправлюсь к графу с твоим пожеланием отправить гонца и вернуть наш фургон либо приготовить завтра собственный.

– А если он согласится?

Кайлеан покачала головой:

– Нет. Он придерживается – или старается произвести такое впечатление – старых меекханских обычаев, а там нет большего позора, чем оскорбить гостя. Захочет нас удержать. Прикажет сыну извиниться. А мы позволим ему. Но только завтра. Пока же ты играешь дикарку в ярости. Разбей зеркало, сломай мебель, порежь обивку на софе.

Дагена скривилась от нетерпения.

– А потом?

– Ты играешь гостя, который едва дает себя упросить и который не всегда имеет желание общаться с хозяином. Это даст нам побольше свободы. У нас есть еще три дня, и лучше не терять их зря.

Четвертью часа позже Кайлеан вышла в коридор, поймала первого попавшегося слугу за рукав и приказала сопроводить себя к Циврасу-дер-Малегу.

Похоже, ужин закончился, поскольку граф был уже в другой комнате, в помещении, полном книг и со стоящим посередине огромным столом из черного дерева. Выглядело так, словно он не надеялся, что она придет, стоя лицом к узкому окну, всматриваясь в ночь. На звук открывшейся двери медленно повернулся, а увидев, кто вошел, приподнял брови.

– Девица лон-Верис. Что там, именем Светлейшей Госпожи, случилось?

Она кратко и четко пояснила, в чем было дело.

– Значит, проблема в лошади? В том, что Аэрих признался, что заездил двух из них?

– Для княжны это чрезвычайно серьезное дело. Кони для Фургонщиков – это...

– Знаю-знаю, – махнул он рукою. – Слышал о том, но полагал, что двадцать лет жизни на землях империи несколько смягчили их обычаи. Разве они не торгуют своими лошадьми? Не знают, что некоторые из них попадают к грубым, жестоким или неразумным людям?

– Знают, господин граф. Но на Востоке ни один жестокий или неразумный человек не бывает настолько глуп, чтобы в присутствии верданно похвалиться, как он мучает своих коней. От этого их отучили очень быстро.

Он окинул ее внимательным взглядом, она же лишь тогда поняла, что выпала из роли, а Инру заменила Кайлеан. Выдал ее тон и то, как она обратилась к аристократу. Инра бы никогда такого себе не позволила, а вот девушка, чьим кха-даром был сам Ласкольник, – запросто.

– Отважные слова, девица Инра. Значит, мой сын ленив, жесток или неразумен?

Она не отвела взгляд, не зарумянилась и не потеряла сознание. В конце концов, девица Инра не стала сидеть на шее у семьи и решила отправиться на край света, сопутствуя едущим фургонами варварам. Это обязывало.

– Нет, господин граф. Полагаю, что ваш сын хотел как лучше, но промахнулся.

Хозяин кивнул.

– Может, вы сумеете успокоить ее высочество? Мой сын не загнал насмерть ни одного коня. У меня нету столько лошадей. Прошу объяснить княжне, что это лишь местная поговорка. Если кто-то опаздывает на важную встречу, то, желая произвести впечатление, говорит: «Спеша сюда, я загнал одного – или двух, или дюжину – коня». Если бы Аэрих и вправду загонял скакуна каждый раз, когда опаздывает, конюшни мои были бы пусты.

– А шпоры?

– Что – шпоры? А-а... понимаю. Скажи, что я буду более чем счастлив подарить это животное княжне, чтобы в службе ей оно никогда уже не познало ни удил, ни седла. Только таким образом я могу ответить на неразумное поведение сына. Хватит ли этого?

Это было достойное предложение, поскольку Аэрих не выглядел тем, кого удовлетворила бы езда на скакуне, худшем чем боевой *канейя* чистой крови.

Она присела в поклоне:

– Я попытаюсь объяснить все ее высочеству.

– Хорошо. Вина?

– Я... полагаю, мне не должно.

– Как и мне. – Граф слегка улыбнулся, положив руку на желудок. – Особенно когда я прервал ужин в столь неприятных обстоятельствах. Несварение не даст мне заснуть. Но как-нибудь рискну.

Он потянулся к тумбочке и вытащил небольшой графинчик и два кожаных стаканчика.

– Хрусталь и серебро хороши во время приемов, но для старого солдата нет ничего лучше, чем пить вино так, как мы пили его во время войны.

– Вы служили в армии, господин граф? Мой отец тоже.

– О? А где, если я могу спросить?

– Был он младшим лейтенантом первого отряда Четвертого Летучего полка.

Аристократ вручил ей кубок, вино пахло смолой и цветами. Было крепким.

– Меекханка чистой крови и дочь офицера. Чудесное соединение. Отец говорил, отчего он не остался в армии?

– После войны полк расформировали, а он предпочел заняться торговлей, а не разбойничать по дорогам. Ну и якобы мать настояла. Предпочитала, чтобы занялся чем-то поспокойней.

– И она наверняка была права. Я служил в Двенадцатом Пехотном полку. Принимал участие в битве за Великие Врата, а потом в марше на юго-восток, когда мы отбивали города и замки, куда Йавенер посадил своих людей. Три битвы в поле, восемнадцать стычек, пять штурмов стен. Дослужился я до младшего капитана, но после войны вернулся домой. Мой старший брат погиб, а я стал главой рода. А дома меня ждало это, – он повел вокруг рукою. – Это не магические книги, не героические эпосы, но бухгалтерские. Там – каждый городок, каждое сельцо, каждое стадо овец и коз, каждая из дорог и сторожевых башен, каждая мельница и лесопилка. Некоторым из этих книг больше трехсот лет, я унаследовал их от Храма Дресс, но большую часть мы начинали уже сами.

Кайлеан огляделась, придавленная числом томов. Было их сотни три. Граф перехватил ее взгляд и неожиданно тепло рассмеялся.

– Нет, мне нет нужды заниматься всеми. Есть здесь такие, что касаются мест настолько уже безлюдных, сел, уничтоженных войною, наводнением или пожаром, сорванных мостов, которые слишком дорого отстраивать, стад, уничтоженных заразой или нами – на мясо. Другие

уже полностью заполнены, а потому история кое-каких городов продолжается в томах новых. Нынче я слежу не больше чем за двадцатью из них, – он указал на ближайшую к столу полку. – Да и то не больше нескольких раз в год, например во время стрижки или весною, когда приходят вести, сколько людей померли в этом селе, сколько детей родились и всякое такое. Весенние записи я уже внес, а потому до лета могу не трогать книг.

– Это весьма много работы, господин граф.

– Да. И мне нужен для этого управитель, однако я не люблю полагаться в таких делах на других. Тем более не хотел бы заводить новые реестры. Множество новых... – Он прервал себя, полагая, что девушка уже обо всем догадалась сама.

Однако Кайлеан не намеревалась ему в этом помогать. Сделала удивленное лицо и заморгала, словно чем-то невыносимо обеспокоенная.

– Я не слишком-то понимаю, господин граф...

– Ох, – он махнул рукою, выплескивая немного напитка. – Не играй передо мной в простецкую девицу. Простецкие девицы выклянчивают приданое у семьи, а потом выходят за первого встречного, который их с тем приданым возьмет. Ты поймала жизнь в собственные руки, взялась за работу у дикарей, не стала колебаться, когда понадобилось выехать за сотни миль от дома. Это такие девушки помогали создавать Меекхан – таким, каким он стал нынче. Не те тошнотные, глупо хихикающие идиотки, которых нынче полно в дворянских родах, а жесткие, умелые и отважные женщины. Сколько Гее'нера тебе платит?

– Двадцать оргов ежемесячно.

На этот раз удивленным выглядел он.

– Двадцать оргов? За это можно купить несколько голов скота.

– Именно. Но предыдущая ее подруга получала десять и не решилась отправиться с княжной в ее поездку.

– Значит, ты к тому же умеешь торговаться, дорогая Инра.

– Скорее, знаю свою цену, господин граф.

Он улыбнулся.

– Ну, когда ты не строишь из себя убогую разумом простецкую девицу, ты выглядишь куда лучше. Я не буду морочить тебе голову. У меня есть надежда, что дело с княжной разрешится должным образом и мы не расстанемся во гневе, но сейчас меня заботят все Фургонщики. Придется ли мне начинать для них новые книги? Как долго они будут селиться поблизости от моих земель? Лишь несколько месяцев, как говорит ее высочество, чтобы самое большее на следующий год вернуться в Степи? – Граф принялся прохаживаться вокруг стола, почти на нее не поглядывая. – Императорские приказы были простыми и краткими. «Принять верданно в Олекадах, позволить поставить лагерь, не мешать». И только-то. Аж столько-то. Я не знаю, подумал ли кто об этом в столице, но их... сколько? Сто пятьдесят? Двести тысяч? Это целый народ. Во всех Олекадах нынче живет, может, вдвое больше народу, я знаю это, поскольку – видишь, – он задержался взглядом на книгах, – стараюсь точно знать число наших владений, а люди – их неотъемлемая часть. Увеличение этого числа вполтину – будет здесь, в горах, катастрофой. Эти земли не наполнят столько животов, а даже если бы наполнили...

Он снова сделал паузу и внимательно поглядел на Кайлеан.

– Из того, что я знаю, – начала она, осторожно подбирая слова, – Фургонщики и думать не думают оставаться в горах слишком надолго. Стада и табуны – это их богатство, а здесь нет места для выпаса.

– Я могу их купить.

– Я дочь купца, господин граф, и знаю: если разойдется весть, что верданно приходится продавать свой скот и лошадей, то цена обычной коровы с пяти оргов упадет до одного. Они пойдут по миру. Ну и, конечно, лошади, – она улыбнулась. – Они не откажутся их разводить,

потому что это – как продавать своих детей. Они скорее перестанут жить в фургонах и осядут где-то навсегда.

– Но некоторые из их фургонов кажутся подготовленными и для этого.

– Боюсь, я не понимаю...

– Они везут кедровые и дубовые стволы, доски, бочки смолы, тысячи длинных гвоздей, плотницкий инструмент. Совершенно как если бы они были готовы встать в широком поле и выстроить там целый город.

Ой-ой, ой-ой-ой... Думай, девушка, думай!

– Я видела фургоны, груженные теми балками. – Наилучшая ложь – та, которая содержит больше всего правды. – И видела, как их используют, еще во время дороги Степами. Когда караван попадает на почву, преодолеть которую он не в силах, верданно строят из тех балок дорогу. Так делали, когда разлилась одна из речек и им пришлось преодолевать подмокшие пространства. Уложили стволы на землю, проехали и забрали их с собой. Сэкономили почти три дня дороги. Доски, смола и инструменты – для ремонта поврежденных фургонов, караван таких размеров потребляет порядком дерева.

Он мерил ее взглядом, внимательно, щуря глаза.

– Это умное объяснение, – процедил он. – Умное и логичное. И весьма рассудительное, – добавил тихо.

Пришло время оскорбиться. Она нахмурилась:

– Прошу прощения, господин граф, но я не понимаю. Я себе и представить не могу, чтобы верданно не вернулись в Степи. Для того, кто воспитывался на равнине, где ветер пролетает сотни миль, не встретив даже малейшей возвышенности, здешние горы... давят. Черные и серые каменные стены, которые хотят человека смять, расплющить, отбирают у зрения остроту, а у груди – дыхание. Нужно или здесь родиться, или быть безумцем, чтобы хотеть обитать в горах.

Резко, слишком резко для простой девицы.

– Сильные слова, девушка. – Ее собеседник во мгновение ока снова превратился в графа дер-Малег, аристократа в пятнадцатом поколении. Он выпрямился и словно бы несколько отдалился – и все, даже не сделав малейшего шага.

– Отец всегда повторял мне, что даже перед императором нужно говорить правду. А скорее, что именно перед императором и необходимо говорить правду.

– Дочь офицера, я чуть было не забыл, – кивнул он. – Ну хорошо, оставим это. Итак, ты полагаешь, что наши гости придавлены горами?

– Не полагаю, а знаю. Я была с ними, когда они въезжали в горы. Если бы не приказы вождей, большинство фургонов повернули бы через несколько миль. Верданно не созданы для гор, а горы не созданы для них. Ну и еще эти солдаты... Горная Стража... – Онаostroила мрачную мину.

– Горная Стража?

– Ведут себя в долине так, словно их задание – следить за Фургонщиками. Заблокировали все дороги, запрещают выходить из лагерей даже за хворостом, совсем как если бы верданно были узниками. Это раздражает Фургонщиков. А это плохо, господин граф. В лагерях – много молодых, которым не по вкусу такие ограничения, а люди, жившие в Степах, не привыкли, чтобы их запирали. Кто-то может совершить глупость...

Она прервала себя, прикладывая ко рту ладошку как некто, кто оказался за шаг до того, чтобы выболтать страшную тайну. Миг-другой она боялась, что сделала это слишком театрально и что граф раскусит ее игру.

Глянула в его сторону и наткнулась на спокойный, расчетливый и внимательный взгляд. Всматривался он в нее так долго, что она сумела зарумяниться, и, пожалуй, это была именно та реакция, которой он ожидал.

– Фургонщики не любят Стражу? – спросил он тихо.

Она покачала головой.

– Ничего такого я не говорила, господин граф. Они просто не понимают, почему солдаты держат их в долине, словно в какой-то ловушке.

Он даже не моргнул.

– Я не знаю всех приказов из Меекхана, быть может, генерал Монель получил какие-то дополнительные поручения, но он в любом случае должен бдительно. Стража – всего четыре тысячи людей, и, если верданно захотят силой прекратить свои обиды, он не сумеет их сдерживать. Однако пока что никто не пострадал, верно?

– Ну... нет, господин граф.

– А значит, это всего лишь обычная чрезмерность, может, генерал не желает, чтобы что-то с кем-то случилось, поскольку в Олекадах не все относится к Фургонщикам хорошо.

– Несмотря на императорские приказы?

Он тяжело вздохнул и послал ей снисходительную улыбку.

– Император далеко, а отчизна – рядом. Если бы в Степях, поблизости от лагерей Фургонщиков, внезапно появилось какое-то другое племя кочевников, неужели ты, дорогое дитя, полагаешь, что их приняли бы с распростертыми объятиями? Человеческой природы не изменить, чужаки, если их немного, могут приниматься по-доброму, мясом и хлебом, их напоят и угостят. Но эти же пришельцы, явись они в большом количестве, наткнутся на запертые ворота и взведенные арбалеты. Потому что люди здесь, – он дотронулся до груди, – в сердцах, всегда делят мир на известное и неизвестное, на своих и чужих, на друзей и врагов. И, как видишь, в этом разделении «чужак» и «враг» – это одно и то же.

Он снова пустился в путь вдоль стола.

– В горах, как и в моих землях, прибытию верданно предшествовали скверные слухи. О вытеснении с родины, о насильственном переселении целых сел и обозначении новых границ для наших владений. Я не поверил ни в один из них и под угрозой заключения приказал их не распространять. Это была моя ошибка, поскольку столь же успешно можно пытаться задержать пожар, ставя баррикаду из соломенных тюков. Потому-то я и обрадовался, когда княжна Гее'нера выразила желание провести мой замок. Это позволит мне хотя бы частично сопротивляться слухам. Я смогу провозгласить, что сама княжна Фургонщиков заверила меня, что ее народ не имеет намерения здесь оставаться. Некоторые все равно будут поступать как привыкли, но много горячих голов возьмется за ум. Нынче весна, крестьяне должны сеять, выгонять стада на луга и наводить порядок в доме, а не... – Он взмахнул рукою.

– Остричь топоры?

– Пока что все не настолько плохо. Откуда такое предположение?

– Оттуда, что командир Горной Стражи не позволил, чтобы княжну сопровождала ее собственная охрана, а еще оттуда, что послали с нами целую роту, как будто мы едем дикими землями. Ну и мы имели возможность поглядеть на солдат. Часто ли бывает, чтобы они ходили со взведенными арбалетами, граф?

Должно быть, он почувствовал в ее голосе иронию, потому что взглянул на нее холодно, и между ними снова мгновенно воздвиглась стена. Снова был он лишь графом, а она – сиротой без матери и будущего. Все эти высокие слова о меекханке чистой крови, дочери офицера и женщинах, которые строили империю, на самом деле были лишь кучей навоза. Потому что, не нуждаясь он в ней для своих планов, поняла она во внезапном прозрении, не стал бы он терять время на роль «человечного графа». Ну и, что самое важное, сукин сын даже не заикнулся о том, что в горах гибнут люди.

– Мне не нравится твой тон, девушка. Полагаешь, что я обманываю?

– Нет, господин граф. Скорее, что Горная Стража по-другому оценивает ситуацию.

– Возможно, – он внезапно смягчился, но на этот раз она не дала себя обмануть. – Хотя лично я полагаю, что они не уверены в собственных силах. Они никогда не сталкивались с такой... проблемой, а потому стараются дуть на воду. Наверняка, если их прижать, начали бы рассказывать несусветные истории об опасностях, притаившихся в горах. Однако их... чрезмерная бдительность не решает моей главной проблемы. Какова она в действительности, эта княжна Гее'нера?

Теперь она позволила появиться в своем голосе холодку:

– Что вы имеете в виду, господин граф?

– Ох, дитя, – он махнул рукою с благожелательной улыбкой на устах. – Не делай вид, что ты не знаешь, что я имею в виду. Ты с ней уже полгода, большую часть времени вы проводите вместе, а она воспринимает тебя скорее как подругу, а не как нанятую даму для сопровождения. Я вижу. Это молодая красивая девушка, наверняка из-за занимаемого положения одинокая, а значит, ей нужен кто-то, кому она могла бы открыться, выплакаться, поговорить. Мне кажется, что она нашла в тебе поверенную и...

Прервать себя на полуслове и выразительно взглянуть – было любимым способом общения Цивраса-дер-Малега. И очень удобным, поскольку всегда мог сказать потом, что он ни о чем не спрашивал.

– Если уж речь зашла об этом, пожалуй, мне следует уже вернуться к княжне, господин граф. – Кайлеан с достоинством выпрямилась. – Она уже наверняка задает себе вопрос, что меня задержало. А такие опоздания может воспринять как дополнительное оскорбление.

– Гордость и преданность. Я был прав насчет тебя, моя дорогая. Ты повод для гордости всех честных меекханских женщин. Но не пойми меня превратно, я не хочу, чтобы ты выдала мне тайну алькова княжны. Я лишь желаю, чтобы между моими людьми и Фургонщиками все прошло без ненужных столкновений. Потому мне должно знать, каковы их настроения, что думают вожди, что – обычные верданно, каковы их планы. Потому я расспрашиваю о княжне. Кавер Монель совершает ошибку, изолируя их от остальных обитателей гор. Незнакомый чужак – чужак, пугающий вдвойне.

Да, а чужак знакомый перестает быть чужаком. Сколько еще банальностей она должна выслушать, прежде чем дворянин сделает ей конкретное предложение?

Она глубоко присела.

– С вашего позволения, господин граф, я отправлюсь к княжне и передам ваши извинения. Возможно, до завтра мы не покинем замок.

Он сделал несколько быстрых шагов и схватил ее за руку. Не слишком сильно, хотя и решительно. Мгновение Кайлеан сражалась с Инрой. Первая вырвалась бы из его рук, разбила ему нос и, возможно, сломала бы то и другое. Вторая же лишь взглянула с чуть испуганным лицом.

– Прошу меня отпустить, господин граф.

– Сперва ты меня выслушаешь, девушка. Я должен знать, что княжне известно об истинных планах своих старейших. Я в курсе, что королевский род у Фургонщиков не правит, но наверняка он пользуется немалым почетом. У них есть какие-то планы, они должны их иметь, иначе не позволили бы загнать себя в ловушку, какой является эта долина. Они принесли сюда не только тысячи животов, которые нужно наполнять, но и собственную веру, собственную магию. Полагаешь, я не знаю, как оно бывает на Востоке? Что дикие шаманы и колдуны играют там с силами, которых людям не должно бы касаться? Фургонщики не используют аспектированные чары, не умеют пользоваться Силой.

Он говорил все быстрее, горячечным шепотом того, кто делится своими страхами:

– Я знаю, что они неглупы, что постоянно тренируются, их колесницы проезжают несколько кругов посреди долины, лучники, щитоносцы, копейщики превратили окрестности лагеря в военный плац. Это демонстрация, верно? Хотят показать нам, что они готовы к

схватке. Но это – пыль в глаза, потому что битва уже началась, я прав? Они уже сделали первые ходы? Но это не будет битва мечами и топорами... Темные силы повисли над горами, и все началось как раз перед тем, как пришли приказы из Меекхана. Потому я должен знать, имеют ли они с этим что-то общее.

Он до боли сжал пальцы на ее руке. Может, неосознанно, а может, рассчитывая на то, что объятая страхом девушка расскажет все, что знает. Вот только Инра знала не много.

Кайлеан пискнула, выдернула руку из хватки и через миг стояла уже у дверей. Он не пошел за нею.

– Я смогу быть... Я буду благодарен тому, кто поможет мне решить эту загадку. Очень благодарен, триста оргов... пятьсот... Только назови сумму.

Она потянулась к ручке, не сводя с него глаз.

– Не знаю, о чем вы говорите, граф, но я передам княжне извинения и завтра утром – ее ответ. На всякий случай, однако, прошу приготовить фургон в дорогу. А также сообщить капитану Кохра, что нам понадобится эскорт.

И вышла.

Глава 6

Они были хороши. Хороши для людей, для которых вести огромные караваны – часть их жизни. И не имело значения, что последние годы они провели в лагерях: поколение возниц, помнившее странствия плоскогорьем, не вымерло еще, лишь выпестовало свои мечтания и воспитало наследников. За два дня Кеннет мог убедиться: в том, чтобы добраться за такое короткое время из Степей так далеко на Север, заслуга была отнюдь не одних только превосходных имперских дорог. Фургонщики получили свое имя не потому, что они ездили на фургонах. Они в фургонах жили. Рождались, росли, создавали семьи, сражались и умирали.

Когда он поделился этими соображениями с Хасом, который по каким-то причинам сделался соединительным звеном между ротой и верданно, тот сперва поглядел на лейтенанта внимательно, а потом скривился в странной гримасе.

– Ты правда думаешь, что мы шли быстро?

– Вы одолели больше ста пятидесяти миль за десять дней. Почти так же быстро, как одиночный фургон, а в армии нас учат, что чем больше транспорта, тем медленнее колонна.

– Мы могли бы одолеть эту дорогу за три-четыре дня. Так что пока это вовсе не было быстро, лейтенант.

Минуту-другую они двигались в молчании. Кеннет шел обочиной, колдун сидел на козлах, рядом с возницей, всматриваясь в дорогу.

– Большую часть времени мы не ехали, но ставили и сворачивали лагерь, – обронил он наконец. – Езда фургонами непростое искусство, но любой научится ему в несколько дней в достаточной мере, чтобы суметь править в караване. А вот разбить лагерь, когда у тебя тысяча, две или пять тысяч фургонов... Когда боевые сразу же должны встать в окружающую стену, а жилые и те, что с припасами, создать улицы и площади, когда нужно найти внутри место для тысяч голов скота, а вражеская конница сидит у тебя на загривке и уже рвет, бьет стрелами, поджигает фургоны, колет животных копиями...

Он замолчал. Губы его сжались в узкую полоску.

– Боевой фургон тянут четыре коня, и достаточно убить или ранить одного, чтобы выбить фургон из строя. Кочевники быстро этому научились. Правда такова, что колесницы, нас охраняющие, служат не для того, чтобы выигрывать битвы, но лишь чтобы дать фургонам время окопаться. Они должны не подпустить всадников слишком близко к лагерю до той поры, пока лагерь не встанет. А потому всю дорогу мы тренировались расставлять и соединять фургоны самыми разными способами: Круг, Квадрат, Рогатый Город. Мы и путешествовали-то столь долго – чтобы подготовиться.

– И вы уже готовы?

Хас посмотрел на него холодно.

– Тридцать лет назад мы не были готовы, как не были готовы и во время восстания. Но теперь... мы учились целое поколение у племен, которые, как и мы, сражались с се-кохландийцами, пусть и проигрывая свои войны, – и у тех единственных, что в войне с ними победили. У вас.

– Тогда как, по-твоему, отчего мы победили?

– Потому что вы слишком упрямы, чтобы знать, когда проигрывать. – Колдун кивнул. – И каждый раз, когда враг использует какой-то новый фокус, вы придумываете два других, пусть даже и неразумных. Молодежь, родившаяся в лагерях, сделалась немного подобна вам: они упрямы, норовисты, знают, чего хотят, и не боятся за этим тянуться. Они увидели... они выросли меж двумя мирами, и порой я готов лопнуть от гордости за них.

Двигались они во главе колонны, шестая рота свободным кордоном окружила десяток-полтора первых фургонов. Плащи горцев отсвечивали грязной белизной, все псы были в ошейниках – и только слепец мог бы сомневаться, что это идут императорские солдаты.

Лейтенант вздрогнул и сильнее запахнул плащ, прервав болтовню с колдуном. Справа тянулась стена леса, не слишком густого, но мрачного: хвойные кроны сплетались в плотный потолок, не пропускающий солнечного света, а потому взгляд терялся в тенях уже в десятке-другом ярдов за линией деревьев. Слева открывался вид на широкий лог, спускающийся все отвесней, пока противоположный край его не скрывался с глаз, наверняка отвесно обрываясь в пропасть. Дальше – скальные стены, фланкирующие узкую долину, что тянулась добрых три мили, после чего завершалась внезапно, скрытая очередной горой. В Олекадах было множество таких негостеприимных мест, закрытых со всех сторон долин, котловин, желобов, скальных плоскогорий, где не росли даже горные мхи. Эта долина выглядела словно кто-то выскреб ее между скалами узкой ложечкой, и Кеннет мог бы поспорить, что она необитаема, что, впрочем, всем им было на руку. Лучше, чтобы за тем, куда караван движется, наблюдало не слишком много глаз.

И именно в этой долине дул морозный ветер, разгоняясь между горами и вея прямо на караван. Кеннет заслониł лицо. В нескольких сотнях ярдов впереди путь исчезал в узком желобе и – согласно карте – шел им почти пять миль. Нужно будет выслать людей наверх, чтобы проверили, не приготовил ли там кто Фургонщикам неожиданность.

Они оговорили это уже вчера, пополудни и вечером, когда Кеннет рассказал верданно о людях, исчезающих в горах. Они приняли все спокойно, кивая, словно узнавая о вещах, которые случились в сотнях милях от них и к тому же давным-давно. Непросто было понять: они не понимают угрозу или просто уверены в своей силе и потому относятся к опасности легкомысленно. Пожалуй, точнее всего определил это Велергорф, сказавший позже, что они попросту ожидали чего-то подобного. Одета в черное и хрупкие украшения пара племенных колдунов, с которыми лейтенант уже успел познакомиться, наверняка что-то чувствовала. Сам Кеннет прекрасно помнил, как вставляли дыбом его волосы и как немели кончики пальцев, когда они нашли ту проклятую башню без стражников. Там, где использовали чары, его солдаты становились нервными, а псы выглядели так, словно встали на след медведя. Особенно если чары эти, сопровождавшие – как гласил слух – убийства, не относились ни к одному известному аспекту.

Однако он не стал спрашивать об этом Хаса – может, потому, что тот выглядел так, словно ожидал таких вопросов. Не приходилось спрашивать и о том, ожидают ли верданно атаки: позади, справа и слева были тому доказательства. Фургоны сопровождалась вооруженными воинами. Часть из них шла краем леса, некоторые заходили глубже меж деревьев, кое-кто – двигался логом; когда дорога сужалась, они цеплялись за борта фургонов, проезжая кусок пути, словно дети, подшучивающие над взрослыми. Вот только в лицах их, фигурах и стискивающих оружие ладонях не было и тени детскости.

Лейтенант присмотрелся к ним внимательней. Для варваров у них было вполне неплохое вооружение: короткие сабли, легкие топоры на длинных топорницах, копья, дротики и пики. Некоторые держали их в руках с непосредственностью людей, привыкших к оружию с детства, луки – со стрелами на тетивах. Большинство носили стальные шлемы и кожаные панцири или легкие кольчуги со звеньями более мелкими, чем те, что использовались меекханской армией, да к тому же и гуще сплетенные. Сверху они надевали набитые бляхами кафтаны без рукавов, сшитые из множества слоев полотна.

– Это мудрость Востока, – сказал Хас, когда заметил, как Кеннет поглядывает по сторонам. – Такой доспех легче держит стрелу.

– Он довольно тяжелый.

Колдун пожал плечами:

– Не настолько, как кажется. Кроме того, мы сражаемся либо на фургонах, либо на колесницах. Редко бегаем по полю битвы.

– Стрел из арбалета они не удержат.

– Ну так и се-кохландийцы раньше этого не знали. Но нынче, – нахмурился он, – разве они, часом, не видели арбалеты в деле? Тогда, когда вдребезги разбивали ваши армии?

– А разве не ты говорил, что именно у нас вы учились, как сражаться с кочевниками?

– Верно. Только я забыл добавить, что мы учились, главным образом, на ваших ошибках. Тех, плодами которых становились тысячи трупов, утыканных стрелами.

Так вот выглядела большая часть бесед с Хасом. Старик был острым на язык и раздражающим, но, как ни странно, Кеннету это нисколько не мешало. По крайней мере тот отвечал на вопросы и время от времени улыбался.

– Твои люди, кажется, не слишком-то нас любят.

– Почему бы?

Лейтенант оглянулся на ближайшего верданно, поднял руку, помахал. Темные глаза воина блеснули мрачно – и только-то.

– Видишь? Он даже не моргнул.

– Ты не принадлежишь ни к роду, ни к племени, не знаешь языка. В лагере в мирное время они приняли бы тебя пищей, обеспечили бы место для сна и крышу над головою. Стали бы хозяевами, не худшими чем меекханские дворяне. Но во время военного марша всякий чужак – это в лучшем случае обременительная помеха. Они тебя не знают, ты всего лишь проводник. Ну и горы, огромные, давящие со всех сторон скалы, лес, в котором ничего не видно дальше чем на двадцать шагов, где они не знают, что находится за ближайшим поворотом. Не удивляйся.

– То есть, как я понимаю, не стоит делать резких движений?

– Ха, я ведь говорил Анд’эверсу, что ты умнее, чем кажешься.

Кеннет скривился в широкой ухмылке и сделал несколько жестов. Вторая и пятая вперед влево, третья и шестая – вперед вправо. Двести шагов.

Несколько десятков стражников трусцой обогнали караван, чтобы взобраться на стены желоба и прикрыть фургоны сверху. При случае старые и новые десятки получили шанс устроить соревнование по подъему на скалы.

– Приостановись, пока я не дам знать, что дорога безопасна.

Хас кивнул и замахал, вытянув в сторону сухую руку.

Кеннету не было нужды оглядываться, чтобы знать: возницы по очереди передают друг другу сигнал, а вся колонна замедляется, уменьшая расстояние между фургонами где-то до пары футов.

* * *

Когда первые повозки въехали на мост, тот заскрипел, застонал, но устоял. Кеннет занял место на обочине, жуя кусок сушеного мяса, закусывая его сухарем и не отрывая взгляда от мужчины посредине конструкции, в каких-то восьми футах под выложенной досками поверхностью моста. Мужчина устраивал спектакль, сидя на поперечной балке. В одной руке он держал флягу с вином, в другой – куриную ножку и как раз завтракал. При этом болтал ногами над тридцатиярдовой пропастью с таким выражением лица, словно был на прогулке и словно над головой его не проезжали один за другим тяжелые фургоны, груженные балками и колодами.

Звался он Гер’серенс, и был он Первым Строителем лагеря Нев’харр. То есть человеком, на плечах которого лежала задача перевести караван через горы. Говорили, пару лет обучался он в Императорском инженерном университете в самом Меекхане, благодаря чему соединял умения меекханских строителей с традиционным знанием верданно.

На Лиферанской возвышенности строители занимались созданием дорог и переходов через заболоченные территории, укреплением боевых фургонов, когда караваны вставали на долгий постой, рытьем колодцев и строительством водопроводов из полых бревен, благодаря чему лагеря оказывались совершенно независимы от путей, проложенных вдоль рек. А еще – строительством деревянных мостов через реки, ручьи, глубокие распадки, болота или соединенные узкими каналами озера, притом мостов, которые должны были выдерживать такой же вес, как и имперские каменные конструкции.

Таких мостов, как этот, поставленный за один день из кедровых стволов, длиной в пятьдесят футов. Кеннету пришлось признать, что он недооценил отчаянности и сообразительности Фургонщиков: когда вчера утром он привел караван на край ущелья, готов был поспорить, что за спиной его вот-вот раздадутся яростные проклятия и загрохочут громы. Ущелье, которое открылось перед ними, было где-то восемьдесят футов шириной и сто – глубиной, постепенно, на манер клепсидры, сужаясь. По дну его мчался горный ручей. Было в нем ярдов десять – двенадцать ширины, однако напоминал он выпущенного на волю дикого зверя, что слишком долго пребывал на цепи. Рык воды разносился на полмили, а если человек вставал на краю ущелья и внимательно присматривался, то мог увидеть в кипении мелькающие фрагменты деревьев, клочья кустов, камни, подталкиваемые потоком вниз, – верный знак того, что в верховьях реки как раз начали таять снега. Лейтенант позвал Велергорфа и Андана и приказал им глянуть вниз.

– Завтра будет фута на три выше, а послезавтра – на восемь, – оценил старший десятник. – Интересно, как они с этим управятся.

Управились они ловко, спустив несколько длинных стволов и уложив их горизонтально где-то футах в двадцати над ручьем. Ущелье в этом месте было не более сорока футов шириной, а потому балки легли вполне солидно. Потом дело пошло быстрее, и при взгляде на строителя за работой можно было прийти к выводу, что он делает нечто подобное не в первый и не во второй раз в своей жизни.

Сто фургонов, едущих в голове каравана, были нагружены деревом, распиленным, пронумерованным на меекханский манер согласно роду, длине, ширине и качеству, а Гер'серенс просто ходил меж ними и командовал – столько тех, столько этих, тут затесать, там проверить отверстия, тут подрезать. Невероятно, но он едва взглянул на ручей, а имел уже, казалось, в голове готовый план: в полдня в ущелье возникла решетчатая конструкция, состоявшая из десятков соответственно подрезанных и подогнанных кедровых стволов, и она вставала все выше и выше, цепляясь за каждый скальный выступ и полку. И видно было, что это продуманная работа, – каждую балку крепили так, чтобы она принимала на себя часть тяжести, перераспределяя ее вниз и в стороны, разгружая соседние; целиком конструкция возникла очень и очень быстро.

А утром следующего дня, когда уже положили доски и смонтировали перила, строитель сел на середине моста, сразу под максимально груженными фургонами, которыми проверяли конструкцию, и попивал вино. А лицо его было таким, словно он – король мира.

– Теперь ты понимаешь, отчего мы верим, что нам все удастся?

Хас стоял рядом с лейтенантом и смотрел с нескрываемой гордостью, хорошо заметной в темных глазах.

– Это разумно? – Кеннет указал на строителя.

– Ставить жизнь на свою работу – разве это странно? Кроме того, это меекханский обычай, как я слышал: мастер-каменщик входит под мост, когда тот готов.

– Но меекханские мосты так не стонут.

Колдун вслушивался в скрипение конструкции. Пробормотал что-то под носом, пошевелил пальцами. Кеннет скривился, чувствуя, как ползут мурашки по спине.

– Дерево поет, – проворчал наконец Хас. – Оно довольно работой. Балки гнутся и распрямляются, притираются друг к другу. Через какое-то время они притихнут, но мост всегда будет немного поскрипывать. Мы использовали хорошее дерево, будет он стоять хоть сто лет, не требуя ремонта. Да и строитель не сидит там лишь из пустой показухи. Он слушает звуки своего творения. Это последний момент, чтобы услышать фальшивую нотку, ломающийся или плохо закрепленный рычаг. Позже, когда двинутся остальные фургоны, уже ничего будет не сделать.

– Понимаю, – кивнул лейтенант.

– Где остальные твои солдаты?

– Половина уже по другую сторону. Проверяют, точна ли карта. Дальше должен быть крутой подъем, потом лес, в котором придется сделать просеку, а потом мы доберемся до места, называемого Хевен. Это длинный, почти в пять миль, кусок пути, усеянный камнями и валунами. Придется их убрать, чтобы проделать фургонам дорогу. А потом – щель в скале, что-то вроде желоба, которым фургоны наверняка не проедут. Придется скалу рубить.

Колдун что-то проворчал себе под нос.

– Я не расслышал.

– Говорю – увидим, когда окажемся на месте, лейтенант.

– Понимаю. Знаешь, колдун, сейчас начнется настоящая переправа. Дикие горы, которыми никогда не проезжала ни одна повозка.

– Знаю. Мы пройдем. Должны.

– Действительно? Я немного понимаю тех молодых, они мечтают получить земли предков, мечтают о военной славе, битвах, трофеях, крови врагов на собственной стали. Но ты? Что тянет туда тебя, на то ваше плоскогорье?

Хас приподнял брови и взглянул на него с явным удивлением.

– А если я иду за стадом?

– Мне кажется, что ты, скорее, тянешь стадо за собой. То же самое я вижу и в Анд’эверсе, весь тот его холод во время путешествия. Но у него есть сыновья и дочери, потому можно сказать, что он желает сражаться за их будущее. А что толкает туда тебя?

– Смелый вопрос, лейтенант.

– Скорее, рассудительный. Мы должны вас переправить, а тут хорошо бы знать, что все достаточно мотивированны.

– Мои мотивы? – Старик неожиданно улыбнулся. – Мои мотивы – это желание еще раз увидеть *вилоре’де*, детей солнца. Это такие маленькие белые цветочки с золотой сердцевинкой, которые не растут нигде, кроме нашей возвышенности. Хватит ли этого?

Кеннет кивнул:

– Это хорошая причина, чтобы пройти полмира. – Он вложил в рот кусочек сухаря и поздновато вспомнил о хороших манерах: – Завтрак?

Сунул под нос колдуну мешочек с провиантом и с интересом наблюдал за реакцией. Солдаты утверждали, что сухари эти можно даже полюбить, если в окрестностях закончится трава, а на деревьях уже нету коры.

– Хм... Хмм. Неплохо. – Хас медленно прожевал, с выражением на лице, словно он боится сглотнуть, но стыдится сплюнуть. – Это ваша обычная еда?

Лейтенант улыбнулся:

– Обычный военный рацион, – он помахал кусочком сушеного мяса.

Колдун поглядел на скрученную серо-коричневую стружку.

– Теперь я понимаю, отчего вы победили кочевников.

– Почему же?

– Потому что людям, которые едят такие вещи, жизнь не важна. С сегодняшнего дня вы – наши гости. Прикажу готовить для твоих солдат горячую еду дважды в день.

Кеннет взглянул на мост, пряча улыбку.
Сухари действовали всегда.

* * *

Путь вел почти все время в гору, хотя нужно было признать, что Ублюдки справились отлично, выбирая дорогу без подъемов слишком крутых для фургонов. По крайней мере пока что.

Через три мили за мостом, когда они миновали очередной лог и перебросили кладку над широкой трещиной в скале, дорога пошла вверх. Вела неглубоким желобом, поросшим с двух сторон редкими деревьями и кустами. Судя по выглаженным до блеска камням и слою мха, желоб сбрасывал вниз воду от тающих снегов, постепенно превращаясь в мелкий ручеек. Как раз – более-менее – в это время года.

Караван задержался при подъезде, возница первого фургона пустился с колдуном в короткий, наполненный взмахами рук и широкими жестами разговор. После чего пожал плечами, потянулся за вожжами и направил повозку вверх. За ним начали въезжать и остальные фургоны, сохраняя, однако, широкие, куда больше обычного, отступы.

Кеннет обронил несколько приказов, рота заняла позицию перед передним фургоном и вокруг него. Две десятки трусцой пробежались вверх, осмотреть, как местность выглядит дальше. Где-то на половине желоба он подошел к Хасу, что ехал на первом возе.

– Не слишком смело? – обронил он.

– Нужно проверить, как земля несет фургоны. Как работает под колесами, найти слабые места. – Колдун смотрел прямо перед собою. – Это самый быстрый метод, который мне известен. Проехать.

Лейтенант внимательно глядел под ноги, стараясь не споткнуться. Дно желоба было усеяно большими и малыми камнями, выглаженными водой и покрытыми слоем зеленоватой, подсохшей грязи. В углублениях между ними рос мох. И чем выше поднимался караван, тем сильнее изменялся грунт, становился удобней, появлялись маленькие лужицы, глазки воды, рядом несмело шептал маленький ручеек. Земля еще впитывала воду, но через несколько дней ручей доберется до самого низа.

– Могу сказать тебе, где первое слабое место. – Кеннет покачулся и схватился за борт. – Начинается у подножия и завершается там, наверху.

Выругался, ступив в лужу.

Хас только улыбнулся.

– Земля должна почувствовать фургоны на своем хребте. Должна испытать копыта и колеса. И тогда, только тогда она скажет, будет ли их носить или же попытается сбросить или пожрать...

– То есть вы проверяете, не перевернется ли, не застрянет ли? Это какая-то фургонщицкая мудрость? – На ходу Кеннет попытался вытереть липкую грязь о мох. – Жизненная правда из тех, что выросли в Степях? Ну так поделюсь с тобой нашей мудростью. Видишь эту грязь?

Указал на светло-коричневую слякоть на своем сапоге.

– Мы называем ее медвежьей срачкой. Когда высохнет, станет тверже камня, но, когда мокнет долгое время, превращается во что-то вроде смазки для осей. Если таяние снегов началось в этом месяце раньше, чем обычно, то вы как раз пытаетесь подняться в гору по чему-то такому.

Он перепрыгнул на один камень, потом – на следующий. Казалось, что он прав, пространство между теми наполняла глинистая грязь. Кое-где ее дополнительно покрывал слой воды – признак того, что земля пропитана насквозь.

Фургоны тоже почувствовали изменения поверхности. Колеса запали глубже в размокшую почву, которая в несколько минут облепила их так сильно, что деревянные обручи утратили свою ширину. Коням приходилось сильнее наклонять вперед широкую грудь, напрягать мышцы, и не понять было, что доставляет им большую трудность: волочение фургона или вырывание копыт из грязи. Лошади громко дышали.

Хас не отозвался и словом. Перед ними вставали последние двести ярдов подъема, ручей шумел уже в открытую, а грязь наполняла каждую рытвину. Хас дал знак вознице, тот погнал лошадей, которые – о, чудо! – нашли в себе дополнительные силы, поскольку фургон пошел быстрее. И тогда колдун получил, что хотел, – то есть убедился, будет ли земля их носить.

Что-то треснуло в запряжке, конь слева от дышла вдруг вырвался вперед, потянув остатки ремня, привязанные к хомуту, правящий Фургонщик в последний момент отпустил вожжи, чтобы не свалиться с козел. Второй конь коротко заржал и, пытаясь противостоять огромной тяжести, увлекающей его вниз, склонился, чуть не зарывшись ноздрями в землю. Хас выругался по-вердански и привстал на козлах, изо всех сил вцепившись в держатель тормоза. Впустую: тормоз прижался к обручу колеса и начал проскальзывать по грязи.

Конь коротко заржал, словно давясь, его потянуло назад, а копыта не могли найти точку опоры на размякшей почве и мокрых камнях. Грязь, облеплявшая подковы, действовала как смазка, точно так же как и на колесах. Расстояние между фургоном и тем, что шел за ним, начало сокращаться.

Кеннет свистнул и заорал:

– Держать!!!

Стражники прыгнули к фургону со всех сторон, вцепились в борта, подперли плечами. Воз слегка притормозил, но десятки наполнявших его балок весили сотни, если не тысячи фунтов. Лейтенант глянул назад: еще пара футов, и колеса войдут на широкий пояс грязи, по которому соскользнут вниз, словно по ледяному катку. Уперся сильнее.

– Толка-а-а-ать!

Это слегка напоминало попытку удержать движение ледника, гигантская масса неумолимо скатывалась, а они могли лишь чуть-чуть оттянуть неминуемое. У Кеннета перед глазами мелькнула картина кучи разбитых фургонов и окровавленных тел, на долгие часы заткнувших въезд на гору. Он мерзко выругался и тогда увидел, что у солдата впереди есть короткое копье.

– Ланве, копье, быстро!

Стражник оглянулся, не слишком-то понимая, чего он хочет.

– Под низ, через колеса! Засовывай. – Лейтенант поскользнулся и упал на колени, липкая грязь облепила его лицо. – Быстро!

Тяжелое копье молниеносно просунулось сквозь обручи передних колес, спицы прижали его к днищу фургона, затрещали, но не сломались. Кто-то из соображающих солдат сделал то же самое с задней парой колес, фургон притормозил, но все еще медленно скользил назад. Лейтенант напрягся изо всех сил, так, что даже закружилась голова, а во рту он почувствовал железистый привкус. И все же они продолжали сползать.

– Камни под колеса!

Они перекатали под колеса несколько булыжников побольше, оси воткнулись в грязь чуть ли не до половины, и повозка наконец-то остановилась.

Кеннет осмотрелся. Не только он зарылся коленями в землю, большая часть солдат вокруг были измазаны с ног до головы, светло-коричневые потеки испятнали плащи, панцири и оружие. И все скалились, словно дурачки. Им удалось.

Он неторопливо подошел к козлам, возница уже был при лошади, гладил ее грудь и шею, шептал ей что-то на своем языке.

– Проклятушие коневоды, – проворчал Кеннет. – Это ведь мы остановили фургон.

Хас, все еще сжимая рукоять тормоза, послал ему веселый взгляд.

– Если хочешь, тебя я тоже могу похлопать по шее, поласкать, дать кусочек сладкой морковки в награду. Кроме того, совершенно очевидно, что остановил его я, используя тормоз. Собственно, вы нам только мешали, принимая, – он глянул на них сверху, – грязевые ванны.

Кеннет задумался.

– Наверняка ты прав. Пожалуй, нам стоит извиниться.

– Извинения приняты, все знают, что вы нисколько не разбираетесь в фургонах.

Они слегка улыбнулись. Лейтенант первым посерьезнел.

– Вам придется что-то делать с этой дорогой. Со дня на день здесь потечет порядком воды, станет очень скользко, а фургоны размягчат грязь еще сильнее.

– Знаю, – покивал колдун. – Справимся.

* * *

Два дня. Они провели в замке два дня, а знали не больше, чем когда сидели в Кехлорене под опекой Бесары. Вся эта миссия из безумной превращалась в какой-то фарс.

Солнце уже зашло, делалось все холоднее. Кайлеан завернулась в толстый шерстяной платок, пряча озябшие ладони под мышки. На верхушке башни ветер дул безжалостно, не обращая внимания на хрупкие человеческие существа. Во время нынешнего обеда графиня очаровала ее рассказом о двух стражниках, которых лет двадцать назад порывистый вихрь смел с верха стены и сбросил на скалы. Якобы среди слуг ходит сплетня, что духи их все еще исполняют службу и в полночь разыгрывают пугающую пантомиму своей смерти, включая отчаянное цеплянье за каменные края и безголосый крик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.